

НОВОЕ ВРЕМЯ

Амнистия:
кто придет
к нам
из зоны

август 1992

33

Индекс 70621

Колбасный фарс

ISSN 0137 - 0723

В каждом
приличном доме
читают журнал

«Видео-Асс»

Телефоны
Частного
издательского
дома
«Видео-Асс»:

291-04-63,
128-66-14,
118-89-55,
118-89-47.

Читайте в этом номере:**В РОССИИ И РЯДОМ**

СКАНДАЛ <i>Л. Елин</i> ЧЕСТЬ «МЕМОРИАЛА»	4
<i>С. Ковалев</i> ПРАВО НА СОСТРАДАНИЕ И ПРОСТО ПРАВО	6
ЗАКУЛИСНАЯ ИСТОРИЯ <i>Е. Горовая</i> ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА ЭРИХА ХОНЕККЕРА	8
ПРЕССА <i>П. Гутионтов</i> КАК НАС СУДЯТ	12
ЛИТВА <i>Л. Млечин</i> МОЖЕТ ЛИ БЫВШИЙ ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ СТАТЬ ПЕРВЫМ ПРЕЗИДЕНТОМ?	13
ЭХО КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА <i>Е. Русаков</i> ПО СЛЕДУ «КРАСНОГО НОСКА»	17

МИР

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ <i>В. Кокорев</i> ОПАСНЫЕ БЕСЕДЫ ЗА СТАКАНОМ РОМА	20
ЮЖНАЯ АФРИКА <i>Н. Решетняк</i> КОГДА СПУЩЕН ПАР	23
ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ <i>В. Ярынич</i> НАДЕЖНАЯ ГОЛОВА И СЛАБЫЕ РУКИ?	24
МЕКСИКА <i>Ю. Кудимов</i> ЗДЕСЬ ЧТУТ РОССИЙСКИЕ МОЗГИ	26
ОБРАЗ ЖИЗНИ <i>А. Полохов</i> ПОЧТАЛЫОН ЗВОНИТ В ПОЛДЕНЬ	28
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ <i>Е. Каменская</i> МАРШАЛ МАННЕРГЕЙМ (окончание)	30

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО <i>А. Михлин, С. Ковалев</i> АМНИСТИЯ	34
КРАТКИЙ КУРС <i>С. Соловейчик</i> ДЕМОКРАТИЯ ПОД ВОПРОСОМ (окончание)	37
СТОЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ <i>В. Басков</i> БУДНИ МЫТАРЕЙ	40
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ <i>Е. Аничков</i> НЕСКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ БЮРОКРАТИИ	42
СУДЬБЫ <i>А. Иващенко</i> НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОЖДИ	46
ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА <i>Т. Иванова</i> АВТОРА! АВТОРА! АВТОРА!	48
ПОЧТА (2), ЛИЦА (44)	

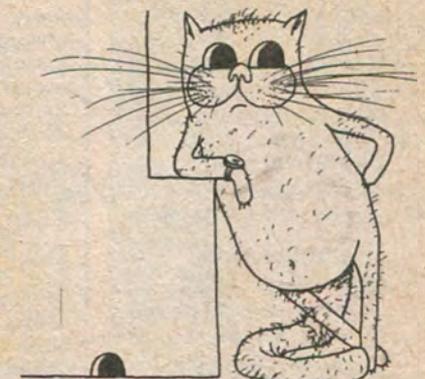
История о том, как бывший секретарь ЦК Зюганов и бывший председатель КГБ Крючков обрели источник патриотического вдохновения в директиве Совета национальной безопасности США

Стр.17

Почему Фидель Кастро расправился с агентами советской разведки в Гаване?

Стр.20

Законодательства о налогах нет. С кого собирать налоги — неизвестно. Но налоговое суперминистерство России уже работает без выходов

Стр.40

Главный редактор

Александр
ПУМПЯНСКИЙ

Редколлегия:

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

Павел САМАРЧЯН,
ответственный секретарь,

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА

Сергей ДУБОВ,
президент а/о «Издательский дом
«Новое время»

**Собственные
корреспонденты
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели,
Лондоне, Мадриде, Мехико,
Праге, Претории, Нью-Йорке,
Риме, Сеуле, Стокгольме, Токио

**Учредитель —
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском и
английском языках

Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67
Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92

Отпечатано в ИПК
«Московская правда».
Москва, ул. 1905 года, д. 7.

Регистрационное
свидетельство №970.
Тираж 100000.
Заказ №3040

Цена по подписке — 59 коп.,
в розницу — 2 руб.

© «Новое время»

ПОЧТА

■ Прочитал заметку В.Аникина «За кого голосовал Д.С.?» («Почта», № 15/92) о письме бывшего власовца, который утверждает, что они (власовцы) никогда «не трогали мирное население».

Во время оккупации я жил в городе Белая Церковь на Украине. В конце 1943 года после освобождения Киева немцы отступали, а с ними и их верные союзники — власовцы в немецкой форме. Перед Белой Церковью произошла небольшая заминка, и в нашем районе города в военной казарме обосновалось какое-то подразделение этих бандюг. Они ввели комендантский час и начали «охоту» за нарушителями. Из близлежащих сел пригоняли людей (гражданских), и даже днем из окон казармы слышались стоны и крики истязаемых. Так продолжалось недели две. Когда наши войска освободили город, ранней весной, за казармой была вскрыта могила, извлекли трупы погибших — удирая, бандиты всех расстреляли в сарае за казармой. На всю жизнь я запомнил труп молодой женщины и возле нее — трупы двух детишек: младшенький где-то четырех лет. Говорят, что это бывшая учительница и ее дети. И еще запомнил: почти всем стреляли в лицо с близкого расстояния — вып-

ваны затылочные кости на голове. Может быть, есть в живых и другие свидетели этого страшного зрелища, они бы все подтвердили. Да и документы, наверно, сохранились в архивах города.

В.Долженко,
пенсионер
Черкасская область

■ С горечью и недоумением наблюдаю за тем, что происходит в Москве. И задаюсь вопросом, а где же та, действительно трудовая, Москва, которая — в отличие от своих антиподов из «Трудовой Москвы» — продолжает нести тяжкий крест, обеспечивая себя и своих близких хотя бы минимальными средствами к существованию? У нас бы такие номера не прошли. Уверен, шахтеры сказали бы свое веское слово, присоединились бы к ним и рабочие других заводов. Хотя у нас положение не лучше, чем в Москве, но мы свое недовольство предпочитаем высказывать в цивилизованной форме и, представьте, кое-чего добиваемся.

Удивляет и пассивность интеллигенции. Уж кому-кому, а ей доподлинно известно, что произойдет, если, не дай Бог, большевики дорвутся до власти. Исторический опыт уже имеется. Сначала они переубьют лидеров всех других партий, которые

сейчас охотно с ними блокируются. Затем преобразуют промышленные предприятия в трудармии. А тем, кто не захочет бесплатно работать, предложат отправиться на Соловки. Причем не в самой корректной форме. Думаю, дальнейший сценарий известен. Его результаты мы испытываем на себе по сей день.

Никто не должен оставаться в стороне. Иначе произойдет то, о чем я недавно прочитал в исповеди немецкого пастора — узника Освенцима, который сказал: я молчал, когда они пришли за евреями, я молчал, когда они пришли за демократами, я молчал, когда они пришли за соседями по дому; когда они пришли за мной, я молчал потому, что обратиться за помощью было уже не к кому.

Юрий Муромский,
русский, рабочий
Донецк

■ Горестная судьба талантливой пианистки Гиты Атласман («Опальная звезда», № 28/92) — это, увы, «обыкновенная история». Дискриминационные рогаки в эпоху государственного антисемитизма и «расцвета дружбы народов» испытывали едва ли не все носители «неблагозвучных» фамилий в сфере искусства.

К сведению лиц европейской национальности

■ На проходившем весной Русском национальном собрании с известному политологу, ученому с мировым именем подошли два посланца русского народа и деликатно поинтересовались: «Вас, чернокопых, на кол еще не сажали?» Ученый, до того немало писавший об авторитаризме и «национал-демократии», от неожиданности вздрогнул, а стоявшие рядом Ст.Куняев и И.Шафаревич скромно потупили глаза, как бы извиняясь перед своим армянским коллегой за суровую народную правду.

Раньше я не придавал особого значения словам о фашизме. И тем более что в фашизме друг друга обвиняли и правые, и левые. Но в последнее время я все больше понимаю, что фашизм — не политическое, тем более не идеологическое понятие. Фашизм — это определенный социокультурный феномен общества, когда хамство и ксенофобия достигают критической массы. А раз так, то фашизм придет к нам не «справа» и не «слева» — в один прекрасный день он ногой распахнет дверь с

улицы и грудным южнорусским баском скажет: «Кто тут ненаши, чернокопые? Выходи!»

Объектом главной ненависти стали «кавказцы». Именно они в глазах народа спекулируют, торгуют, наживаются на бедах.

Прошедшие недавно в Ярославской области антикавказские погромы не стали для меня неожиданностью. Заряд злобы и раздраженности виден даже невооруженным глазом на улицах, в ресторанах, на рынках.

Неожиданностью для меня стали действия милиции в маленьком городке другой области: среди бела дня всех «лиц кавказской национальности» (я очень надеюсь, у бакинской милиции в ходу аналогичный термин — «лица европейской национальности») хватили, запикивали в патрульные машины и отвозили на дактилоскопию.

Что будет завтра, мне страшно даже подумывать.

Андрей Новиков
Рыбинск

**Задача для ЦК:
может ли Фаина
стать
Ефросиньей?**

**Некоторые
материалы
к биографии
генерала
А.А. Власова.
Глава «Власовцы
и дети»**

**Туристическое
агентство
«Трудовой
Москвы»
предлагает
билеты
на Соловки**

Многие полагают, что антисемитский крен в политике КПСС относится к послевоенным годам — времени создания Государства Израиль, разгрома Еврейского антифашистского центра, убийства Михозлса. Но все началось значительно раньше.

Недавно опубликованы поразительные документы. 17 августа 1942 года, в самое тяжелое время битвы за Сталинград, начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) академик Г.Александров отправляет на имя секретарей ЦК Маленкова и Андреева докладную записку «О подборе и выдвигании кадров в искусстве». В ней он сообщает о «высоком проценте евреев» в некоторых учреждениях.

Реакция следует незамедлительно. Директора консерватории Гольденвейзера снимают с его поста «за достижением преклонного возраста» (ему было тогда 67 лет). И происходит это в день контрнаступления под Сталинградом. Видимо, не было более неотложных дел...

А вот еще один документ, датированный 1943 годом. Тогдашний руководитель Комитета по кинематографии И.Большаков делится со своим идеологическим шефом большой проблемой. В фильме «Иван Грозный» на роль Ефросиньи пробует Фаина Раневская, у которой «семитские черты ярко выступают на крупных планах». Большаков просит помочь

уломать Эйзенштейна не утверждать актрису на эту роль. Вот чем занимались в разгар войны!

У наших сегодняшних черносотенцев, «памятников» и «патриотов» останкинского разлива были свои духовные предтечи. Правда, действовали они не с таким площадным бесстыдством, а на уровне секретных записок и циркуляров, апеллируя к «революционной целесообразности».

**Б.Гилевский,
профессор
Москва**

■ Не сомневаюсь в том, что фашизм в России не пройдет, и я с теми, кто выступает против любых его проявлений. Однако по поводу национальной идеи я бы с профессором Уолтером Лакером (№25/92) поспорил. Что бы там Ницше ни говорил, немцы остаются немцами, французы французами, русские русскими. Национальная идея не с неба падает. Она в природе вещей. Естественна и русская национальная идея. Чему как не национальной сионистской идее обязан Израиль своим существованием? Смысл русской национальной идеи, как я ее понимаю, — это сохранение русской нации и государственности. Противостоят ли, что русские в прошлом добивались создания, а сегодня добиваются воссоздания Российского государства? Не понимаю, почему я, рожденный русским, всю жизнь должен посвятить тому, чтобы взламывать свое национальное сознание, сбрасывать (фигурально говоря) свои национальные одежды и облачаться в наднациональные?

**Арнольд Анушкин-Тимофеев
Москва**

■ Полностью согласен с автором материала «Хамы грядущи» (№ 21/92) В.Ганюшкиным. Не существуют «коллективное сознание» и «воля большинства». Это миф. В действительности, одна (две, три) сильная личность навязывает свою волю, свое видение, свои устремления большинству пассивных людей, которые считают это чуждое своим. «Народ решил» — такого в реальности не существует. Решает один человек или группа «товарищей».

Я не питаю симпатий к русской ментальности. В России никогда не ценили отдельную личность, всегда на первом

Я ТАК ВИЖУ

Рисунок Евгения Стародубцева

месте — «мы». Даже читатель, пишущий в газету, делаясь собственными рассуждениями, всегда указывает, что так думает и весь его трудовой коллектив или хотя бы соседи. Русскому духу присущи идеи коллективизма, соборности, унитарности. Этому способствует и православие. Поэтому и победил в России коммунизм. В других же бывших социалистических странах Европы он всегда воспринимался как нечто чуждое, привнесенное извне.

Только в условиях частной собственности человек может ощущать себя личностью, а не частью стада — как бы это стадо ни называлось: трудовой коллектив, народ или как-то иначе. Но система ценностей, присущая русским, отвергает частное, личное. Получается замкнутый круг.

И все-таки я верю, что порочный круг удастся разорвать. Потому, что в России есть люди, мыслящие по-европейски, — такие, например, как ваши авторы Иванова, Старовойтова, Ганюшкин и другие.

**Татьяна Милько
Курск**

■ Вы публикуете материалы о продаже оружия. Да, наша страна оказалась в тяжелейшем состоянии, экономике как воздух нужна валюта. И наше оружие — эта та продукция, которая осталась конкурентоспособной на мировом рынке. Вот и стремимся мы ее приткнуть в любую точку. Но ведь наш сегодняшний мир не является идеалом стабильности. На месте внешнедемократического государства может возникнуть тоталитарный режим. Мы не боги, чтобы предугадывать развитие событий. Я не идеалист и не призываю со следующей недели прекратить заключать договоры о поставке оружия. Но надо хотя бы осознать порочность этого занятия. Мы пока не умираем с голоду, чтобы благословлять других на убийства. Да даже если бы и умирали — душа все равно не принимает таких расчетов. Ничем нельзя оправдать продажу средств уничтожения человеческих жизней.

**Евгений Поддругин,
рядовой стройбата
Хабаровский край
Подборку подготовила
Т.Чернова**

В РОССИИ И РЯДОМ

С К А Н Д А Л

Честь «Мемориала»

Последняя пресс-конференция А.Сахарова в декабре 1989 года была посвящена собранным «мемориальцами» 50 тысячам подписей в поддержку его «Декрета о власти»

Мериться страданиями — пустое и постыдное дело

Конфликт в среде правозащитников становится общественной драмой.

«Новое время» при поддержке сопредседателя «Мемориала», председателя Комитета по правам человека ВС России, исследует истоки и возможные последствия раскола

Лев Елин

Ф

ормально конфликт начался 4 февраля этого года, когда в мэрию Москвы премьеру Лужкову и председателю Моссовета Гончару пришло 5-страничное письмо на бланке Московского Объединения лиц, пострадавших от необоснованных репрессий. Авторы — сопредседатель Объединения Александр Андреев и член Совета Объединения Татьяна Смилга — подробно рассказывали, как репрессированные и члены их семей создали «Мемориал», как вошла в эту организацию и молодежь, ко-

торая, однако, не оправдала надежд старых и больших узников ГУЛАГа. Андреев и Смилга утверждали, что «новые господа «демократы» из руководства «Мемориала» (А.Токарев, А.Рогинский, В.Мнацаканов, Я.Рачинский, Н.Богатикова, Е.Жемкова...) забыли стариков, «стали заниматься под маркой благотворительности чисто коммерческой деятельностью, не краснея получали денежные средства, ездили за рубеж...». По Андрееву и Смилге, за рубежом работники аппарата «Мемориал» от имени жертв ГУЛАГа «выпрашивают гуманитарную помощь... Сегодня, когда нашим старым и больным людям грозит голод, они заказывают в Германии модную мебель, хорошую посуду, кофе, машины, холодильники и другие дефицитные вещи».

Последнее из множества обвинений — в воровстве. «Мемориальцы», которых мы видели в пикетах на Лубянке, когда Дзержинский еще стоял, среди первых защитников Белого дома в дни путча, в самых горячих точках — Нагорном Карабахе, Осетии, Приднестровье, где они с риском для жизни добывают информацию о подлинных причинах конфликтов и сами же становятся миротворцами, — эти люди, оказывается, заурядные ворюшки. «Прибывающие для жертв сталинских репрессий посылки с продовольствием и одеждой они вскрывают (даже именные), пересортировывают и в таком виде раздают старикам. Была установлена также и пропаша посылок. Медицинская гуманитарная помощь (из Германии. — Ред.)... до нас вообще не доходит...».

Андреев и Смилга просили мэрию создать комиссию с участием правоохранительных органов «для проверки всей так называемой благотворительной деятельности «демократов» Московского «Мемориала».

Кто съел кексы?

ГУВД Москвы силами двух управлений и одного комитета начинает проверку, но авторы письма не ждут ее результатов. Несколько человек из...Объединения лиц, пострадавших... обращаются к корреспонденту «Вестей», и 12 февраля обвинения в адрес «Мемориала» звучат с телеэкрана. К мрачному портрету добавляются новые отвратительные детали: оказывается, «мемориальцы» поели кексы, присланные из Германии старикам-сидельцам...

Репортаж вызвал протесты — и уже на следующий день «Вестям» пришлось дать опровержение, корреспонденту объявили выговор за «однобокий и поверхностный подход к информации».

Однако А.Андреев находит нового корреспондента, которому достаточно выслушать одну сторону, чтобы все понять и бросить обвинения. 3 марта в «Московской правде» выходит статья С.Ерисовой «Три софы в интерьере Центра». В статье подробно воспроизведено письмо Андреева и Смилге в мэрию. И вновь свежая деталь: оказывается, «мемориальцам» понадобились «три прочные софы в хорошем состоянии» — когда «бывшие узники ГУЛАГа озабочены сегодня мыслями о куске хлеба насущного!»

Корреспондент «Московской правды» не была в «Мемориале» и сама не видела его интерьер, но она пишет: «нет дыма без огня» — и ссылается на имеющийся в ее распоряжении еще один документ о злоупотреблениях сопредседателей Московского «Мемориала» Я. Рачинского и А. Токарева.

Призыв к правоохранительным органам «доказать вину» достаточно откровенен.

Комиссия правоохранительных органов тем временем работает, и вскоре Андреев и Смилга получают официальный ответ: «...Указывае-

мые вами факты злоупотреблений... объективного подтверждения не нашли. Случаев незаконного вскрытия посылок и хищений части гуманитарной помощи, необоснованной передачи медикаментов и медицинского оборудования... использования для личных нужд тех или иных граждан мебели, шкафов, посуды и иных предметов, поступивших из Германии в качестве гуманитарной помощи, не установлено. Сведения о якобы имевших место выездах за рубеж руководителей общества «Мемориал» за счет пожертвований также не подтвердились».

19 марта проводит заседание Совет Московского Объединения лиц, пострадавших от необоснованных репрессий. В мэрию и в ГУВД Москвы идет письмо: Андреев и Смилга обратились в «органы» и в прессу без согласования с Советом Объединения, что были делать не вправе. Все их бумаги просят считать обращениями частных лиц, а не организации узников ГУЛАГа.

Группа бывших политзаключенных пишет письмо в редакции газет. Они цитируют официального представителя немецкого благотворительного общества: руководству «Мемориала» полностью доверяют, г-н Рачинский полностью отчитался за все полученное, «ничего не пропало».

«Яна Рачинского, — говорится в письме, — смертельно оскорбили люди, которых ни на дуэль не вызовешь, ни даже крепкими словами не пошлешь... Оскорбили «Мемориал»...»

Взыскать стоимость тиража

Что делать «Мемориалу»?

7 марта рабочая коллегия Московского «Мемориала» решает направить в Краснопресненский районный народный суд исковое заявление на газету «Московская правда», автора статьи С.Ерисову и авторов заявления Андреева и Смилгу о защите чести и достоинства общества Московский «Мемориал»: «...представление об активистах общества «Мемориал» как о людях, спекулирующих на страданиях жертв, чтобы обеспечить себе комфорт и благополучие, наносит ущерб чести и достоинству этих людей и общества в целом. Между тем эта концепция не имеет ничего общего с действительностью и мы в состоянии это доказать».

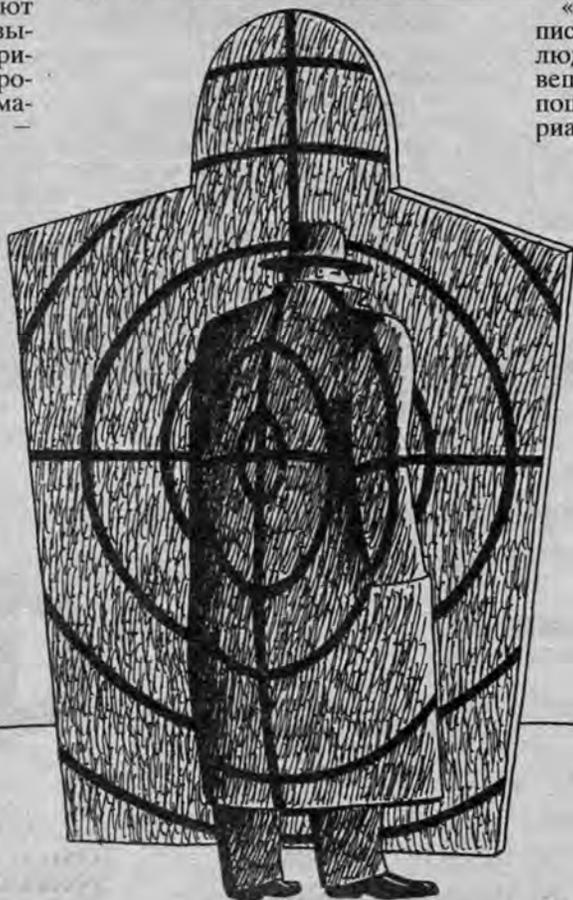

Рисунок
Аркадия Гурского

Требования «Мемориала»: признать утверждения и выводы, содержащиеся в статье «Три софы в интерьере Центра», умаляющими честь и достоинство общества Московский «Мемориал»; обязать редакцию газеты «Московская правда» опубликовать опровержение, взыскать с редакции газеты «Московская правда» стоимость дневного тиража газеты «Московская правда» в качестве компенсации за причиненный обществу Московский «Мемориал» моральный ущерб.

К исковому заявлению «Мемориала» присоединилось и Московское Объединение лиц, пострадавших от необоснованных репрессий (из голосовавших этот вопрос 21 члена Совета Объединения 15 были «за», 6 — «против»), то есть те, от чьего имени пытались выступать Андреев и Смилга.

А 20 июня в битву вступили, как выразится позже Кронид Любарский, «большие медведицы пера»: Василь Быков, Вячеслав Глазычев, Юрий Давыдов, Фазиль Искандер, Вячеслав Кондратьев, Александр Мильчаков, Валентин Оскоцкий, Анатолий Приставкин, Лев Разгон, Андрей Смирнов, Евгения Таратута, Юрий Щекочихин, Яков Этингер.

Тринадцать человек, большинство из которых участвовали в создании «Мемориала», возмутились «вопиющим фактом возбуждения судебного дела» против бывших репрессированных. В «Курантах» появилось их коллективное письмо, изобилующее фактическими неточностями и написанное нехарактерным для авторов стилем: «На каком основании? Кто дал право?... С чьей подсказки?... В чьих интересах?... Нездоровая моральная обстановка...» Это заставило «мемориальцев» предположить, что тринадцать уважаемых

30 октября 1989 года. В день политзаключенных «мемориальцы» встали в цепь вокруг Лубянки

людей «черпали информацию из недовольных источников».

«Новое время» публикует взгляд своего старого автора Сергея Ковалева и полностью разделяет его позицию.

считают они. Конечно, не все сталинские узники так думают: для многих старых зеков расчеты с прошлым и надежды на будущее не сводятся к набору льгот. Для них, как и для людей более молодого поколения, «Мемориал» — возможность работы, продолжение истории в будущее. Это правозащитный центр. То есть поездки в горячие точки, сбор информации (часто под пулями), пресс-конференции, многочисленные публикации и отчеты о нарушениях прав человека (в «Новом времени», например). Это — Научно-информационный центр. То есть архив, библиотека, музей, семинары, конференции, выставки, исследовательские программы, сотрудничество с крупнейшими зарубежными научными центрами.

На что может жить такой «Мемориал»?

Взносы, поступившие на создание памятника жертвам репрессий, лежат в банке неостребованные: их недостаточно. Но ни копейки из них «Мемориал» на себя не истратил. «Мемориальцы» ищут субсидии для своей исследовательской работы и находят их, потому что умеют делать интересные публикации, выставки, предъявляют результаты своей работы. Люди же иного мироощущения,

«попавшие ни за что». Некоторые отбывали срок уже после Сталина — за диссидентство. Некоторые просто не успели сесть в тюрьму или счастливо избежали ее в 70–80-е. И я слышал, как «жертвы» говорят этим «мемориальцам»: «Мы с вами разные люди. Мы в отличие от вас с властями не боролись!» И говорили они это отчужденно, едва ли не с осуждением. «Вы сидели за дело — а мы ни за что».

Эти люди пострадали. Они много раз оказывались между жизнью и смертью. Конечно, и сейчас они совсем недостаточно защищены социальными институтами. Этого нельзя забывать. Но их потребности сегодня — это в первую очередь пенсии, лекарства, продовольственная помощь. «Мемориал» для нас, под нас делался,

Право на сострадание и просто право

Сергей Ковалев

У конфликта более глубокие корни, нежели видно со стороны, скажем, читателю «Московской правды».

С одной стороны — старые люди, которые в свое время достаточно пострадали. Тогда они верили в то, что сегодня никто и в грош не ставит, фальш и лицемерие чего всем очевидно. Большинство из них попали в лагерь — кто «по разнарядке», кто «по снятию слоев», кто по родству (как сама Т.И. Смилга).

С другой стороны — «мемориальцы»: и молодые, и не очень молодые, и ровесники Смилги. Некоторые из них — участники антисталинского подполья конца 40-х годов — сидели в тех же Тайшетах и Норильсках, что и

Фото из архива Московского «Мемориала»

сформировавшиеся в 30-е годы, — ничего плохого о них не хочу сказать — всем этим не очень интересуются. И начинают чувствовать себя обделенными вниманием.

«Мы создали «Мемориал!» — обиженно заявляют они, но это не так. Создавали те, кто собирал подписи на улицах, ходил по инстанциям — Олег Орлов, Дмитрий Леонов, Юрий Скубко, Лев Пономарев, Юрий Самодуров, Елена Жемкова, Алексей Токарев...

Каждый шаг по созданию «Мемориала» давался им с потом и слезами. Их таскали в милицию. Им говорили: «Вы о памяти жертв печетесь? Вот на такой-то улице запланирован памятник Тухачевскому — устраивайте там воскресники, убирайте территорию». В архивах КГБ и КПСС за 1988–1989 годы я видел бумаги, где ставится вопрос о необходимости расколоть «Мемориал», направлять его в «нужное русло», оставив за ним функции собеса. Я читал отчет о беседе с немолодым человеком, бывшим заключенным, предложившим КГБ свои услуги в таком направлении. (Впоследствии этот человек был исключен из «Мемориала» и к нынешней истории он отношения не имеет.)

Вот — начало конфликта, раско-

ждения во взглядах на «Мемориал». Уже потом пойдут претензии: те или не те комнаты в маленьком доме на Малом Каретном, 12 выделены Объединению, необоснованно пострадавших, почему средства расходуются на поездки в Карабах или Осетию, на покупку компьютеров (необходимых, оговорюсь, для работы), а не, скажем, на приобретение земельных участков для стариков и их родственников или еще чего-то... Зачем им «большая политика»?

Может быть, и правда — не до жиру, быть бы живу? И надо прекратить писать статьи и заниматься в архивах?

Но что при таком подходе вообще останется от нашей культуры? И потом, ведь все гранты, полученные «Мемориалом», целевого назначения. Взяв деньги на определенное исследование, нельзя их истратить на калоши и валенки.

Та же самая молодежь «Мемориала», да и такие зеки сталинских лагерей, как Фельдман, Булгаков, Шаповал, добывают и гуманитарную помощь, и дачные участки для стариков, бегают, хлопчут в Моссовете. Я сам отправлял гуманитарную помощь репрессированным из Барселоны от русской общины через «Мемориал». «Мемориал» доставал транспорт, распределял посылки. И ни капли к рукам не прилипло.

Ну а после выступления в «Вестях» и «Московской правде» будет кто-нибудь посылать гуманитарную помощь на адрес «Мемориала»?

Очень огорчает письмо 13-ти писателей. Почему они пишут, что «Мемориал» «травит» Смилгу и Андрееву, «поднимает на них руку», предпринимает «попытку судебной расправы»? Эти двое фактически бросают «Мемориалу» обвинение в воровстве — и делают это раз за разом, несмотря на опровержения. Если они так настаивают на своей правоте — пусть докажут ее в суде. Они не хотят теперь суда? Почему? Заранее согласны с тем, что они не правы?

И как могли интеллигентные люди, литераторы, поставить свои имена под таким письмом? Его стыдно читать! Лариса Богораз разговаривала с Искандером, я разговаривал с Приставкиным... Искандер объяснил, что текста он не читал: к нему обратились и сказали, что обижают сталинских узников. Приставкин отдыхал в Коктебеле, ему позвонили, сказали, что обижают «сидельцев», зачитали основные моменты письма, попросили: «Голя, надо!» Сослались на Льва Разгона...

Я спрашиваю Льва Эммануиловича — выясняется, что и он полного текста не читал. Но его возмущает, «когда на старых отсидевших людей льют грязь». Как будто обратиться в суд за защитой чести и достоинст-

ва — значит лить грязь!

Ну так кто же читал полный текст? Один верит другому. Другой еще кому-то неназванному. Точно сказал Кронид Любарский: прежде чем ставить подписи, этим 13-ти надо было посоветоваться со своим хорошим вкусом. Он бы не подвел.

Какие могут возникнуть в этой стране представления о праве, если писатели обвиняют в «судебной травле» людей, желающих через суд защитить свое доброе имя (другого способа у них просто нет — не обмениваться же письмами: «Вор — не вор?»)? О какой судебной реформе тогда можно говорить, о каком правовом государстве?

Мне бы не хотелось бросать камень в тех несчастных людей с изломанными судьбами и деформированным правосознанием — к счастью, среди бывших репрессированных их оказалось не так уж много, — которые поддались дешевой демагогии и поверили, что «Мемориал» пренебрегает их интересами. Но с писателей-то (и каких писателей — Искандер, Быков, Приставкин, Давыдов!) все-таки иной спрос? Как можно так легко бросаться словами вроде «судебная расправа», не потративши полторы минуты на то, чтобы вникнуть в суть дела?

А суть вот в чем: 7-я статья гражданского кодекса не несет никаких санкций. Если ты не можешь доказать в суде свои обвинения, тебя обяжут отказаться от них и принести извинения. Только и всего. Замечу, что «Мемориал» в своем иске не требует даже и этого: наказанию с точки зрения «Мемориала» подлежат только газета, напечатавшая непроверенные факты.

Абсурдно в этой истории ссылаться на этику. Какие этические нормы позволяют бросить оскорбления, а потом отказаться выяснять истину? Я уже не говорю о системе аргументации в письме. Как оно начинается? «Т.И.Смилга-Полуян — многолетняя узница сталинизма, провела в тюрьмах, лагерях и ссылке 17 лет». Это чистая правда: 3 года в лагере, 14 лет запрета на проживание в «режимных местностях», итого — 17. Но ведь мериться страданиями — это вообще пустое и постыдное дело. Да хоть бы Татьяна Иваровна один день просидела — все равно она имеет право на сочувствие и помощь. Но бросаться тяжкими обвинениями, не подкрепляя их доказательствами, — право на это и 25 лет каторги не дают.

И какое имеет значение — сидел или не сидел, и сколько сидел человек, когда рассматриваются обвинения в финансовой недобросовестности?

Если же говорить о лагерях, то любой сидевший там знает, как звучит в лагере подобное обвинение. Сказал, что твой сосед вор, — докажи...

...По последним сведениям суд назначен на сентябрь.

Последняя надежда Эриха Хонеккера

Он боролся до конца. Запертый в стенах чилийского посольства в Москве, некогда всемогущий властитель первого социалистического государства рабочих на немецкой земле писал отчаянные письма руководителям России. Все было напрасно

Московская журналистка Елена Горová хотела лишь взять интервью у узника-беглеца Эриха Хонеккера и его супруги Маргот, а стала участником событий за кулисами внешней политики. «Познакомившись с этими людьми, — рассказывала она в редакции «НВ», — я поняла, что не смогу остаться в стороне, просто наблюдая за развитием событий».

Чего она добивалась? На этот вопрос она отвечает так: «Российские власти на протяжении семи с половиной месяцев отказывали Хонеккеру в правовом отношении. Вопрос о высылке Хонеккера мог и должен был решить только суд».

Причастность к описываемым событиям сделала ее рассказ пристрастным. Положение уникального свидетеля дало ей возможность увидеть то, чего другие видеть не могли.

Елена Горová

В огромной России у Эриха Хонеккера до недавнего времени оставалось только два друга, не бросивших в беде, — чилийский посол Клодомиро Альмейда и его жена Ирма. Еще две супружеские пары, знавшие Хонеккеров в ГДР, пару раз приглашали Маргот Хонеккер на обед в период их «заточения».

Правда, Хонеккеры получали много писем. Маргот рассказывала мне, что приходили конверты со вложенными деньгами — по 100, 200 рублей. Приглашали жить к себе, проявляя готовность потесниться в убогих российских условиях.

В последние недели Хонеккеры находились на территории чилийского посольства в полной изоляции. И, несмотря на доброе к ним отношение со стороны сотрудников посольства, Эрих Хонеккер чувствовал себя неловко и неудобно. Без знания языка — Маргот была единственной палочкой-выручалочкой, — без права публично высказывать свое мнение (он дал слово чилийцам не делать этого), покинутый всеми. Другими и знакомыми, кому он в свое время оказывал самый высокий прием, кто считал за честь пообедать с ним в ГДР. Маргот с горечью вспоминала, как они дружили с семьей маршала Куликова, а здесь, в России, он не объявился ни разу.

Эрих Хонеккер не только не принимал участия в переговорах о собственной участи, но был лишен информации об их ходе. О себе Хонеккеры узнавали из газет. «Они, журналисты, говорят о нас все, что захотят, но мы тоже хотели бы сказать свое слово. А нам не дают», — говорила мне Маргот по телефону в пятницу, 24 июля.

Связь с внешним миром Хонеккер поддерживал через своих берлинских адвокатов. Маргот, правда, имела право на личные контакты. Да и те были ограничены до крайности. Чтобы поговорить с ней по телефону, мне приходилось изобретать неближи.

Как по нотам?

22 и 23 июля Германия и Россия обменялись нотами. Германия еще раз обратилась к правительству России с просьбой о «возвращении» Хонеккера. А МИД России сообщил, что правительство России, «принявшее решение о возвращении Хонеккера в Германию в декабре 1991 года, основания для изменения этого решения не имеет». (На самом деле решение было принято 15 ноября 1991 года. Причем не о «возвращении», а о «выдворении из пределов РСФСР».) А также, что «российская сторона готова оказать при необходимости содействие дальнейшему следованию г-на Эриха Хонеккера в Германию, как только он окажется на российской территории».

23 июля МИД России направил ноту с

этой информацией (№419/2ey) в чилийское посольство, ожидая, что это «будет доведено до сведения г-на Э.Хонеккера». Почему-то вышло так, что содержание ноты «было доведено до сведения» Хонеккера только поздно вечером 27 июля. Но уже в воскресенье, 26 июля, когда мне не удалось дозвониться до Маргот в посольство (у нас была договоренность о встрече, на которой она должна была передать мне письма и некоторые документы мужа), я поняла, что положение Хонеккеров критическое и надо срочно что-то предпринимать. В понедельник с утра села на телефон. Первое, о чем удалось договориться, — официальный прием Маргот в российском парламенте.

По телефону я сказала ей номер машины, которая придет за ней (белая «Волга», 58-14 ММЖ). Сама я выходила метров за 200 от посольства, чтобы не «светиться» перед журналистами. Мы договорились: в посольстве она скажет, будто едет в гости к знакомым. «Если в посольстве не захотят пропустить машину внутрь, — сказала Маргот, — я выйду за ограду». Хотя она не хотела, чтобы ее фотографировали.

Но чилийцы пропустили машину внутрь. Маргот волновалась. Глянув на мой строгий костюм, спохватилась: «А я не так официально одета...» Сколько-раз я видела ее, на ней всегда была одна и та же тщательно выглаженная кофточка и черная юбка.

В подъезде № 2 Белого дома пропуска были заказаны на две фамилии: Хонеккер и Горовая. Милиционеры едва глянули на мое удостоверение, а когда Маргот достала свой паспорт, нет, не надо, проходите, пожалуйста».

Принимал Маргот Валерий Скрипченко, председатель Комиссии ВС России по депутатскому контролю за использованием иностранных кредитов и валютных средств и одновременно заместитель председателя Комиссии по бюджету, планам, налогам и ценам. Он был первый, до кого я дозвонилась и который сразу согласился принять Маргот. Уверена, что согласились бы и другие, но в этом уже не было необходимости. Разговор длился минут 40. Маргот обрисовала ситуацию и попросила передать председателю парламента Руслану Хасбулатову документ от своих берлинских адвокатов.

В том документе обосновывались юридические аспекты «дела Хонеккера» в России. Адвокаты указывали, какие права Хонеккера нарушаются российскими властями и что

нужно сделать, чтобы избавиться от этих нарушений. Документ был передан российскому послу в Бонне еще 24 июля с просьбой через МИД России направить его Ельцину и Хасбулатову. Но и через три дня до российского МИД документ не дошел. Так сказали специальному представителю президента Чили Джеймсу Холгеру в МИД.

Кстати, это был второй документ подобного содержания от адвокатов Хонеккера. Первый был передан российским властям 25 октября 1991 года самим Хонеккером (он жил еще на госдаче в Барвихе) через переводчика Сергея Негаева. 16 ноября Хонеккера «навестили» Юрий Дерябин, заместитель министра иностранных дел СССР (ныне посол России в Финляндии), и Борис Колоколов, тогда заместитель министра иностранных дел РСФСР. Эрих Хонеккер заинтересовался судьбой документа адвокатов. Дерябин ответил, что «он изучается квалифицированными российскими юристами». Это был последний ответ, который Хонеккер получил от российских властей.

У меня есть список всех его предыдущих и последующих обращений сначала к советским, затем к российским властям. Хонеккер просил — на усмотрение властей — обеспечить ему юридическую защиту на территории России; или выдать выездные документы в любую третью

страну, которая примет его; или предоставить политическое убежище на территории СССР. Об этом он дважды просил Горбачева в письмах от 28 августа и 11 сентября 1991 года. Письмо Ельцину и письмо Горбачеву были переданы 10 декабря, в день, когда российские власти предъявили Хонеккеру ультиматум о «выдворении» с территории России в Германию. Два письма Ельцину, написанные уже в чилийском посольстве, — 2 февраля и 9 марта 1992 года с просьбой дать ему возможность выехать в Корею или Чили. О политическом убежище Ельцину он не просил. Ни на одно из писем Эрих Хонеккер никакого ответа не получил.

Не дошли до адресатов?..

Маргот дала мне не только прежние письма Хонеккера, но и еще два, которые, несмотря ни на что, я должна вручить адресатам: Рудцкому и Ельцину.

«Они были так рады»

Скрипченко сказал, что Хонеккер должен получить официальное уведомление из секретариата парламента России о том, что его документ и сопроводительное письмо приняты и будут отправлены Хасбулатову. Я осталась в его кабинете «сторожить» документы и письма, а Скрипченко и Маргот поднялись на третий этаж к первому помощнику Хасбулатова Леониду Деканю. Через пятнадцать минут Маргот вернулась просветленная, с официальным документом на бланке секретариата президиума ВС России за подписью Деканя.

Хасбулатов отдыхал в Крыму, и Скрипченко сказал, что бумага уйдет с первой же почтой, как только удастся перевести 11 страниц убогистого текста на русский (в парламенте штатных переводчиков нет). Когда я объяснила ему, что основное обвинение в адрес Хонеккера со стороны российских властей в том, что тот «незаконно находится на российской территории», Скрипченко, пожав плечами, сказал: «Если незаконно, так тем более надо бы дать ему возможность уехать или уж, во всяком случае, рассмотреть дело в суде» (в чем Хонеккеру российские власти отказали).

Он проводил нас до машины. Это была уже черная «Волга». И Маргот спросила меня: «Что подумают в посольстве?»

Их запугали до абсурда. Она была взволнована, улыбалась — чуть не до слез. Как и в первый раз, я вышла метров за 200 до посольства, где журналистов было уже очень много — узнали, что Маргот уехала.

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 418/2ey

Министерство Иностранных Дел Российской Федерации свидетельствует свое уважение Посольству Федеративной Республики Германии и имеет честь подтвердить получение ноты Посольства № 001367 от 22 июля 1992 года, содержащей обращение Германского Правительства к Правительству Российской Федерации относительно возвращения в Германию г-на Э.Хонеккера, находящегося в настоящее время в Посольстве Чили в Москве.

Российское Правительство, как известно, приняло решение о возвращении г-на Э.Хонеккера в Федеративную Республику Германии в декабре 1991 года и позднее подтвердило, что оснований для изменения этого решения у него не имеется.

Российская Сторона готова оказать при необходимости содействие дальннейшему следованию г-на Э.Хонеккера в Германию, как только он окажется на российской территории.

Министерство пользуется случаем, чтобы возобновить Посольству уверения в своем весьма высоком уважении.

Москва, 22 июля 1992 года

ПОСОЛЬСТВО
ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГЕРМАНИИ
г. Москва

Верно: 1/1/1
21.8.92.

Ответ российского МИД германским властям не заставил себя ждать

Последний «рот фронт»: Хонеккер прощается с Россией

Мы договорились с Деканом, что я по его поручению попрошу перевод тех 11 страниц в МИД. Обращаться можно было только к Фокину, начальнику 2-го европейского управления МИД, который в последнее время и вел непосредственно переговоры с Холгером, вместо ушедшего в отпуск Бориса Колоколова. Фокина на месте не оказалось. Тогда я передала два телефона-«вертушки» Деканя и его просьбу позвонить ему, как только Фокин или кто-то из его замов вернутся. На этом моя миссия в третьем часу дня 29 июля была закончена. После того как Хонеккер был уже вывезен из посольства, я поинтересовалась у Деканя о переводе документов. «Мне так никто и не звонил», — ответил он.

28 июля позвонила радостная Маргот: она сказала Холгеру и временно поверенному о своей поездке в российский парламент, показала бумагу. Увидев документ из парламента, рассказывала Маргот, «они были так рады»...

Видимо, они, как и я, увидели в этом шанс на решение проблемы. Маргот получила разрешение зака-

зывать мне пропуск на территорию посольства.

В тот же день Холгер был в российском МИД, а вечером письменно уведомил Хонеккера об ультиматуме российских властей: «Российские власти... сообщили нам, что согласны на то, чтобы г-н Хонеккер воспользовался правом высказаться в письменном виде не позднее, чем в течение 24 часов». Срок начинал истекать с момента вручения документа. Холгер ничего не объяснил. Это и вызвало тревогу Маргот. «Мы не понимаем, что бы это могло означать», — говорила мне она. Я, признаваясь, тоже поняла «ЭТО» только на следующий день.

Поздно вечером, 27 июля, Хонеккер написал письмо Козыреву. Любопытно, что в этот день Холгеру сказали в российском МИД, что до них еще не дошел документ адвокатов Хонеккера, который 24 июля был направлен российскому послу в Германии, и Холгер собственноручно отнес их в МИД. 28 июля Холгер отнес в МИД и письмо Хонеккера. В письме Хонеккер, кроме всего прочего, сообщил о том, что Маргот была в парламенте и сама вручила документы адвокатам. Из МИД в парламент они поступили 29 июля, то есть в день выдачи Хонеккера... Об этом мне сказал тогда же в телефонном разговоре Леонид Декань.

Галстук для истории

28 июля около пяти вечера я вошла в резиденцию чилийского посла. Эдит (служанка) проводила меня на второй этаж. Постучала в дверь одной из спален. Открыла Маргот, обняла меня и быстро захлопнула дверь. Все последние месяцы они почти не выходили из своей комнаты. Эрих Хонеккер с приветливой улыбкой крепко пожал мне руку. На нем была тщательно отглаженная белая рубашка навыпуск. Так он позволял себе находиться только в своей комнате. За пределы ее он выходил только в костюме. Помню однажды, когда я попросила сфотографироваться с ним, он сказал по-русски: «Конечно, только один момент...» Быстро поднялся наверх в свою комнату-камеру. Через минуту вернулся в темно-синем костюме, единственном, который я всегда видела на нем и в котором он

уехал в Германию, и в галстук.

В этой комнате я была первый раз. Довольно просторная спальня с двумя кроватями, маленьким письменным столом и диванчиком с журнальным столиком. На полу, справа у окна, раскрытый чемодан и слева, у входа в ванную, два или три небольших закрытых чемоданчика. Поверх одного из них — серенькая шляпа Хонеккера, в которой он обычно гулял, в которой и уехал...

Я пробыла у них около полутора часов. Только один раз в комнату постучали: советник посольства принес им свежую прессу. Эрих Хонеккер минут двадцать внимательно изучал, сидя в кресле у дивана, какую-то газету. По-моему, «Бильд». В отличие от Маргот он был совершенно спокоен. Таким я его видела всегда. Потом сел за письменный столик писать письмо Хасбулатову. Мы с Маргот устроились на диване, разложив новые, недавно врученные им документы.

Эрих Хонеккер закончил писать письмо Хасбулатову. Я сказала, что у них обязательно должна остаться копия. Подумав, Маргот сказала, что здесь, в посольстве, лучше все-таки копии не снимать. Эрих был того же мнения. И сел переписывать письмо. Тем временем я позвонила Леониду Деканю. (У Хонеккера в комнате телефона не было, он стоял на столике в холле второго этажа, метрах в пятнадцати от их спальни.) Декань сказал, что почта Хасбулатову в Крым уходит через полчаса, то есть в 18.30, завтра будет очередная; единственное, что он может сделать, — задержать минут на 15–20. Я сказала, что постараюсь успеть, а если нет — не беда, «отошлете завтра».

Я вернулась в комнату к Хонеккеру. Старик успел переписать письмо в двух экземплярах — один для них с Маргот, другой для меня. Письмо Маргот при моем участии перевела на русский язык сразу, как только Хонеккер закончил его писать. Начисто переписывала я уже по дороге, в такси. Мы сфотографировались — всего несколько кадров: Маргот была взволнована. Мы попрощались до завтра. Эрих Хонеккер широко улыбнулся и крепко пожал мне руку. «Спасибо большое, до свидания, до завтра», — сказал он по-русски. С Маргот обнялись.

«МИД свои функции исчерпал»

Из посольства я уехала в 18.20. Сразу в Белый дом, чтобы передать письмо, только что написанное Хонеккером Хасбулатову, и показать документы, которые мне дала Маргот. В семь вечера Скрипченко передал письмо Деканю. Они просидели за документами минут 20–25. При том, что Скрипченко опаздывал на самолет.

29 июля я сама позвонила Маргот — около трех часов дня. Копии документов были готовы. У нее был печально-угнетенный голос. Она сказала мне по телефону, что до них доходит не очень хорошая информация. И сказала, что даст мне еще какие-то документы. Мы договорились, что она попросит в посольстве заказать мне пропуск, и после четырех я приеду к ним.

Около половины шестого у ворот посольства я увидела толпу журналистов и толпу милиционеров. Поднялась на проходную. Милиционеры, немного пошептавшись, сообщили мне, что пропуск на меня действительно был заказан, но потом позвонили из секретариата посольства и сказали не пропускать.

Через 15 минут с ближайшего телефона-автомата я дозвонилась в резиденцию, но секретарша сказала, что Маргот «на совещании, которое закончится примерно через час». Было 18.00. Я помчалась в МИД, к заместителю министра Виталию Чуркину, который в последние недели курировал переговоры по «делу Хонеккера», чтобы рассказать о последних событиях и о письме Хасбулатову, в котором Хонеккер впервые просил — в качестве одного из вариантов решения вопроса — политическое убежище на территории России.

Виталий Чуркин принял меня очень любезно. Внимательно выслушал. Во-первых, сказал он, «я не владею всей информацией, по-

За день до «выдачи». В своей комнате-камере в чилийском посольстве старик пишет письмо Хасбулатову, впервые обращаясь с просьбой о предоставлении политического убежища на территории России

тому что «дело Хонеккера» вел Колоколов, а он ушел в отпуск». В ответ на мою просьбу задержать выдачу он сказал: «МИД на этом этапе свои функции исчерпал». Мне все стало ясно.

«Мой муж не свободен»

В 19.30 я дозвонилась до Маргот. Голос ее чуть дрожал: «Мой муж уже уехал в Германию...» В 17.00 их пригласил на беседу Джеймс Холгер. Встреча длилась больше часа. Он проинформировал Эриха о том, что «через 20 минут истекает срок пребывания Хонеккера на территории посольства в качестве гостя». Такое решение, по его словам, было принято вчера правительством Чили. Хонеккер возражал. Холгер был непреклонен: решение принято, он сделать ничего не может.

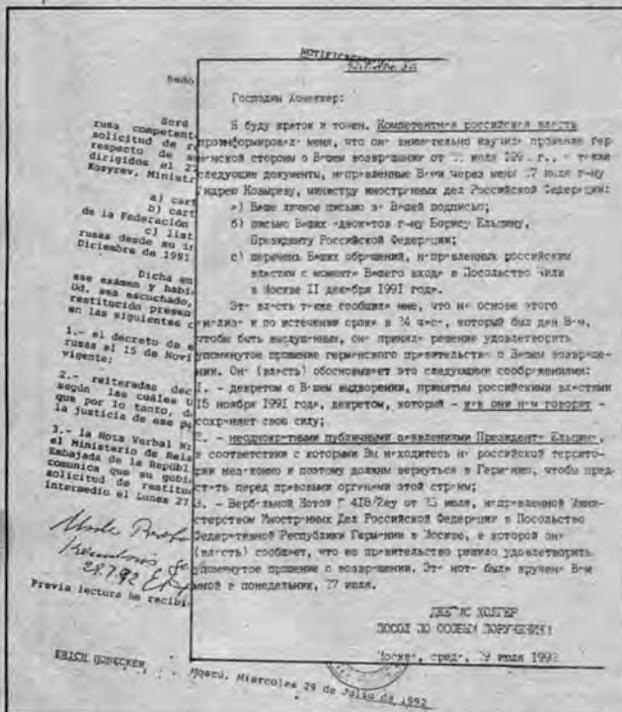
Люди в штатском (с российской стороны) — четверо мужчин и две женщины — уже некоторое время находились внутри посольства. Они ждали окончания встречи с Холгером. Хонеккер попросил Холгера об одном: подождать час-другой. «Нет, вы должны покинуть территорию посольства в эту минуту, сразу после окончания нашей встречи». Люди в штатском, поджидавшие у дверей, не хо-

тели даже на минуту пустить его в свою комнату, в ту, где они с Маргот прожили семь с половиной месяцев. Но Холгер настоял, и Хонеккеру разрешили зайти в комнату на несколько минут, взять личные вещи. Холгер удовлетворил и еще одну просьбу Хонеккера: ехать в аэропорт, где его уже ждал спецсамолет, на машине чилийского посольства.

В этот день, 29 июля, Хасбулатов получил письмо Хонеккера. Это сказал мне Декань — за три часа до «выдачи».

Вечером, когда я говорила с Маргот, она сказала, что пробудет в посольстве еще пару дней — ровно столько, сколько требуется, чтобы оформить выездные документы и купить билет в Чили. Она полетит к дочке Соле. В Германию вместе с мужем она, к сожалению, лететь не может — так посоветовали адвокаты. Мы договорились увидеться в посольстве на следующий день, 30 июля. Но ситуация изменилась. С утра 30 июля Маргот позвонила мне и сказала, что вылетает сегодня, из посольства надо выезжать ровно в 12. Я поймала «частника». В посольстве я была в 11.58. Мы успели только обняться на прощание. Маргот передала мне последний документ Холгера. И тогда я решилась на кошмарный вопрос: сознательно ли Эрих Хонеккер отказался от самоубийства? Маргот успела ответить мне одно: «Мой муж не свободен принимать решения, он не свободен...» Она говорила это на бегу — ее уже ждали.

Фото автора
и из журнала «Шпигель»

Последний документ, врученный Хонеккеру Джеймсом Холгером

Как нас судят

Павел Гутинтов

Как с ней обращается Верховный Совет России, даже говорить неинтересно: одно лишь вступившее в силу постановление по «Известиям» доказывает, что парламентарии наши категорически не желают подчиняться законам, которые сами и принимают.

Беспашашные действия Хасбулатова и его сторонников позволили правительству и президенту продемонстрировать свою приверженность демократии и дать независимой печати целый ряд заверений в том, что в обиду ее не дадут. Однако за правительством так и осталась приятная обуза делить «на всех» дотации на бумагу (в июле прошлого года она стоила 700 рублей за тонну, в феврале этого — 7000, сегодня — 29 000...), за услуги связи (тарифы на распространение тоже скачут как дикий конь), типографские... К тому же бывшие государственные газеты отпущены на свободу не просто с чистой совестью, но и с чистыми карманами — тем же «Известиям», о которых враги не устают кричать, будто они превратились в «частное, принадлежащее журналистам издание», не принадлежит по крайней мере ни одного письменного стола.

Ну и наконец, власть судебная.

Эта тоже, как выясняется, вполне способна сделать жизнь журналиста абсолютно невыносимой.

Конечно, наш брат в свое время привык к определенной безнаказанности, и перспектива посвятить жизнь судебным разбирательствам с теми, чья честь и достоинство задел в торопливой заметке, устроит не всякого. Но тут ничего не попишешь. И то, что закон о средствах массовой информации встает на сторону не только пишущего, но и читающего, я бы отнес к его несомненным плюсам.

Другое дело — КАК применяется закон.

Отсутствие цивилизованного механизма определения правых и виноватых в процессах, которые «пошли» по всей Руси великой, чревато тем, что нам и правда смогут заткнуть рот вернее, нежели парламентскими решениями и экономическим кляпом...

В ходе знаменитого судебного дела новосибирского предпринимателя А.Шоленберга газеты сообщали о таком эпизоде. Цитирую «Вечерний Новосибирск»:

«16 марта Шоленберг подтвердил свое заявление о даче взятки судье Зайцеву и потребовал его отвода. Его требование было отклонено. Более того, суд принял решение о дальнейшем продолжении слушания дела без участия подсудимого, так как его поведение не соответствует процессуальным нормам».

Газета воздержалась от комментариев, ограничившись констатацией факта, действительно имевшего место и зафиксированного в протоколах суда. Тем не менее судья Зайцев, никем, кроме подсудимого, во взяточничестве не обвиненный, счел себя обиженным и вчинил иск сразу шести новосибирским газетам (также опубликовавшим сообщение об инциденте). Сумму он за обиду заломил немалую: семь с половиной миллионов!

Одно дело — «Вечернего Новосибирска» — первая инстанция (районный суд) уже рассмотрела. Правота обиженного коллеги была полностью подтверждена — правда, вместо требуемого миллиона, ему присудили «только» двести пятьдесят тысяч. На сегодня это самая большая сумма, которую обя-

Моральный ущерб: иск и возмещение

звали выплатить газетчиков где-либо в России. Они, правда, это решение обжаловали и деньги еще не выплатили...

Возникает вопрос, кто и как определяет денежный эквивалент нанесенного гражданину морального ущерба. Рамок нет. И если один суд присудил обиженному журналом «Столица» В.Жириновскому компенсацию в пять тысяч рублей (тот просил сто тысяч), то ярославские судьи оценили ущерб лидера «Памяти» Дмитрия Васильева от публи-

кации местной газеты в сорок тысяч (просил миллион). Восемикратная разница впечатляет. И даже обидно немного за Владимира Вольфовича, незаслуженно оскорблять которого почему-то намного дешевле, чем Дмитрия Дмитриевича...

А вот газете «День» придется выложить редактору газеты «Литературные новости» Эдмунду Иодковскому и вовсе сто тысяч.

«Цену» нашему слову устанавливает сам истец — какую заломит, от той суд и пляшет. Благо это самому истцу ни-че-го не стоит: если не считать пошлины в десять рублей.

«Новое время» уже писало, что такой способ работать становится все более популярным. Бывший секретарь Ульяновского обкома КПСС О.Казаров свои тысячи выиграл у «Симбирского курьера» только на том, что тот назвал казаровское выступление на съезде — «скандальным». Офицер КГБ требовал с «Нового времени» миллион — и получил 10 тысяч.

Парламентский комитет по средствам массовой информации после консультаций с юридическим отделом Верховного Совета ответил обратившимся к ним новосибирским журналистам: «В случае если исковое заявление содержит также требование о возмещении с ответчика — органа средств массовой информации — морального вреда в денежном выражении», истец должен предварительно оплатить пошлину в 15 процентов от требуемой с ответчика суммы. То есть, прежде чем потребовать свой миллион, судье Зайцеву пришлось бы раскошелиться на сто пятьдесят тысяч. Думаю, в таком случае он бы так не размахивался — взятку ему, как мы знаем, никто не дает, зарплата у судей, тоже знаем, маленькая...

Но Зайцев обошелся десяткой.

Кстати, такая деталь. Юрист С.Зайцев не рядовой, а член областного суда, начальник, то есть над судьей районным, мужественно присудившим ему 250 000 «деревянных» (с учетом сказанного даже странно, что так мало). А по второй инстанции дело будет рассматриваться и вовсе судом, в котором Зайцев работает, — областным Новосибирским...

Редакторы судимых газет обращались в Верховный суд страны с просьбой изменить территориальную подсудность своих дел. «Мы считаем, что создается недопустимая для нормального общества судебная практика, когда гигантские по суммам иски судей — членов областного суда — рассматриваются и удовлетворяются подконтрольными областному суду районными судами. У нас нет оснований считать такие суды действительно независимыми, объективными и беспристрастными...»

Верховный суд не ответил.

С чем нас и поздравляю.

Может ли бывший первый секретарь стать первым президентом?

Леонид Млечин

На некоторых митингах в Литве ораторы призывают соотечественников не давать детям при крещении имя Альгирдас, поскольку самый известный в республике обладатель этого имени «опозорил себя сотрудничеством с оккупантами».

Наверное, Альгирдас Бразаускас никогда не сможет пережить эту несправедливость. Из всех прибалтийских партийных лидеров он отчаяннее всех боролся за то, чтобы его родина обрела независимость. И вот награда от благодарных соотечественников?..

В Эстонии и Латвии его коллеги — председатели Верховных Советов, которые не сделали для своих народов и половины того, что сделал для литовцев Бразаускас, сохранили посты, а он свой потерял.

Коммунисты голосовали против хозяина

На выборах в Верховный Совет республики в 1990-м первый секретарь коммунистической партии получил 92 процента голосов. Столько не собрал ни Ландсбергис, ни кто-либо другой из лидеров Саюдиса, пришедшего к власти.

В газете, которая на следующий день после провозглашения независимости республики еще называлась «Советской Литвой», речь кандидата в председатели Верховного Совета Бразаускаса была напечатана над речью кандидата Ландсбергиса.

И сама речь была вдвое больше, чем речь Ландсбергиса. Ландсбергис пообещал лишь следовать идеям Саюдиса. Первый секретарь ЦК изложил целую программу. Кажется, он не сомневался в том, что эту программу ему и выполнять.

Опрос общественного мнения в январе 1990 года показал: Ландсбергиса поддерживало 12 процентов литовцев. Бразаускаса — 73.

Если бы председателя Верховного Совета избирали всенародным голосованием, избрали бы Бразаускаса. Депутаты предпочли ему Витаутаса Ландсбергиса.

Странная судьба Альгирдаса Бразаускаса. Литовцы обязаны ему очень многим, но стараются об этом не вспоминать

Из всех прибалтийских партийных лидеров Альгирдас Бразаускас отчаяннее всех боролся за то, чтобы его родина обрела независимость. Но соотечественники отплатили ему черной неблагодарностью

Тогда многие, особенно за пределами Литвы, сочли это нелепой ошибкой. Казалось, что Альгирдас Бразаускас лучше справился бы с этой миссией. Но история совершила поворот, полностью опровергший прогнозы осторожных прагматиков. В Литве выиграли те, кто, подобно парижским студентам в 1968-м, выдвинул лозунг: «Будьте реалистами, требуйте невозможного».

Ему аплодировал Саюдис

Альгирдас Бразаускас первым бросил вызов Москве.

Он отменил шестую статью республиканской конституции, подготовил невиданные на территории СССР законы о политических партиях, о печати и других средствах массовой информации, ввел понятие частной собственности и разрешил наемный труд. Это было равносильно революции.

Бразаускас осенью 1989 года поднял литовский национальный флаг над башней Гедеминаса и создал комиссию по разработке плана восстановления независимости Литвы.

В те времена Бразаускасу даже журналисты на пресс-конференциях дарили цветы. И съезд Литовского движения в поддержку перестройки (Саюдис) аплодировал первому секретарю за то, что он вернул кафедральный собор верующим.

В декабре 1989 года он провел XX съезд компартии Литвы, который реорганизовал «Литовскую республиканскую организацию КПСС в самостоятельную Коммунистическую партию Литвы».

Это означало, что компартия Литвы перестала быть составной частью КПСС!

В январе 1990 года Горбачев приезжал в Литву. Он не хотел ехать, понимая бессмысленность затеи, но его заставил пленум ЦК. Руководство КПСС в первый раз пыталось подтолкнуть Горбачева к решительным действиям против литовского сепаратизма.

Поездка не прибавила авторитета ни Горбачеву, ни Бразаускасу. Оба они старались быть умеренными, и это им вредило.

Горбачев главным образом пытался успокоить своих партийных подчиненных, сбить воинственные настроения в Москве. Но он не понял главного: литовцы хотят уйти, и удерживать их бессмысленно.

Бразаускас, даже выйдя из КПСС, продолжал оправдываться перед Горбачевым — и по инерции, и потому, что понимал, как Москва может расправиться с мятежной республикой.

Но литовцам оправдательные нотки в словах первого секретаря понравиться не могли. Неуступчивые, бескомпромиссные лидеры Саюдиса стали более привлекательными на этом фоне.

«Вы встречались с американским послом?»

В марте 1990-го Верховный Совет республики декларировал независимость Литовского государства. Иначе говоря, одна из республик заявляла о выходе из Советского Союза.

Даже в демократических сердцах желание поддержать справедливое стремление литовцев к самостоятельности смешивалось с неудовольствием: «В Вильнюсе поторопились, противники перестройки воспользуются этим шагом и задушат все демократические преобразования в стране».

Всех интересовало, какой будет реакция Москвы. Что сделает Горбачев? Распустит Верховный Совет? Введет в Литве чрезвычайное положение?

Обсуждалась возможность срочной замены Ландсбергиса Бразаускасом, с тем чтобы остановить санкции против Литвы.

Партия Бразаускаса хотела играть роль стабилизатора в отношениях с Москвой и критиковала Ландсбергиса за отсутствие гибкости.

Юстас Палецкис, тогдашний секретарь ЦК по идеологии, скажет позднее:

— У нас теплилась надежда, что мы сможем поддерживать связи с

Витаутас Ландсбергис все еще считает Бразаускаса главным соперником в борьбе за президентство

Москвой, с прогрессивными силами в КПСС. Однако этого не произошло. КПСС отказалась от сотрудничества с нами.

Когда Бразаускас на пленуме ЦК КПСС долбали за сепаратизм, то спрашивали одно и то же: «Правда ли, что накануне съезда вы встречались с послом США Мэтлоком и ваша партия поддерживает постоянные связи с иностранными посольствами?»

Какой еще реакции могли ждать Бразаускас и его коллеги от членов ЦК КПСС?

Даже Александр Яковлев, сам попавший под обстрел консерваторов за поддержку прибалтийских народных фронтов, сказал на пленуме: «Происшедшее в литовской организации считаю ударом по перестройке в момент самый трудный, самый ответственный, самый критический».

Возможно, он говорил искренне. Он-то знал, какие средства «убеждения» литовцев пустят в ход его коллеги по Политбюро Владимир Крючков, председатель КГБ, и Дмитрий Язов, министр обороны.

Выиграли непримиримые

Политическая судьба Бразаускаса во многом похожа на судьбу Горбачева. Не хватило решительности идти вперед. Сказав «а», что само по себе было величайшей заслугой, Бразаускас не сумел сказать «б».

Он не сумел перестать быть первым секретарем, отказаться от компартии, преодолеть в себе прошлое. Поэтому он не стал лидером новой Литвы.

Бразаускас и его коллеги не верили в то, что Литва сможет быстро достичь независимости. Они знали, что Москва этого никогда не допустит.

Бразаускас сказал тогда: «Кто скажет, как реально прийти к не-

зависимости, тот получит самую высокую награду!»

Но история рассудила по-другому.

Дерзкий пример Литвы, принявшей удар на себя, позволил другим республикам вслед за ней тоже провозгласить декларации о суверенитете. Каждая из этих деклараций была мягче литовской, поэтому острее московских атак было по-прежнему нацелено на Вильнюс.

Необходимость выбора — отпустить Литву или не отпустить — определила весь ход политической борьбы в Кремле. Противники реформ не могли больше ждать: распад СССР был для них недопустим.

Мартовские декларации 1990 года неминуемо вели к августу 1991-го. А когда военный переворот провалился, получилось, что литовцы были правы в своей неуступчивости и радикализме. Лидеры Саюдиса могли утверждать: они привели Литву к свободе потому, что не шли на компромиссы, твердо стояли на своем.

В глазах литовцев линия Ландсбергиса оказалась более верной, чем линия Бразаускаса. Тем более что исторический опыт сделал Литву самой антикоммунистической и антисоветской из всех республик бывшего СССР.

Сразу, после того как советские войска выбили немцев из Литвы, в республике началась гражданская война, наложившая тяжелый отпечаток на самосознание литовцев. Немало литовцев взялось за оружие, чтобы восстановить самостоятельное государство.

«Правильно, что арестовали»

Москва уже в 1940 году поняла, что добиться полной лояльности от балтийских республик, прежде всего от Литвы, будет трудно. В 1944 году 30 октября было принято постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках в работе партийной организации Литовской ССР и задачах в области политработы» и был создан внеуставный партийный орган — бюро ЦК ВКП(б) по Литве. Возглавил его Михаил Суслев, только что проявивший себя при депортации карачаевцев. Такие же бюро создали для Латвии, Эстонии и Молдавии.

В Вильнюсе кабинет Суслова находился напротив кабинета первого секретаря ЦК компартии Литвы Антанаса Снечкуса, который был лишен всякой самостоятельности. Реальная власть находилась в руках Суслова и его помощников, которые в сжатые сроки должны

Михаил Суслев оставил тяжкий след в истории Литвы

были советизировать республику.

Во-первых, было подавлено вооруженное сопротивление. Во-вторых, арестованы и депортированы все «потенциальные враги» Советской власти и их семьи. В-третьих, на ключевые посты были расставлены люди, привезенные в Литву из других республик.

Суслев упрекал республиканский ЦК: «ЦК КП(б) Литвы ни разу не обсудил поведение работника, в работе которого проявляются буржуазно-националистические взгляды».

Умелые люди, присланные Москвой, ловили его слова на лету. «В последнее время у нас выявлено еще немало людей, которых надо изолировать, — докладывал на пленуме ЦК Литвы Н.Калугин, поставленный заведовать кооперацией. — Об этих людях я сообщил в органы госбезопасности, конкретно — закреплению за нами тов.Щербакову. Прошло полтора месяца, однако никаких мер не принято с целью изоляции тех людей, которым место не на свободе, а в тюрьме».

На одном из пленумов ЦК Суслев потребовал от партийных секретарей очистить аппарат от врагов. Он обрушился на секретаря Шакайского уезда Т.Янчайтите:

— Какие меры вы предприняли по чистке аппарата? Например, у вас работает заведующий отделом народного образования. Какие меры вы приняли к нему?

— Мы с работниками ЦК решили оставить его на работе. В 1941 году он активно сотрудничал с Советской властью. Во времена немцев был репрессирован. Сейчас работает хорошо.

— А сейчас он выполняет другую работу, — говорит Суслев.

— Я не слышала об этом.

— Вот взять председателя Гелгаудикской волости, — переходит Суслев к следующей жертве.

— Он арестован и убит, — говорит Янчайтите.

— Кто это сделал? — настаивал Суслев.

— Органы НКВД.

— Значит, он был тем, кем не должны быть наши советские работники, — сразу же нашелся Суслев. — Его арестовали правильно...

Не подлый. И то хорошо

В 1947 году бюро по Литве расформировали. Больше чем на четверть века хозяйном республике стал Антанас Снечкус. Он от многого спас Литву. Но после провозглашения независимости в 1990-м мемориальную доску с его именем снесли. Никакие заслуги не искупают сотрудничества с «оккупационным режимом».

Во времена Хрущева Снечкус успешно защищал интересы Литвы. Республика избежала того, что произошло в Эстонии и Латвии, где стремительно развивали тяжелую промышленность, для которой понадобилось множество рабочих рук. Люди в Прибалтику свозились со всего Союза. Так была заложена бомба, которая взорвалась сейчас.

Снечкус старался поддерживать национальную интеллигенцию, делая «поблажки», недопустимые на всей остальной территории Советского Союза. Единое идеологическое пространство над Литвой зияло дырами.

В московском ЦК знали, что атака на «отклонения литовской интеллигенции от партийной линии» понимания в Вильнюсе не найдет, и выбирали более удобные площадки для идеологических погромов. Скажем, в соседних Латвии и Эстонии, где сменявшие друг друга секретари замирали от каждого окрика из Москвы.

От обвинений в либерализме Антанаса Снечкуса спасала биография, какой не было ни у кого из других секретарей.

Он стал коммунистом в подполье, его дважды судили, приговорив один раз к пятнадцати годам тюремного заключения, другой раз — к восьми. В годы войны он возглавлял штаб партизанского движения в республике.

Назначенный после его смерти в 1974 году первым секретарем Пятрас Гришкявичюс не желал конфликтовать с Москвой. Дух свободы несколько выветрился из республики. Но и Гришкявичюс не был, как рассказывал Палецкис, фальшивым, коварным человеком: «Приходя к нему в кабинет, ты чувствовал, что говорить с ним можно достаточно откровенно, не ожидая удара ниже пояса или подлого по-

ступка. Это был немалый плюс в те времена...»

Секретарь по экономике Бразаускас считался неудобным, в какой-то момент его пытались переместить в Совет Министров. Другим таким заметным человеком был секретарь ЦК Лёнгинас Шепетис, совсем не похожий на идеологический бурбонов.

Партия самоубийц?

В независимой компартии по инерции зарегистрировалось более 85 тысяч человек. Потом люди из партии побежали.

Окончательно партию скомпрометировала деятельность группы Бурокавичюса-Шведа.

КПЛ/КПСС в основном состояла из нелитовцев, она пыталась организовать переворот и расчленила Литву, создав новую Литовскую ССР в составе Вильнюсского и Шальчининского районов (здесь значительная часть населения — поляки), Калининградской области и Клайпедского края...

Бразаускас говорил впоследствии, что после своего XX съезда «партия пережила своеобразный духовный подъем». Он был недолгим. И не только потому, что от коммунистов потребовали ответа за криминальное прошлое той партии, к которой они сегодня принадлежат. А потому, что сама по себе коммунистическая партия из общества должна была исчезнуть.

В каком-то смысле партия Бразаускаса была партией самоубийц. В конце 1989 года в ЦК независимой партии вошли люди, которые тогда откровенно говорили: «Я пришел к власти единственно для того, чтобы разрушить партию изнутри и освободить Литву от коммунистов».

Партия сопротивлялась тому, что соответствовало духу времени; возвращению недвижимости бывшим хозяевам, стремлению вообще вернуться в счастливое довоенное прошлое, призвала не демонтировать структуры, которые функционируют эффективно.

Весной 1990 года в Верховный Совет были избраны 58 членов компартии. Во фракции Демократической партии труда (так переименовали компартию) состоят всего 10 бывших коммунистов. Где остальные?

Перешли во фракции Саюдиса, умеренных, либералов и даже таутиников (партия, правившая в Литве до войны).

Некоторые депутаты стали независимыми. Среди них и близкие в прошлом к Бразаускасу люди — бывшие секретари ЦК по идеологии Лёнгинас Шепетис, Юстас Палецкис. Даже они не верят в перспективы партии Бразаускаса.

Но окружение Ландсбергиса по-

прежнему считает председателя Демократической партии труда Литвы Бразаускаса врагом номер один.

Может ли он вернуться к власти?

В конце мая этого года Ландсбергис обрушился на его партию так, словно на дворе еще 1990 год и у коммунистов все в руках.

— Люди хотят и надеются жить по-новому. Но не откачиваемся ли мы назад — к партнократической власти блока ДПТЛ, к зажиму слова, произволу и коррупции чиновников, к реставрации старого режима? — пугал депутатов Ландсбергис.

Председатель Верховного Совета говорил о ползучем перевороте, о том, что левые вот-вот захватят радио и телевидение, разгонят комиссию по расследованию деятельности КГБ.

Демократической партии труда приходится постоянно оправдываться, делать в парламенте заявления о том, что партия никогда не поддерживала связей с КГБ, а, напротив, ее руководители в последние годы сами были объектом слежки со стороны КГБ.

Ландсбергис видит в Бразаускасе основного соперника в борьбе за президентство и подбирает на него компрометирующие документы.

Опрос общественного мнения, проведенный в марте этого года, показал, что по популярности Бразаускас занимает всего лишь десятое место. На первом — Ландсбергис.

Но в сельской местности бывший первый коммунист республики на первом месте! Причем среди крестьян его популярность по сравнению с прошлым годом даже выросла.

Литва пока еще не зажила нормальной жизнью. Республика переживает те же трудности, что и Россия. Некоторые литовцы ностальгически вспоминают: «При Бразаускасе жилось совсем неплохо».

Нынешним летом во время опроса общественного мнения относительно наиболее подходящей кандидатуры на пост президента Ландсбергис и Бразаускас получили почти равное число голосов. Но не равно большое, а равно малое.

Когда же придет новый человек?

Они с Ландсбергисом однокоренные. Обоим этой осенью исполнится шестьдесят. Этим исчерпывается то общее, что между ними есть.

Ландсбергис — очень умный, упрямый, высокомерный. Его считают проницательным. Он вежлив, спокоен. Не перебивает собеседника. Рафинированный интеллигент.

Бразаускас — простой, хорошо улыбающийся, доброжелательный, без задних мыслей. В нем подкупает своеобразное обаяние. Медлительный, не умеет импровизировать. Настоящий крестьянский сын.

Он немногословен, не озлобился, как Казимера Прунсене, у него есть моральные стоицизм.

Ландсбергис из известной семьи, заметный человек в вильнюсской культурной элите. Занимался музыкальным творчеством Микалоюса Константиноса Чюрлёниса.

Отец Ландсбергиса — Витаутас Жемкальнис-Ландсбергис — был министром коммунального хозяйства во временном литовском правительстве, которое было создано в июне 1941 года, сразу после прихода немцев, но не просуществовало и двух месяцев.

Отец Бразаускаса был пчеловодом.

Бразаускас с детства любил петь, участвовал в самодеятельности Каунасского политехнического института. У него неплохой баритон. Увлекался спортом — легкой атлетикой, многоборьем, метанием диска.

Ландсбергис по-прежнему выступает так, словно читает лекции. В решающие дни 1990—1991 годов его спокойствие внушало литовцам уверенность. Теперь он кажется слишком холодным даже не очень темпераментным жителям Прибалтики.

У приемной Ландсбергиса еще стоят мешки с песком, сваленные здесь в январские дни 1991 года. Он по-прежнему ведет бои с противником, которого на самом деле больше не существует.

Имя Бразаускаса редко встретишь на первой полосе газет. Он стал одним из многих. Сообщения о деятельности его партии сократились до крохотных заметок.

Он превратился в «малозаметного, рядового парламентария, такого же, как его костюм — бесцветный, старомодный», — написала о нем газета «Голос Литвы».

Говорить, что левые, то есть Бразаускас, готовятся к реваншу, нелепо.

Кто же станет первым после 1990 года президентом Литвы: Ландсбергис или Бразаускас?

Возможно, это ложная дилемма. Похоже, и Ландсбергис исчерпал себя. Оба они принадлежат прошлому. Литве нужен новый человек, умеющий не воевать, но строить. Идеологические сражения позади. Литва, как и все бывшие советские республики, жаждет нормальной жизни.

Рисунки Марата Таирова

По следу «красного носка»

Евгений Русаков,
собственный корреспондент
«Нового времени»

В ходе долгого и жесткого противостояния Востока и Запада пропаганда подразделялась на три вида: «черную» — откровенную ложь, «белую» — невыгодную для противника правду и, пожалуй, самую изощренную — «серую», в которой крупицы правды и реальных фактов использовались для нагромождения гор клеветы и вымыслов. Самое трагичное состоит в том, что наше извращенное советское сознание было и во многом до сих пор остается пропитанным «серой» пропагандой.

Лично я не сомневаюсь, что и Геннадий Зюганов, торжественно зачитавший в Конституционном суде директиву Совета национальной безопасности США о «подрыве конституционного строя» в СССР, и бывший председатель КГБ Владимир Крючков, в свое время оперировавший этой же или аналогичной бумажкой, искренне верили в ее достоверность и ни на шаг не отступали от правды. Вопрос в том, вся ли это была правда, к какому времени относилась, с чем была связана?

Тайны ленглийского «леса»

Не могу надеяться, что мне или кому-то другому удастся раскопать для печати весь набор документов, относящихся к теме тайных операций американских спецслужб против Советского Союза. На то они и секретные, чтобы оставаться тайной за семью печатями. После волны разоблачений в середине 70-х годов для ЦРУ и других американских разведслужб наступило относительно благополучное затишье, которое прервал лишь громкий скандал по делу «Иран-контрас». О том, что происходит сейчас или в последний десяток лет в «лесе» в Ленгли — в директорате операций ЦРУ, известно гораздо меньше, чем о подмосковном «лесе» — Службе внешней разведки России.

Тем не менее знакомство с многочисленными опубликованными с ведома и вопреки властям документами, обширнейшей и тоже хорошо отдокументированной литературой о работе Совета национальной безопасности и ЦРУ при различных президентах, беседы с людьми, работавшими в администрации или близкими к ней в разные периоды, вся совокупность фактов, относящихся к внешней политике США и СССР, позволяют воссоздать основные очертания реальной картины.

Единственная доподлинно установленная директива СНБ о широкомасштабной тайной войне против СССР была утверждена первой администрацией Дуайта Эйзенхауэра. Все остальное — обрывки, слухи и откровенная «липа».

Республиканская администрация Эйзенхауэра пришла на волне критики демократа Гарри Трумэна, отца «холодной вой-

**Как Зюганов,
Крючков и др.
обрели
источник
патриотичес-
кого
вдохновения в
директиве
Совета
национальной
безопасности
США**

ны», за «мягкотелость» по отношению к коммунистической экспансии в годы войны в Корее, в самый пик разгула маккартизма.

Наш тоталитарный режим и его имперская политика породили своеобразных двойников на Западе, мышление которых было во многом зеркальным отображением «классового подхода» советских правителей. Такими двойниками были братья Даллес — Джон Фостер и Аллен, возглавившие госдепартамент и ЦРУ. Их антикоммунистический пыл не убавился и после события громадной исторической важности — смены открыто террористического режима Сталина более «мягким» режимом Никиты Хрущева.

Усилиями старшего Даллеса на смену Трумэнской политике сдерживания коммунизма пришла политика его «отбрасывания» и освобождения восточноевропейских стран.

Генерал Джеймс Дулиттл подготовил доклад президенту, в котором говорилось,

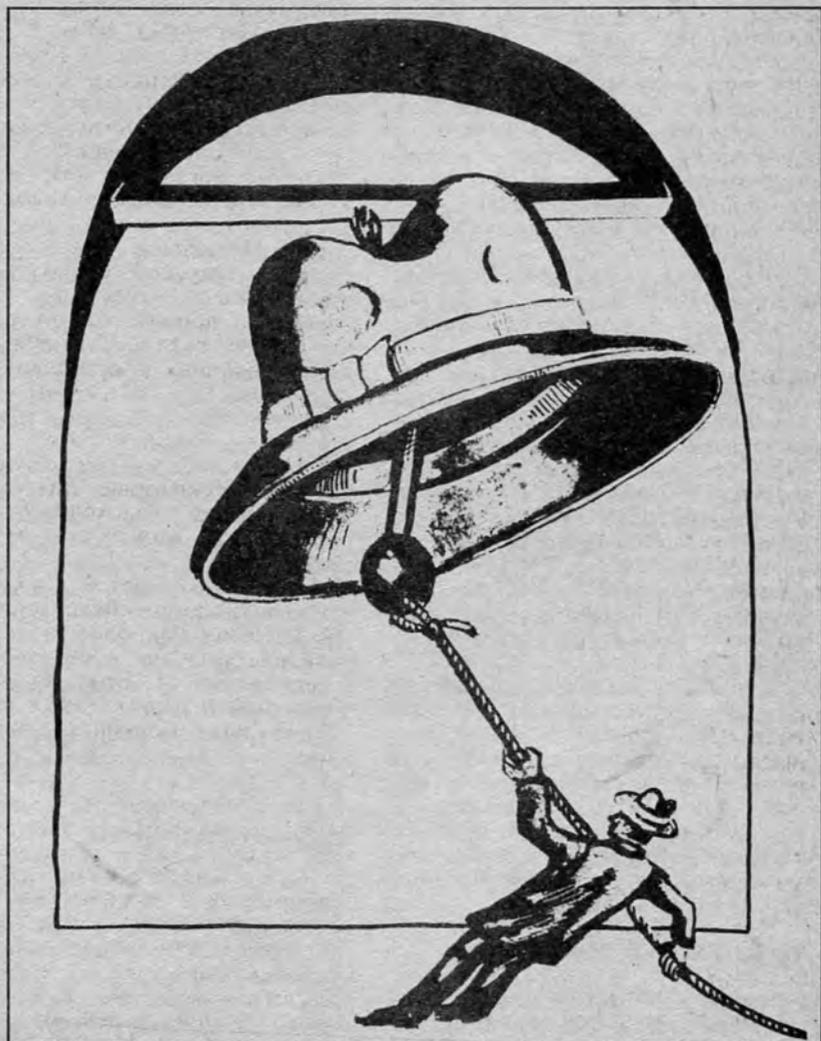

Рисунок Василия Дубова

что для борьбы с полицейским государством нужно иметь «организацию для осуществления агрессивных психологических, политических и полувоенных тайных операций, которая была бы более эффективной, более уникальной и, если это понадобится, более жестокой, чем противник». «Теперь ясно, что мы имеем дело с непримиримым врагом, чей открыто провозглашенной целью является достижение мирового господства любыми средствами и любой ценой. В этой игре нет никаких правил. Поэтому общепринятые нормы человеческого поведения неприменимы... Мы должны развить эффективные разведывательные и контрразведывательные службы и научиться вести работу по подрыву, саботажу и уничтожению наших противников более умными, более изощренными и более эффективными методами, чем противник применяет против нас».

На основании этого доклада в 1955 году Совет национальной безопасности утвердил директиву СНБ 5412, открывшую «зеленый свет» тайной войне ЦРУ против коммунизма с применением любых средств. Директива, состоявшая из двух частей — 5412/1 и 5412/2, также упорядочила процедуру проведения тайных операций, сохранившуюся до начала 70-х годов. Назначаемый президентом орган, который принимал решения на политическом уровне, при Эйзенхауэре и Кеннеди неофициально так и называли «Комитет 5412».

За дело взялся директорат операций, который тогда благозвучно назывался директоратом планов, как и штаб-квартира в Ленгли — управлением общественных дорог.

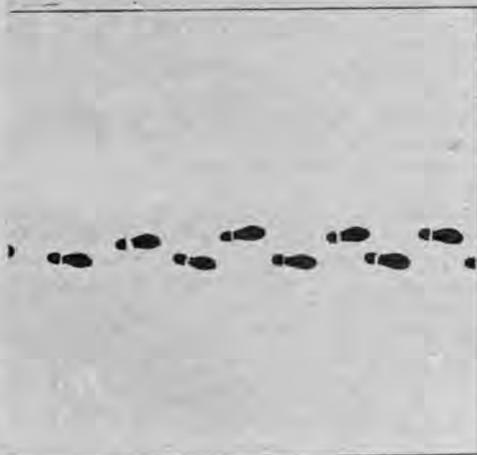
Глава директората Фрэнк Виснер разработал операцию «Красный носок/красная фуражка», предсма-тривавшую... массовое восстание против советского господства. Речь шла прежде всего о Восточной Европе. Но за ней мыслилась гражданская война между различными этническими и религиозными группами в самом Советском Союзе, «час икс» относился аж на конец 1950-х годов.

Подготовка операции включала в себя обучение американцами выходцев из Восточной Европы и СССР, которые должны были возглавить «армии освобождения», использование «агентов влияния» в политических партиях и профсоюзах, пропагандистскую кампанию с помощью радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода».

Испытание Будапештом

Директива СНБ 5412 — бумага грозная. Напомню, появилась она в 1955 году, когда «холодная война» приобретала все более ожесточенный

характер, а в Корее усилиями и ныне здравствующего диктатора стала горячее. Притом в ней непосредственное участие принимали не только китайские «добровольцы», но и советские летчики. От «экспорта революции» советская империя даже на словах отказалась лишь на XX съезде. Американцы имели достаточно оснований считать, что они борются с силовым распространением тоталитаризма по всему миру. Если быть объективным и следовать истории, надо признать, что и у нас подавляющее большинство людей, только что переживших трагедию нашествия с «Запада», свято верили в то, что отечество надо спасать от «международного империализма».

Генштабы обеих сторон усиленно готовили планы ведения войны с применением ядерного и другого оружия массового уничтожения, бросков к Ла-Маншу и Киеву. Во время карибского кризиса эти планы чуть было не пошли в ход, поставив под угрозу жизни десятков миллионов людей.

Если проникнуться духом времени, нетрудно понять, что на этом фоне тайная война спецслужб — цветочки. Хотя она принесла трагедию многим странам и людям: достаточно покопаться в переворотах в Чехословакии в 1948 году или в Иране в 1953 году, или в Гватемале в 1954-м, где соответственно наши «органы» и ЦРУ не стеснялись в выборе средств.

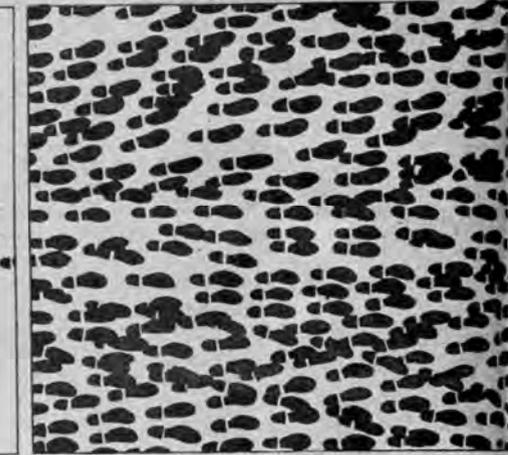
Таков фон, на котором появились эти самые «красный носок» и «красная фуражка».

Тем не менее многие коллеги Виснера считали его планы совершенно фантастическими и до абсурда непрактичными. В частности, Лимэн Киркпатрик и Ричард Хелмс (будущий директор ЦРУ. — Е.Р.) полагали, что широкомасштабные тайные операции поставят под угрозу местные агентурные сети. Кроме того, шансы на успех были в лучшем случае неопределенными. Киркпатрик называл тайные операции столь же

непредсказуемыми, как ядерное оружие, и резонно замечал, что к ним никогда нельзя прибегать, если нет полной гарантии сохранения их в тайне «от зарождения до вечности». Наконец, операция «Красный носок/красная фуражка» была с самого начала поставлена под угрозу провала, поскольку в западногерманскую организацию Гелена, которая должна была укомплектовать костяк участников операции, проникли коммунистические агенты.

Так оценивает эту громкую операцию Натан Миллер в книге «Шпионаж в пользу Америки. Тайная история американской разведки».

Первое же серьезное испытание развеяло миражи директивы 5412.

Таким событием стало народное восстание в Будапеште в 1956 году. По плану ЦРУ вслед за нападениями венгерских «освободительных армий» на гарнизоны советских войск мыслилось оказание «братской международной помощи» со стороны НАТО, которая должна была направить силы по поддержанию мира для обеспечения свободных выборов. Но Дуайт Эйзенхауэр отказался идти на риск прямого вооруженного столкновения с Советским Союзом и новой мировой войны.

Виснер носился как сумасшедший по Западной Европе, но, судя по всему, ему не разрешили даже задействовать засланных в Венгрию обученных под Мюнхеном боевиков из числа эмигрантов. Позже надоедливого мастера тайной войны Аллен Даллес сослал на тихую работу в Лондон. После ухода в отставку Виснер покончил жизнь самоубийством.

Мне удалось поговорить с некоторыми американцами, хорошо знающими историю вашигтонских коридоров власти. «Неспособность оказать помощь венграм, которых мы всячески поощряли к действию, породила и в администрации, и в разведывательном сообществе сильнейший комплекс вины перед людьми, брошенными нами на про-

извол судьбы в решающий момент», — так можно сформулировать единодушное мнение моих собеседников.

В 70-е годы мне довелось встречаться с координатором Трехсторонней комиссии Джорджем Франклином, который до того четверть века проработал исполнительным директором нью-йоркского Совета по международным отношениям. На заре «оттепели», в 1957 или 1958 году, он совершил поездку в Советский Союз с вполне определенной целью — определить, насколько верны утверждения некоторых американских спеццов о желании народа свергнуть коммунистический режим. Его вывод был дан в опубликованной в

перещеголяли своих основных противников из КГБ, ставших их невольными «учителями».

Так кто же развалил Союз

Значит ли все это, что ЦРУ не вело «психологическую войну» против Советского Союза? Нет, конечно. И в этой войне применялась и «черная», и «серая» пропаганда.

Но репрессивный режим сам поставил себя в такие условия, что нередко самой эффективной оказывалась «белая» пропаганда, то есть святая правда.

По этой логике крупнейшим «агентом влияния» можно было бы считать... Никиту Хрущева. В

мнение, что западные спецслужбы, скорее всего, приложили руку к событиям в нашей стране, передавая через подставных лиц и организации множительную технику, возможно, даже деньги. В пользу этого вывода свидетельствует публикация в «Тайме» о совместной деятельности ЦРУ и папы Римского по оказанию помощи польской «Солидарности» в 80-х годах.

Западные спецслужбы действовали в том же духе, в каком Старая площадь раздавала валюту своим идеологическим друзьям. Привело ли это к победе «светлого будущего» за рубежами «социалистического лагеря»?

Трагикомедия заключается в том, что никакие «агенты влияния» не смогли бы развалить Союз так быстро, как наши твердолобые сторонники его сохранения. В период, когда недовольство имперской политикой «метрополии» начало превращаться в национально-освободительное движение, когда наступал крах империи и возрождались национальные государства, они блокировали любые компромиссы и даже пытались играть мускулами в Вильнюсе и Баку, обзывая всех сторонников суверенности «националистами». Августовский путч против законно избранных институтов власти вколотил последний гвоздь в Союз.

И парадокс в том, что именно вашингтонская администрация — все это происходило на моих глазах — стремилась как-то оттянуть падение Союза и его президента Михаила Горбачева даже тогда, когда многим было уже ясно, что «больной» безнадежен. Джорджу Бушу до сих пор припоминают его речь в Киеве летом прошлого года, в которой он отмежевался от тех украинцев, которые добивались самостоятельного государства. Эту речь обозвали «цыпленком поклевски», имея в виду, что «цыпленок» на английском языке означает «трус».

Есть вещи, которые не вмещались и не вмещаются в сознание ортодоксов, застрявших в своем мышлении в первой половине XX века или марта 1953 года.

В принципе это их личное дело. Но если уж они выходят на заседания Конституционного суда, то перепевы достопамятных опусов о «заговорах ЦРУ» в СССР не к месту на таком серьезном форуме.

Выражаясь старыми штампами, можно сказать, что никакие тайные операции ЦРУ или КГБ не могли остановить колесо истории.

НЬЮ-ЙОРК

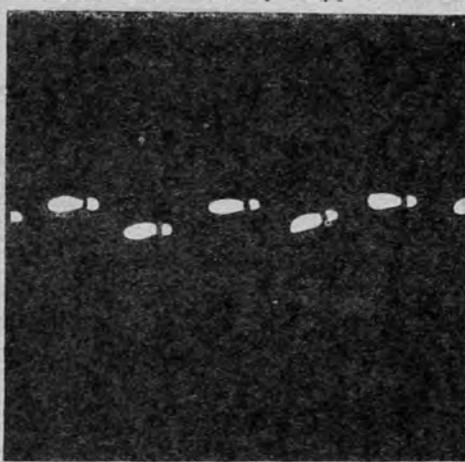
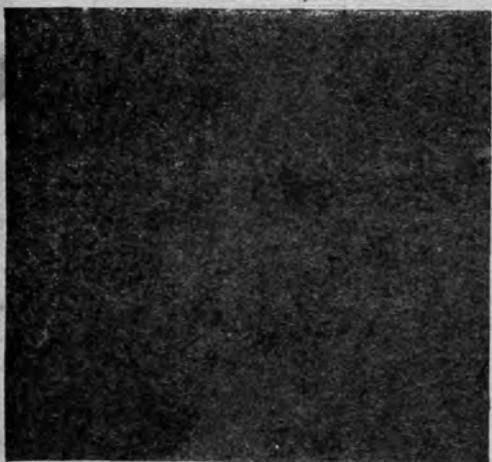

Рисунок Владимира Ненашева

«Нью-Йорк таймс мэгэзин» статье: советские люди в целом поддерживают свое правительство. По словам Франклина, накануне и после поездки в Москву он имел встречи с Алленом Даллесом. Думаю, соответствующие выводы были сделаны и шефом ЦРУ.

«Тайные операции получили свое место: они проводились против тех, кто не мог угрожать большой войной, а не против тех, кто мог ею угрожать, — пишет об уроках Венгрии Джон Ранела в книге «Управление: возвышение и падение ЦРУ». — Постепенный поворот в сознании ЦРУ от мышления «войны» к мышлению «тяжелого и мучительного мира» завершился... К 1956 году была подведена черта под прошлым. Западная Европа стабилизировалась, а Восточная Европа оказалась в руках русских. Главной ареной противоборства стал «третий мир». Тогда сложилось мнение, что судьбы мира будут в конечном счете решаться не в Европе, а на других континентах».

Тайная война (кроме шпионажа и «психологической войны») прочно и надолго переместилась на периферию — в «третий мир».

Надо сказать, что там американские разведслужбы со временем

«психологической войны» против СССР его доклад на XX съезде о сталинских преступлениях был подобен водородной бомбе. Такова ирония судьбы: самые пламенные разоблачения диссидентов даже близко не приближались по своей взрывной силе к этому документу.

ЦРУ встало на уши, чтобы заполучить его. А добившись своего, американские мастера тайной войны долго, мучительно размышляли о том, как эффективнее использовать это лекарство излечения от коммунизма — по капле или всей лошадиной дозой. Виснер настаивал на том, чтобы подождать и использовать публикацию доклада как первую искру для начала мятежей в Восточной Европе согласно операции «Красный носок/красная фуражка». Аллен Даллес решил не ждать.

Ныне, после развала советской империи и падения репрессивного режима, наши ортодоксы по испытанной ими ленинско-сталинской логике стали искать «руку Запада». Почему? Да потому, что очень хочется предстать в ореоле «спасителей» от иностранных «супостатов», хочется видеть себя Мининим и Пожарским.

Опять же выскажу свое личное

Хотя Фидель и упрятал за решетку верных марксистов-ленинцев, в высших эшелонах КПСС царил эйфория в отношении «первого социалистического государства в Западной Европе». Репродукция с картины Д. Налбандяна «Созидание во имя мира»

Опасные беседы за стаканом рома

Когда диссидентов нет, в тоталитарном обществе их выдумывают. Сгодятся и те, кто виновен лишь в «мыслепреступлении»

Владимир Кокорев,
кандидат исторических наук

В конце 1967 года на Кубе прошла серия арестов. Брали в основном людей, принадлежавших в прошлом к Народно-социалистической партии Кубы (НСПК). Под таким названием до 1961 года выступали кубинские коммунисты. Некоторые из арестованных занимали видные посты в правительстве и даже были членами ЦК новой компартии Кубы, состав которого в октябре 1965 года лично зачитал Фидель Кас-

тро. Именно зачитал, как и решение о создании самой партии, принятое «группой товарищей». «Младокommунисты» подошли к вопросу создания новой партии неформально, обойдясь без всяких учредительных съездов, выборов, голосований и прочих утомительных затей... Первый же съезд партии был создан только через десять лет после ее создания.

В чем виноват «старый сектант»?

В вину арестованным вменялись фракционная деятельность, критика лидеров кубинской революции и сотрудничество с «иностранный державой», претендующей «на гегемонию». Впрочем, кубинские «товарищи» и не скрывали, что под такой формулировкой они подразумевают Советский Союз.

В кругах, близких к кубинской службе безопасности, напрямую говорили о разоблачении «опасного государственного заговора, поддержанного КГБ и КПСС». Боль-

шой группе сотрудников госбезопасности, работавших под крышей советского посольства, ТАСС, АПН, внешнеэкономического аппарата, пришлось срочно паковать чемоданы. Вскоре они навсегда покинули «первое социалистическое государство в Западной полушарии». Советско-кубинские отношения вновь вступили в полосу неопределенности. Хотя, собственно говоря, они из нее и не выходили после одностороннего решения Хрущева о выводе советских ракет средней дальности с Кубы во время карибского кризиса 1962 года.

Ключевой фигурой среди арестованных был Анибал Эскаланте. К тому времени он уже не занимал никаких официальных постов. В 50-е годы Эскаланте являлся одним из руководителей НСПК. До 1962 года занимался преобразованием трех политических групп, оставшихся на Кубе после свержения режима Батисты, в Единую партию социалистической революции — прообраз новой компартии. И вот теперь Фидель обвинил его в сектанстве, протекционизме по отношению к кадрам «старых коммунистов», а также «революционной молодежи». Одним словом, он пал жертвой противоречий между прежней компартией, поддерживавшей самые тесные контакты с Москвой, и «молодыми волками» из окружения Кастро.

Эскаланте и его сподвижникам припомнили то, что в свое время они осудили штурм казарм Монкада 26 июля 1953 года, назвали авантюрой высадку с «Гранмы» в 1956 году и в целом с недоверием относились к Фиделю Кастро. «Старая гвардия» полагала своей первоочередной задачей борьбу с троцкистскими «завиhrениями» Че Гевары. До поры до времени Кастро нуждался в поддержке «правверных» коммунистов, ибо за ними маячила тень Старой площади. Но после «предательства» Москвы во время карибского кризиса лидер кубинской революции перестал нуждаться в посредниках в переговорах с Кремлем. Это и определило короткий политический век Эскаланте. Изгнанный со всех постов, он в 1962 году был вынужден эмигрировать в Советский Союз.

На Кубу он вернулся два года спустя, поселился на птицеферме и занялся «опытами по генетике». Тотчас за ним было установлено неусыпное наблюдение. Данные, полученные в результате оперативной разработки, легли в основу обвинения, предъявленного Эскаланте на судебном процессе.

Впрочем, местным чекистам так и не удалось наскрести сколько-нибудь значительный компромат на «старого сектанта», или «верного друга Москвы». Все данные оперативной обработки, проводившейся в течение нескольких лет, сводились к бесконечным описаниям встреч за стаканом рома и бесед о том, что все идет отнюдь не так, как хотелось бы...

Следствие особо отметило тот факт, что органы безопасности при всем их желании так и не обнаружили ни одного мало-мальски значительного события в жизни Кубы, по которому Эскаланте и его собеседники по антипартийной группе не имели бы своего, отличного от мнения руководства, суждения.

О чем же все-таки судачили «заговорщики» за стаканом рома? Они говорили о том, что наверх лезут завязтые антисоветчики, которые тянут Кубу не в ту сторону. Родовались тому, что «главный троцкист» Че Гевара уехал с Кубы делать революцию в другом месте. Досадовали, что Кастро, предав революционные идеалы, идет на сближение с буржуазными странами, в частности с Францией. По мнению «старых коммунистов», Франция предоставила кредит Кубе с далеко идущими «империалистическими целями», стремясь втянуть «Остров Свободы» в орбиту своего влияния. Возмущались тем, что в склоке между советскими и китайскими коммунистами Куба находит как бы в стороне, не занимая однозначно позицию поддержки Москвы. Критиковали упразднение кондукторов в городском транспорте. Называли дешевой демагогией введение правительством бесплатного входа на спортивные соревнования... Словом, вели недозволенные, с точки зрения властей, речи.

Впрочем, они не только непозволительно судачили, но и пытались вести коммунистическую пропаганду, используя, например, материалы, предоставленные в их распоряжение АПН. «Старые волки» позволили себе и такую непозволительную «дерзость»: вместо вводимого властями повального изучения на политзанятиях брошюры французского леворадикала Дебре «Революция в революции?» организовали чтение для рабочих на табачных фабриках произведений классиков марксизма-ленинизма. Есть такой обычай на кубинских сигарных фабриках: когда рабочие крутят вручную «корону» и «партагас», им вслух читают. До революции читали стихи и романы. После 1959 года стали читать литературу по списку политкабинета. Политкабинет рекомендовал Дебре, «старые коммунисты» — Маркса и Ленина. Это ли не преступление?

Прегрешения «преступной банды»

Вот, собственно говоря, и весь перечень прегрешений «преступной бан-

1959 год. Войска Фиделя вступают в Гавану

ды» Эскаланте и его товарищей по «старой гвардии». Все они в конечном счете сводятся к тому, что Оруэлл называл «мыслепреступлением»...

Но следствие установило связь ортодоксальных «мыслезаговорщиков» с резидентурой КГБ. А такая связь действительно имела место. Советских чекистов интересовала прежде всего информация о настроениях в высших эшелонах власти на Кубе. Кубинских «мыслепреступников» — возможность довести до Москвы свои соображения о мелкобуржуазных извращениях теории и практики социалистического строительства на Кубе.

С этой целью Эскаланте и его товарищи вступили, в частности, в контакт с корреспондентом «Правды» на Кубе Вадимом Листовым, который, по их словам, взялся передать в ЦК КПСС обращение «верных друзей» Советского Союза. Правда, с обращением вышла неувязка. Во-первых, сам Эскаланте, продиктовавший текст обращения одному из своих соратников — Октавио Фернандесу, отнюдь не собиhrался его подписывать, дабы не оставлять за собой компрометирующий его материал. Во-вторых, Фернандес так долго искал пишущую машинку, чтобы представить текст обращения в достойном виде, что в конечном итоге опоздал к самолету, на котором Листов благополучно отбыл в Москву. В-третьих, все тот же Фернандес, перечитав на досуге сочиненный в впопыхах документ, поспешил его сжечь.

Тем не менее текст этого злополучного письма все же фигурировал в обвинительном заключении по делу антипартийной группы.

1962 год. Советские войска — в гражданской форме — после карибского «предательства» строевым маршем покидают «Остров Свободы»
 Фото из журнала «Шпигель» (Германия)

Следствие располагало также подробной хронологией встреч Эскаланте с сотрудниками КГБ, работавшими как под крышей посольства, так и в качестве советников кубинских органов безопасности. Считалось, что для своих преступных контактов Эскаланте использовал даже посещения советского детского сада при посольстве, в который ходила его внучка. На допросах «старый сектант» признался, что с одним из советских разведчиков, работавшим советником кубинской разведки и проходившим по материалам следствия под псевдонимом Педро, он поддерживал контакт еще до революции 1959 года.

О конкретном содержании бесед Эскаланте с сотрудниками КГБ материалы следствия умалчивали. Но на суде были представлены многочасовые магнитофонные записи встреч других членов группы со вторым секретарем советского посольства на Кубе Рудольфом Шляпниковым. Молодой советский дипломат, отвечая на беспокойство своих кубинских единомышленников по поводу усиления антисоветских настроений в кубинском руководстве, сделал, быть может, не очень осторожное, но по существу довольно меткое замечание: «Достаточно будет советскому руководству сказать Фиделю, что нефтепробы в Баку по техническим причинам прекращают на три недели отгрузку нефти, как все это кончится». Во время другой встречи Шляпников был еще более откровенен, заметив, что на Кубе вызревают условия для повторения того, что произошло в Венгрии. Это замечание было встречено участниками группы с большим энтузиазмом, и они не раз возвращались к нему во время своих «секретных встреч» за стаканчиком рома.

Лучше утонуть вместе с революцией...

Суд над антипартийной группой «мыслепреступников» завершился

за несколько месяцев до вторжения союзников по Варшавскому Договору в Чехословакию. Анибал Эскаланте получил положенные ему пять лет лишения свободы.

Между тем поле для фрондерства с мировым коммунизмом сужалось. Надо было на что-то решаться. И Фидель выступил с резким осуждением «чехословацких ревизионистов» и поддержал интервенцию. Тогда он произнес свою знаменитую фразу, ставшую четверть века спустя едва ли не главным лозунгом кубинцев: «Мы предпочитаем, чтобы наш народ лучше утонул вместе со своей революцией, чем выжил за счет какой бы то ни было малейшей уступки американскому империализму».

Как и предсказывал Эскаланте, мечты о том, что в 1970 году удастся путем всеобщей трудовой мобилизации нарубить 10 миллионов тонн сахарного тростника и таким образом одним махом решить все проблемы экономики, закончились полным крахом. Франция, проявившая наибольшую гибкость в отношениях с Кубой, отнюдь не собиралась субсидировать плановую экономику кубинских лидеров. При всем своем нежелании Фидель Кастро был вынужден вновь пойти на поклон к Москве. Без экономической помощи СССР тоталитарный режим был обречен.

Как и предполагал Эскаланте, экономическая помощь Советского Союза привела к усилению политического и идеологического влияния КПСС на Кубе. Вслед за многомиллиардными финансовыми вливаниями на Кубу хлынул поток столь дорогих сердцу «старого партийца» советских преподавателей марксизма-ленинизма. Фидель распорядился все делать точно так же, как это принято в Советском Союзе. Один к одному воспроизводились учебные планы и программы, переводились советские учебники, переписывалась кубинская история... Подавая пример приближенным, Фидель, подобно секретарю обкома

в какой-нибудь советской глубинке, защитил кандидатскую диссертацию.

Осудив «блуждания» партизано-одиночек, этаких романтиков-троцкистов, по бескрайней латиноамериканской сельве, Фидель Кастро, как будто выполняя заветы Эскаланте, приступил к африканскому сафари — участию кубинских «добровольцев» в гражданских войнах в Анголе и Эфиопии. Такие действия куда более соответствовали геостратегическим наметкам стратегов со Старой площади, чем «партизанские битвы» Че Гевары, столь раздражавшие «старых партийцев»... Короче говоря, Куба сделала одним из наиболее важных военных союзников Москвы в бесконечной цепи локальных войн и конфликтов.

Анибал Эскаланте ошибся лишь в одном — ни одно из этих событий не потребовало ни его личного участия, ни участия кого бы то ни было из «старой партийной гвардии». Она просто тихо канула в небытие, хотя отдельные уцелевшие старые члены НСПК, сумевшие завоевать расположение фиделистов, все еще продолжали журить последних за «мелкобуржуазность», поминутно оглядываясь на окна и двери своих квартир, но журить так, без задора, чисто по-стариковски. Лучшими друзьями СССР в эти годы успели стать те, кого Эскаланте в своих донесениях в Москву называл «отпетыми антисоветчиками».

Что же касается советских чекистов, то они с необычайной легкостью отказались от «верных друзей Москвы» и быстро сосредоточились на создании на Кубе такого же аппарата для подавления «мыслепреступлений», который существовал в Советском Союзе. А первыми жертвами этого аппарата по злой иронии судьбы и стали старые кубинские коммунисты, считавшие своим священным партийным долгом поддерживать доверительные контакты с «вооруженным отрядом» советской компартии.

За что и заплатились...

Когда спущен пар

Забастовка завершена, путь к возобновлению переговоров между правительством и Африканским национальным конгрессом расчищен

Признанный лидер крайне правых в ЮАР Юджин Терре Бланш, отправившись на уик-энд к родителям жены на удаленную ферму в Намибии, даже и не предполагал, что мина замедленного действия, запущенная им в молодости, может разорваться с такой оглушительной силой. Известная журналистка из популярной южноафриканской газеты «Санди таймс» Жани Аллан, давая показания в Лондоне о своих любовных похождениях со знаменитостями в ЮАР, в частности, указала на воинствующего сторонника апартеида, сопроводив свое повествование весьма красочными подробностями. Любопытные журналисты, разыскав телефон Терре Бланша на ферме, стали бомбить его вопросами. Но что мог, бедняга, сообщить в ответ? Конечно, он утверждал, что никакой Жани не помнит, что все рассказанное Аллан — плод ее большой фантазии...

Казалось бы, вот и конец пикантной истории, старой как мир, если бы не одно «но»... Терре Бланш настойчиво попросил журналистов больше не тревожить его по таким пустякам, ибо сегодня он занят другим, более важным делом: он готовит «свой народ» к войне!

Юджин Терре Бланш категоричен в оценках. Он считает, что альтернативы вооруженной борьбе с «черномазыми» и их покровителями в высших эшелонах власти в Претории не существует. И это не просто слова. Правые объявили всеобщую мобилизацию своих сторонников. Боевики, включая и женщин, спешно обучаются в специальных учебных центрах навыкам рукопашного боя. Создаются параллельные структуры власти. Планируется в самом ближайшем будущем проведение крупномасштабных террористических акций, задуманных как «проба сил» перед боем.

Впрочем, один бой уже имел место.

Во время мирной демонстрации в

Крюгерсдорпе, проводимой в рамках общенациональной забастовки, ультраправые устроили потасовку со сторонниками АНК с применением оружия.

Модель будущей демократической Южной Африки Терре Бланш и его

Противостояние в ЮАР пока не переросло рамок словесных баталий

Фото из журнала «Тайм» (США)

сподвижники видят в разделе страны на самостоятельно управляемые территории. Белые согласно их плану должны добиться полной автономии на «своих» землях. Туда, разумеется, черным доступ будет закрыт.

Тем самым расовая сегрегация закреплялась бы на века. Да и лучшие земли отошли бы в полное владение «белого племени» Африки.

Подобная позиция встречает активное сопротивление всех прогрессивных сил общества — и среди белых, и среди черных. Несмотря на серьезные разногласия, в результате

которых приостановлена работа Конвента за демократическую Южную Африку (КОДЕСА), все главные действующие лица представительного собрания, и прежде всего администрация в Претории и АНК, однозначно выступают за единое общество, построенное по принципам многопартийной и многопартийной демократии.

Неожиданно на сторону Терре Бланша перешли и несколько членов парламента от Консервативной партии Южной Африки. Лидер КПЮА Андриес Треурнихт в целом остается сторонником здоровой политики президента де Клерка. Пять же наиболее влиятельных членов партии во главе с бывшим руководителем секретариата А.Бейерсом объявили о создании новой партии африканеров. Цель у «патриотов» фактически та же, что и у Терре Бланша: лилейно-белое государство на мысе Доброй Надежды. Они отвергают усилия сторон «мирным парламентским методом» добиться урегулирования черно-белого противостояния в Южной Африке.

Пока Терре Бланш готовится к рукопашным боям, в забастовке, организованной по призыву АНК, приняло участие около четырех миллионов чернокожих граждан ЮАР.

Экономика Южной Африки потерпела убыток в размере в четверть миллиарда рандов.

А что приобретено?

Как утверждает президент АНК Нельсон Мандела, сделан крупный шаг к миру, стабильности и демократии в регионе. Лидер конгресса вслед за убедительной победой Ф.де Клерка на белом референдуме доказал, что ему нет равных в черной общине. А это значит, что на общенациональном уровне только эти двое могут участвовать в перетягивании политического каната. Они же будут по-прежнему главными партнерами на переговорах.

Фредерик де Клерк после всеобщей забастовки наверняка будет спать спокойнее. Пар был спущен с наименьшими в данном случае потерями. Мятежа не случилось. Всеобщая забастовка не привела к параллельной экономике страны. В целом южноафриканцы получили надежду на то, что при наличии доброй воли еще можно договориться.

Николай Решетняк,
соб. корр. «НВ»
ПРЕТОРИЯ

Надежная голова и слабые руки?

Кто и сколько платит за разоружение

Валерий Ярынич,
кандидат военных наук

Острая полемика развертывается вокруг принятого президентами Ельциным и Бушем решения о резком сокращении стратегических наступательных вооружений. Люди хотят знать ответы на серьезные вопросы, связанные с этим решением. Сколько и кто за это все должен будет платить? И как такие резкие скачки отразятся на способности наших стратегических ядерных сил выполнять свое назначение?

Игра «втемную»

Можно понять сомнения и даже негодование оппозиции: одним махом мы соглашаемся ликвидировать самое наше совершенное и могучее оружие, чего американцы безуспешно добивались многие годы. Да еще при этом неизбежно придется затратить немалые средства. И потом сам характер действий руководства — без одобрения парламента...

Теперь посмотрим с другой стороны. Интуитивно, с общечеловеческих позиций, каждый из нас не может не приветствовать шаги в этом направлении. От роли заложника ядерного монстра пора освобождаться. Все порядком устали от многолетней возни с планами сокращения стратегических наступательных вооружений и ждут действительно решительных шагов. Вот они вроде бы и делаются.

Глубинные корни разногласий лежат, конечно же, в политическом противостоянии руководства страны и оппозиции. А непосредственная причина — отсутствие официально объявленной, открытой методики обоснования принимаемых решений. Игра идет фактически «втемную». Инструмента, которым пользуются эксперты и руководители на переговорах, не видно. Думается, что вопрос о методике обоснования станет решающим при ратификации.

Верится, что какой-то официальный инструмент обоснования существует. Другое дело, что он перио-

дически отстает от стремительного темпа жизни. По своему опыту знаю, что многие применявшиеся еще год-два назад подходы в этой области сегодня безнадежно устарели. Сейчас в военно-политические решения внедряются новый дух, новая шкала ценностей, и это хорошо. Но соответственно этому должен корректироваться и инструмент обоснования, пусть сначала только в качественном, идеологическом плане, и затем постепенно уточняться в математическом, модельном и других отношениях. И становиться достоянием широкой общественности. Не следует при этом опасаться сложностей понимания — кому интересно, тот поймет в нужном ему объеме, да и популяризаторы найдутся. Отчего бы не попросить экспертов, в том числе и американских, открыто изложить основные положения примененной на переговорах методики? Ведь в ней самой ничего секретного быть не может.

Сдерживать приходится и друзей

Интересно выглядит эволюция понятия — «назначение стратегических сил». Раньше ядерные силы предназначались для «гарантированного уничтожения» агрессора. На финише периода перестройки, протрезвев, мы поняли, что они могут служить только для сдерживания, ибо реализация ядерной угрозы бессмысленна, в том числе и в военном отношении. Оказалось, что это не просто логичнее, но и дешевле. Понятие ядерного сдерживания общепринято во всем мире, зафиксировано в доктринах и других основополагающих документах. Но в самое последнее время, по-моему, намечается эрозия и этого понятия. Мол, раз мы уже почти друзья, то кого и зачем сдерживать?

Попробуем отделить одно от другого. Сдерживание — вещь объективная, не зависящая от деклараций и воли лидеров, даже от общественного мнения. Это всего лишь производная от самого факта наличия ядерного оружия, гипотетическая способность наказать гипотетического агрессора, а с ним, к сожалению, и всю Землю. Ни больше, ни

меньше. Сдерживает сознание возможности хотя бы десятка ядерных взрывов над городами и селами. В эйфории рывков от безумно больших потенциалов к очень большим не резон это забывать. Кстати говоря, никто сегодня всерьез не верит в полный ядерный нуль, все говорят о каком-то «разумном» минимуме. А это и есть фактически признание сдерживания.

Так каков же по величине этот минимум, учитывая развал Союза, дробление его ядерного потенциала и системы управления им, развитие систем противоракетной обороны и обычных вооружений у наших новых друзей? Не проскочим ли? Или, наоборот, этого мало, и если кто-то сумеет заплатить, то следует пойти гораздо дальше? Очевидно, не только деньги определяют, во сколько раз — в три или в десять — можно уменьшить ядерную мощь.

Вопросы довольно острые, но они не направлены против принятого в Вашингтоне решения. Напротив, обстоятельный и убедительный ответ на них должен укрепить народную поддержку курса президента. Но для полного одобрения прогнозируемых расчетных данных лучше показать и то, как они получены.

«Си» в кубе и еще «ай»

При обосновании разумных уровней ядерных вооружений самого пристального внимания заслуживает такой фактор, как система управления ими. В данном случае система управления понимается в широком плане как единый комплекс органов, средств, действий, реализующих формулу: «обнаружил нападение — принял решение — ответил».

Сюда входят системы раннего предупреждения о ракетном нападении и разведки, пункты управления, технические системы для доведения приказов до носителей ядерного оружия — все то, что в США называют «сикьюб-ай» («си» в кубе — «ай»): command, control, communication and intelligence. Сегодня учет влияния этого фактора на общую оценку надежности сдерживания представляется явно недостаточным. В то же время существует и уже применен в ряде частных оценок новый подход, учитывающий такое влияние. Суть его сводится к следующему.

Сравнивать просто ядерные потенциалы бессмысленно. Правильнее сравнивать прогнозируемые результаты их реализации как реакцию на агрессию. А это возможно лишь через призму системы управления. Дело в том, что ее облик (структура, состав, характеристики элементов) определяет не только мощность ответного удара стратегических сил, но и его вероятность. В упрощенном

Рисунок
Марата
Тайрова

виде система управления имеет «голову» (систему предупреждения о ракетном нападении, центральные пункты управления руководства) и «руки», то есть отдельные подсистемы, связанные с различными группировками ядерного оружия (морскими, воздушными, наземными, стационарными, подвижными). Если такая структура подвергнется на статистической модели многократным испытаниям в условиях гипотетического конфликта, то на выходе получится набор различных значений уровня ядерного возмездия агрессору. Здесь будут и мощные удары, и более слабые, и даже нули. Смотря какую систему управления мы будем исследовать.

Если высоконадежна «голова» (а значит, в нее вложено много средств), то будет высокой вероятность самого факта ответного удара. Но это еще не означает большой мощи удара, так как вторая составляющая показателя сдерживания определяется надежностью «рук». Если, к примеру, из выделенных ограниченных средств на систему управления мы основную часть потратим на «голову», то получим такую характеристику прогноза возмездия: «очень вероятно, но слабо». (Заметим, конечно же, относительность понятия «слабо», ибо и один-два ядерных взрыва над Чикаго или Вашингтоном могут считаться катастрофой для США.)

Если, наоборот, перекачаем основные средства в «руки», то получим формулу: «маловероятно, но мощно». Вопросы эти весьма интересны, особенно с позиций разумной достаточности. Заметим, что на базе данного подхода можно перераспределять средства не только внутри системы управления, но также между нею и самой группировкой ядерного оружия. Расходы на эти два компонента стратегических сил соизмеримы и составляют десятки миллиардов рублей.

Способность к возмездию сохраняется

Если говорить о практических делах, то теперь совершенно очевидной становится необходимость существенного усиления внимания вопросам управления стратегическими ядерными силами. Наиболее благополучно обстоит дело с управлением в ракетных войсках стратегического назначения, которые далеко ушли в этом отношении от других видов вооруженных сил. И в то же время наиболее сложной остается проблема управления глубоко погруженными лодками. Но ведь в последней договоренности по стратегическим наступательным вооружениям как раз морской компонент становится главным, а ракетные войска серьезно сокращаются! Так не стоит ли рассмотреть

практические меры по использованию в интересах ВМФ не только имеющихся в ракетных войсках заделов, но и реально функционирующих элементов их системы управления?

В связи со всем этим хочется подчеркнуть необходимость значительно большей открытости, чем это было у нас до сего дня. Ведь смогли же мы совершить революцию в умах и показать, по существу, полностью наши ядерные потенциалы. В США, в других странах не боятся открыто обсуждать вопросы управления стратегическими силами.

Уникальность последствий применения ядерного оружия такова, что отношение к проблеме открытости в этой области должно быть совершенно особым. Правду об обычном оружии можно скрывать, надеясь с его помощью победить в обычной войне (которая, к сожалению, все же не может исключаться). Правда о ядерном оружии и управлении им, наоборот, обязательно должна быть предана гласности, чтобы предотвратить катастрофу.

Очень важно показать миру, что, несмотря на глубокие сокращения вооружений, на экономические, политические, социальные трудности в России, а также на то, что наращивание военной мощи других стран все же продолжается, наша способность к возмездию сохраняется.

Здесь чтут российские мозги

Для науки в России нет денег. Но они есть в Латинской Америке

Юрий Кудимов,

собственный корреспондент
«Нового времени»

Институт физики Национального автономного университета Мексики (УНАМ), возможно, не столь известен среди профессионалов, как, скажем, курчатовский или технологический в Массачусетсе (США). Хотя, как уверяют специалисты, работы здешних теоретиков в области ядерного синтеза с интересом перечитывали американцы и русские еще в ту пору, когда наперегонки изобретали атомную бомбу.

Кажется, я в это верю. По крайней мере, почему-то именно здесь сейчас трудятся небезызвестные в мире атомщиков ученые из США, Канады, Западной Европы, Японии и... России. Многие приехали сюда более десяти лет назад и уезжать не собираются. Причем удерживает их отнюдь не зарплата. (Мексиканское жалованье старшего в ученой иерархии чина соизмеримо с окладом начинающего физика в США.) Ученых привлекают условия работы, созданные мексиканцами, и в частности — свобода творчества.

Впрочем, 30-летнего Айрата Султанаева, в недавнем прошлом российского ученого, зарплата тоже устраивает. Он приехал в Мексику менее года назад тогда еще из Ленинграда, сразу же после защиты кандидатской диссертации по квантовой электродинамике. В кармане у него было двадцать долларов с женой на двоих — щедрый подарок приятеля-иностранца. Весь наличный капитал Султанаевы тут же вложили в проезд на такси от столичного аэропорта к дому русских друзей — молодой четы московских аспирантов, работающих в автономном университете Мексики.

На следующий день Айрат уже был в университете. Он снял копии со своих научных публикаций, переводы которых без труда обнаружил в университетской библиотеке, и пошел устраиваться на работу. Ему было предложено сразу три места. Он выбрал институт физики, поскольку именно здесь взяли на себя заботу по его легальному трудоустройству. Ведь проникли они с женой в Мексику по туристической визе.

Сейчас Айрат и Анастасия снимают вполне приличную по совет-

ским меркам квартиру неподалеку от университета. На это уходит примерно четвертая часть зарплаты Айрата, получающего свыше полутора тысяч долларов в месяц. В Ленинграде у них, естественно, своей квартиры не было, как не было и прописки — атрибута, присущего, видимо, единственной стране мира. Пока Айрат учился в университете, а затем в аспирантуре у него была комната в общежитии.

По сути дела, молодому физико-теоретику по окончании аспирантуры ничего, кроме положения официального бомжа и нищенской зарплаты, в бывшем СССР предложено не было. Сам Айрат родом из Уфы, где, увы, работы по его специальности не найти. Родители — пенсионеры, едва ли смогли бы ему помочь. Анастасия тоже оказалась без угла. Ее родители, прожившие всю жизнь в Эстонии, теперь вынуждены эмигрировать. Они не в состоянии получить гражданство новой прибалтийской страны, поскольку по национальности не эстонцы.

За эксперимент — бутылку водки

В сущности, если бы Айрат все же не уехал и согласился работать в Питере, то оказался бы еще не в самых безнадежных условиях. В отличие от своих коллег-экспериментаторов Султанаев — теоретик. Его рабочее место и оборудование — стол, тетрадка и карандаш. Ну еще библиотека.

«Экспериментаторщикам» же необходимы лаборатория, приборы, нередко — дорогие материалы. На все это просто нет денег. Чтобы выточить элементарный металлический угольник, скажем, для проведения опытов с полупроводниками, пришлось ставить бутылку слесарю. Ну а с завхозом надо быть не менее, чем в родственных отношениях, вспоминает стенания своих коллег Айрат.

Участвовавшие в нашем разговоре ученые из московского Института физики Земли, ныне работающие в Мексике, Владимир Костоглодов, Алексей Горбатов и Елена Никифорова, в знак согласия кивают головой. По их словам, основная задача их московского директора заключалась в том, чтобы выбрать из банка деньги на зарплату сотрудникам. Об экспериментах речь уже не шла.

Их специальность — сейсмология. Как известно, землетрясения — это,

пожалуй, одно из немногих бедствий, что пока не угрожает Москве. Экспериментальная база физиков находилась в республиках Средней Азии. Сейчас же, по их словам, это такая же граница, как и Мексика. Амбиции среднеазиатских ученых оказались выше устремлений политиков образованной общине экономическое пространство под названием СНГ.

В этих условиях перед российскими сейсмологами встала дилемма: уходить из науки или искать работу за границей. В Мексике они нашли применение своим знаниям. Российская школа сейсмологии — одна из передовых в мире. С помощью наших ученых мексиканцы обнаружили два потенциально наиболее опасных места. Сейчас принимаются меры, чтобы предотвратить трагические последствия возможных будущих толчков.

По словам Владимира Костоглодова, как минимум пятеро молодых ученых из его московской лаборатории заключили контракт и уехали в США, Англию и ФРГ. «Старикам сложнее, — считает Владимир. — У них больше корней на родине, да и голова уже не та». В свои 45 лет себя он относит к старшему поколению. По завершении контракта собирается возвращаться в Москву.

Кажется, на Западе гораздо больше, чем в России, озабочены утечкой советских мозгов. Не без оснований: всем известно, что цвет советской науки, особенно ядерной физики, работал на оборону. В условиях, когда расширение международного «атомного клуба» стало реальностью, западные правительства забили тревогу.

Хотя, по мнению Айрата Султанаева, вся эта кампания во многом искусственная. Для создания ядерного оружия сейчас не столько нужны ученые головы, сколько технологическая база, которая немаловажна без мощной экономики. Скорее всего, Запад прельщает бросовая цена, по которой распродают наши «мозги».

Так, по сообщению журнала «Бизнес уик», одна частная американская фирма, выполняющая заказы министерства энергетики США, заключила контракт с курчатовским институтом, по которому флагман советской ядерной физики будет проводить опыты в области горячего синтеза всего за 90 тысяч долларов в год. Американцы до сих пор не верят своему счастью: те же самые эксперименты в США им обходятся в 110 миллионов долларов в год. Но курчатовцы довольны. Этот контракт, как, впрочем, и ряд других, заключенных с американцами,

спасает многие будущие эксперименты. Освобождение цен на энергию и неспособность российского правительства финансировать экспериментальную деятельность института создали реальную угрозу его дальнейшему существованию.

Из «третьего мира» — в «первый»

С Султанаевым у нас зашел разговор и о том, как он себя ощущает в компании выпускников Гарварда и Оксфорда. «Ущербным я себя не чувствую, — спокойно сказал Айрат. — Все мои проекты были приняты ученым советом института, одержали победу в состязании как минимум с пятью конкурентами. Уровень нашей, по крайней мере теоретической, науки ничуть не ниже, чем на Западе».

Зачем Мексике, числящейся в списке стран «третьего мира», уровень науки «первого мира»? Мои собеседники в институте физики единодушно считают, что просто правительству этой страны безразлично ее будущее. Благодаря последовательным экономическим реформам Мексика упорно приближается к клубу мировых богачей. Фундаментальные научные исследования ей необходимы сейчас, чтобы потом не пришлось догонять прогресс, платить за это более высокую цену.

Именно поэтому в научных центрах страны с интересом обсуждают возможность закупки «мозгов» за рубежом, и в частности в СНГ. Благо что советские головы, не уступающие по «качеству» западным, стоят намного дешевле. Кроме того, по мнению одного из моих собеседников, российского ученого, мексиканцы по политическим причинам не хотели бы в этом деле ориентироваться только на США.

«НВ» получило доступ к внутреннему документу УНАМ, из которого следует, что правительство Мексики «испытывает большой интерес» к идее приглашения для работы в стране ученых из бывшего социалистического блока. В университете уже имеется некий список

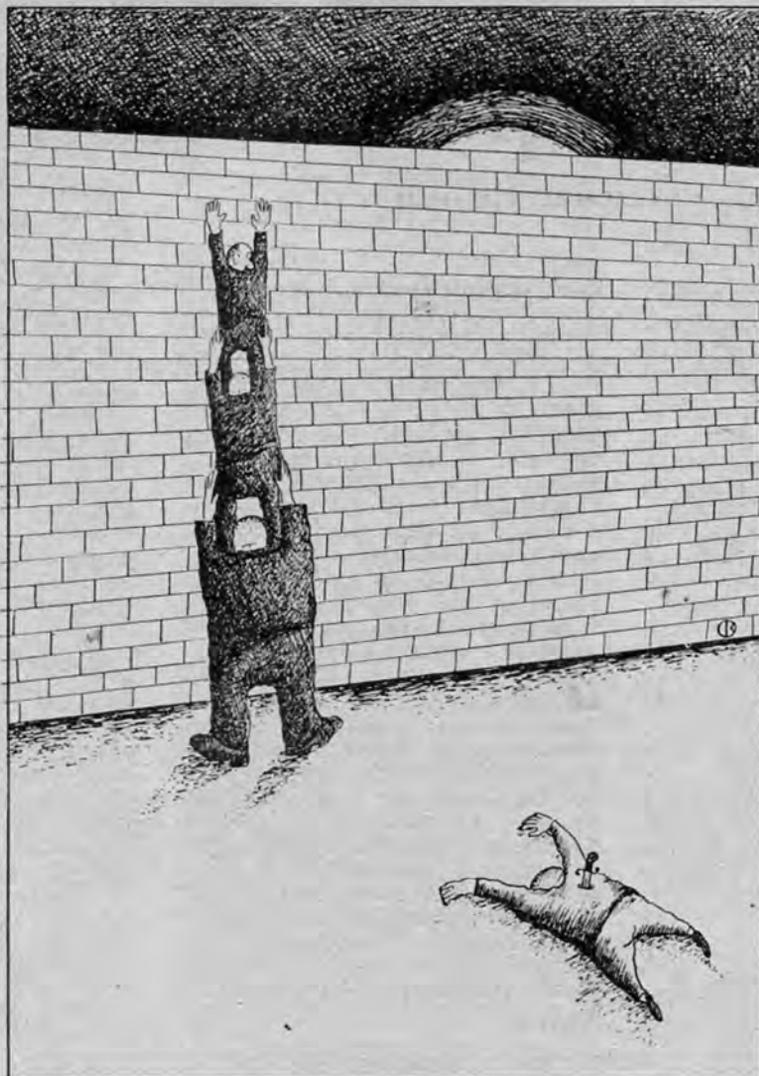

Рисунок Владимира Солдатов

ученых из СНГ и других бывших соцстран (с их именами, домашними адресами, краткой характеристикой научной деятельности), которые могли бы согласиться с условиями, предлагаемыми мексиканцами. Надо полагать, правительство страны также готово закрыть глаза на то, чтобы советские «головы» прибывали сюда, так сказать, в полуофициальном порядке. Оформленные вида на жительство, как показал случай с А. Султанаевым, здесь не такая уж проблема.

Однако Мексика с объятиями встретила бы российских ученых, прибывающих сюда вполне официальным путем. Как мне сообщили в правительственной организации — Национальном совете по науке и технологии, здесь весьма заинтересованы в приглашении российских специалистов для проведения фундаментальных исследований по геофизике, астрофизике и в других областях. Для этого необходимо связаться с мексиканскими учеными, скажем, обратившись в посольство Мексики в Москве, и предложить свои услуги. При положительном

решении национальный совет берет на себя оплату дороги ученому и его семье, предоставляет жилье, решает визовые вопросы и так далее. Более того, правительство рассматривает возможность направления в СНГ квалификационной комиссии для отбора желающих выехать на работу в Мексику.

Впрочем, и в некоторых других странах Латинской Америки с надеждой взирают на СНГ как на возможный источник не только научных кадров, но и просто квалифицированной рабочей силы. В одном из последних номеров колумбийского журнала «Латиноамерика интернациональ» откровенно заявляется, что в развитии новых технологий в странах континента важную роль могли бы сыграть ученые и квалифицированные рабочие из СНГ, где сосредоточена четверть всего передового «мозга» мира.

Аргентина, по заявлению министра иностранных дел этой страны Гидо ди Телья, могла бы принять уже в этом году около 100

тысяч жителей бывшего восточного блока. Правда, аргентинцы хотели бы, чтобы каждая прибывающая туда семья как минимум располагала бы 20 тысячами долларов.

Ребята из московского Института физики Земли твердо намерены со временем вернуться на родину. По их словам, жить за границей не смогут — ностальгия.

Айрат Султанаев пока далек от сантиментов. «Мне некогда скучать по березкам, — говорит он. — Я работаю большую половину суток. Тосковать по родной земле и дому тоже не могу. У меня их попросту там нет».

По его словам, родина — это его мать, от которой он в любом случае находился бы далеко. Но, живя за границей, он хотя бы сможет ей помогать.

Многие петербургские друзья и коллеги Султанаева, признался он, с нетерпением ожидают, когда он подыщет им работу в Мексике.

МЕХИКО

Почтальон звонит в полдень

Где купить билет в театр, получить кредит, сыграть в тотализатор? — Конечно, на... почте

Черные очки, белые от снега волосы и борода, легкий спортивный костюм. «Я твой почтальон», — представился парень, протягивая пачку конвертов и пританцовывая под музыку в наушниках плеера. Минуту четыре года, и внешность презирующего униформу Юхана вполне вписалась в интерьер. Но вот обязательность его по-прежнему впечатляет. Каждый рабочий полдень звонит он (всегда один раз) в дверь ко мне и (всегда дважды) к моим соседям по дому.

— Это же ясно как белый день, — удивляется письмоносец вопросу о количестве звонков. — У тебя семья молодая — слух у всех острый, а в остальных квартирах живут люди пожилые — вдруг не расслышат.

Корпункт «НВ» расположен на одном из островов Стокгольма. Размеры клочка суши крохотные, название громкое — «Большой Эссинге». Дома невелики, улицы пустынные. Безусловным центром жизни было, пока его не закрыли, почтовое отделение — старушки приходили за пенсией, домохозяйки получали заказанные по каталогу товары, отцы семейства оплачивали счета. Раньше приобретали ценные бумаги, подростки заказывали билеты на рок-концерт. Здесь же раскланивались, знакомились, сплетничали. Одно слово — связь. Теперь приходится ехать пять остановок на автобусе, брать в автомате номерок и ждать в здоровенном зале своей очереди к одной из касс.

— Почте принадлежит важная экономическая и социальная роль в обществе, — соглашается директор почтового управления Бёрге Эстерхольм.

— По европейским понятиям территория Швеции весьма обширна (с севера на юг полторы тысячи километров), а плотность населения очень низка. «Нервная система» страны — две тысячи наших отделений. Повсюду людям и компаниям надо отправлять сообщения, грузы, денежные переводы. Нас государство обязывает оказывать такие услуги комплексно, быстро, повсеместно, недорого и рентабельно. Мы и стараемся это делать так,

чтобы клиенты были довольны и нашему персоналу работалось хорошо. Увы, какие-то отделения по экономическим соображениям приходится закрывать, но мы намерены их заменить либо «электронными точками» (где клиент сам покупает марки, переводит средства по жировкам), либо «агентами» (на «Большом Эссинге» локальный магазинчик впредь будет выдавать и принимать посылки).

Очереди в Швеции можно увидеть только в двух местах: на почте и в магазинах государственной винной монополии. Неужели сие — верный признак господствия?

— Нет, — утверждает Бёрге Эстерхольм, — лишь в 30 отделениях время ожидания в часы пик может превысить 10 минут, а за спиртным в пятницу простишь и целый час. Однако нам, честно говоря, надоело быть госпредприятием — с 1993 года почта будет преобразована в акционерную компанию. Основные причины: растет частная конкуренция в сфере услуг связи, да и наш персонал хочет трудиться исключительно по рыночным правилам. Скажем, менеджер моего класса, работая в частной фирме, получает раза в два больше, чем я, — красноречиво поясняет собеседник.

В Швеции любое из опущенных в почтовый ящик обычных писем должно быть назавтра не позднее 14.30 доставлено адресату в любом конце страны.

— Так происходит в 96 случаях из 100, — с гордостью уверяет инспектор по качеству стокгольмского почтамта Рольф Томанн. — Кроме Швейцарии, а она значительно меньше по площади, ни одно другое государство не может похвастаться таким показателем. Правда, наши клиенты почему-то психологически не готовы поверить в подтвержденную техническими проверками скорость — только 73 процента из них уверены, что их письма действительно доходят до получателя в срок.

Самый большой дом

Примечательно, что за последние 10 лет реальная стоимость этой услуги не увеличилась, а сократилась на одну шестую, хотя получаемая от нее прибыль стабильно держится на уровне миллиарда крон. А ведь есть еще письма других типов и соответственно тарифов: от дорогих «экспрессных» (доставят завтра к определенному часу) до дешевых «экономичных» (принесут через три дня). Доходы могли бы быть и выше, но «народ не поймет», если госслужба начнет выкачивать из общества слишком много денег. Правда, на почте размышляют меньше о том, как пробить допустимый «потолок» доходов, и больше — о снижении расходов.

— Региональные управления ведут соревнование: кто быстрее, с минимальными издержками и без брака переработает корреспонденцию, — говорит Рольф Томанн. — Победителя ждет солидный денежный приз, который каждый коллектив тратит по своему усмотрению. Интересно, что обычно последние места достаются крупным городам, где персонал работает здорово, но клиенты избалованы и часто жалуются, а каждая жалоба — это минус.

Издали «коробка» почтового терминала «тумтебуда» кажется большой, вблизи — гигантской.

— 269 тысяч квадратных метров, — привычно сообщает запроизводством Бу Халльберг, — но бесчисленные механизмы обслуживают всего две тысячи человек. Чтобы повысить

Плакат, выпущенный шведской почтой, призван подчеркнуть четкость ее работы. (Почтовый служащий: «96 из каждых 100 писем доставляются точно в срок». Шведский гражданин: «А я-то думал, что только 73 письма!»... Рядом приводятся аналогичные показатели по Норвегии и Финляндии — 87 и 95 процентов писем поступают в установленный срок.)

производительность труда и сделать его интереснее, мы в последние годы предоставляем бригадам полную свободу распоряжаться их силами и средствами. Перед ними ставят задачу, а уж решают ее сами рабочие вместе с бригадиром. Руководство вмешивается, лишь когда дело идет худо. 82 процента работников считают, что на терминале работать «хорошо» или «довольно хорошо».

Тут же в кафетерии перепроверяю истинность слов начальника у первого попавшегося на глаза обедающего.

— О трудовой атмосфере сказать ничего не могу — я просто уборщик, но кормежка здесь приличная, — комментирует он, не отрываясь от чтения учебника (почта — популярное место приработка для студентов).

— Работа, безусловно, стала менее монотонной, — считает более разговорчивый профсоюзный активист Ханну Юкинен. — Люди меньше устают и страдают от травм, лучше разбираются в технике и финансах, свободнее чувствуют себя в контактах с бригадирами и руководством. Рост эффективности, правда, дает и побочный результат: потребность в персонале сокращается, растет угроза увольнений.

Шустрый турок (иммигранты составляют четверть работающих на терминале) охотно демонстрирует автомат, сортирующий в час 25 тысяч писем.

— Скоро компьютеры научатся считывать не только печатные индексы на конвертах, но и рукописные, — то ли радуется он техническому прогрессу, то ли волнуется за свое рабочее место.

Опасения оператора понятны: в уголке отдыха монитор внутренней ТВ-сети призывает вносить предложения, а рядом лежат и специальные бланки для них, которые, насколько заполнив, следует передать в аналитическую группу, готовую помочь в дальнейшей проработке полезной идеи. Рационализаторов хватает — им выплачивается половина суммы экономического эффекта от предложенного нововведения.

Кому вершки, кому корешки

Доставка писем в Швеции издавна была обязанностью и привилегией королевской госпочты. Но шведы все чаще пользуются передачей корреспонденции по факсимильной связи, а госмонополия на пересылку отправлений дала трещину: частной компании «Сити мэил» удалось доказать в суде, что письма от различных фирм частным лицам привилегией госпочты не являются. Теперь в крупных городах фирма снимает сливки, не покушаясь, естественно, на дорогостоящую работу в отдаленных и малонаселенных районах страны. Клиентам гарантируется, что точно в назначенный день и час адреса получат, например, рекламные

предложения или счета за оказанные услуги.

Еще хуже получается у государственной почты с рассылкой газет (через нее проходит лишь каждый десятый экземпляр), приносящей ей главным образом убытки. Принадлежащие издательствам транспортные подразделения захватили выгодный рынок в черте городов, оставив почтальонам обременительную доставку центральных газет в глубинку и отдельных экземпляров мелкотиражных «листочков чабана» по городским адресам чудаковатых читателей.

Издательские автомашины развозят утреннюю прессу в 5–6 часов утра, а почта приносит газеты к обеду. Попытки почтовиков добиться рентабельности, повысив тариф, успешно отвергаются редакторами как «противоречащие свободе слова». Министерство связи предпочло в конфликт не вступать, ибо газеты, ежегодно получающие 400 миллионов крон в виде госдотаций, объявили, что потребуют увеличить эти дотации в размере дополнительных почтовых расходов. Круг замкнулся.

Мрачные перспективы у почты в сфере транспортировки посылок. Коммерческие перевозчики с каждым годом теснят ее, а предстоящее вступление Швеции в ЕС означает вторжение на шведский простор международных специализированных фирм. Не дожидаясь их появления, почтовики предлагают своим местным конкурентам действовать впредь сообща.

Первый удачный пример сотрудничества — доставка посылок с гуманитарной помощью в Балтию и Россию. Правда, эта работа сильно затруднена необходимостью сотрудничать с бывшей советской почтой (точнее, ее останками): по моим личным наблюдениям посылки в Лондон и Москву, находящиеся на одинаковом расстоянии от Стокгольма, идут соответственно 7 и 30 дней. Хотя стоимость российского «плеча» значительно выше лондонского, в Москве находчивые почтари дополнительно взимают с получателя непонятно за что незаконный сбор в рублях.

Отличный бизнес для почтовиков — денежные переводы, плата за которые и, что важнее, проценты по временно попадающим в их распоряжение средствам приносят миллиарды. Суммы настолько велики, что государство решило ограничить максимальный срок движения денег по почтовым каналам с трех до одних суток. Компьютерные кассы и центр расчетов, как оказывается, в состоянии действовать в три раза быстрее.

Решение склонны объяснять нашим общественности, но знающие люди утверждают, что правительству просто надоела медлительность в обращении почты — по сути являющейся системой государственных платежей и расчетов — с государственными же средствами. «Зажили-

вание» отныне считается нетерпимым даже между госорганами. А посему минфин теперь взимает с почты 100 миллионов крон в год за временное использование госденег в кредитных целях. Почта согласилась, но вытребовала 600 миллионов компенсации от правительства за свои «мобилизационные расходы» (в частности, содержание полевой почты на военных маневрах).

Око государево

— Кстати, насчет «зажиливания», а как у вас с воровством? — интересуется у Бёрге Эстерхольма.

— Среди 70 тысяч сотрудников попадают и жулики, — качает он головой. — Недавно в Гётеборге раскрыли группу, похищавшую лазерные проигрыватели и другие дорогостоящие вещи из числа заказываемых населением по каталогам. Торговые фирмы — наши постоянные и крупные клиенты — пожаловались и пришлось разбираться. Для этого существует почтовая полиция, которая подчиняется министерству юстиции, но содержится за наш счет. Ей же принадлежит честь разоблачения и самого, пожалуй, хитроумного способа хищения денег, с которым мы столкнулись за последние десятилетия, — добавляет директор. — Сейчас многие люди переводят солидные суммы на различные гуманитарные проекты: жертвам засухи в Африке, домам для умственно отсталых детей в Румынии и так далее. Конечно, благотворительные организации не присылают квитанции донорам, а ограничиваются благодарственными письмами общего содержания. Махинаторы этим и пользовались: часть суммы переводили по правильным адресам, а часть зачисляли на подставные почтовые счета — клали себе в карман...

Со своей стороны почта оказывает солидную помощь полиции да и другим ведомствам, предоставляя им адреса всех проживающих в Швеции лиц. Скажем, когда я переезжал с одной квартиры на другую, то в почтовом отделении мне охотно пообещали полгода пересылать всю корреспонденцию на новый адрес, а также сообщить о переезде «всем, кому следует». Естественно, среди последних оказались налоговое управление и полиция. В стране, где не существует прописки, такое взаимодействие обеспечивает учет населения, необходимый для взимания налогов, призыва в армию, поиска преступников. Правда, когда для усиления борьбы с экономическими махинациями власти потребовали от почты еще и информировать о «подозрительных адресах и адресах», то разразился скандал. Звонить в дверь почтальоны согласны, но «стучать» отказываются.

Александр Полюхов,
соб. корр. «Нового времени»
СТОКГОЛЬМ

Маршал Маннергейм

Елена Каменская

Единственные, кто незамедлительно признал независимость Финляндии, были большевики, однако войска с ее территории не вывели. Ленин дал понять, что ожидает участия Финляндии в строительстве нового социалистического государства в качестве одной из его составляющих.

Вряд ли при этом он рассчитывал на поддержку в сенате, возглавляемом Пером Свинхувудом — фермером, юристом, убежденным консерватором, русофобом и германофилом. При царе за попытки противостоять русификации Свинхувуд был арестован и сослан в Сибирь, вернулся после революции. Рассчитывать в такой ситуации можно было только на 40 тысяч русских солдат и 100-тысячную финскую Красную гвардию. В ноябре революционное крыло социал-демократов организовало всеобщую забастовку. В распоряжении правительства были только слабые полицейские силы.

Первая победа над русскими

Маннергейма вскоре после приезда в Финляндию пригласили на заседание Военного комитета, в мгновение ока он превратился в его председателя, 16 января уже предстал перед главой сената со своим планом действий.

Окончание. Начало см. в №32/92.

1937 год. Маннергейм в Непале с махараджей. Двенадцать лет вне политики маршал провел в путешествиях

История бывшего подданного российской короны, который трижды воевал с Советской Россией

«У вас нет ни армии, ни солдат, ни оружия, — сказал Свинхувуд. — Каким образом вы думаете справиться с противником?» Но Маннергейм считал, что есть главное — решимость и боевой дух, которых он не нашел у русских.

Вся южная часть Финляндии, включая важнейшие порты Хельсинки, Виипури, Турку и промышленный центр Тампере, контролировалась Красной гвардией. Через несколько дней после прибытия Маннергейм получил сообщение из Хельсинки о продвижении поездов с русскими частями на север. Ночью 28 января Маннергейм перерезал железнодорожную линию, ведущую на юг, и разоружил русский гарнизон. Этот день стал днем начала войны, которая для одних была классовой, для других — гражданской, а для третьих — освободительной. Война длилась три с половиной месяца.

Маннергейм был убежден, что Финляндия справится сама со «сборищами хулиганов и бандитов, открыто угрожающих законному порядку и собственности граждан». Поэтому он был категорически против обращения за помощью к Швеции или Германии, по русской привычке относя последнюю к враждебному лагерю.

Однако ему не было известно, что правительство Финляндии уже обращалось за поддержкой к Германии и что та просьбу отклонила, мотивируя свой отказ тем, что это могло помешать русско-германским мирным переговорам.

Затем ситуация изменилась: Германия, высвободив силы на восточном фронте и

Любовь к лошадям никогда не покидала маршала

одержав временные победы во Франции и Фландрии, обратила благосклонный взор на Финляндию.

3 марта сенат официально уведомил Маннергейма, что Верховное командование Германии согласилось на просьбу Финляндии и посылает свои войска для «подавления мятежа».

«Под немцами служить не буду»

Маннергейм послал генерал-квартирмейстеру генералу Людендорфу телеграмму, в которой просил передать его благодарность императору Вильгельму и в учтивой форме выдвигал два условия: во-первых, германские войска должны подчиняться финскому командованию, а во-вторых, в обращении к финскому народу следовало отметить, что Германия лишь помогает Финляндии отразить нападение красных частей и не намерена вмешиваться во внутренние дела страны.

Через пять дней пришел ответ от генерал-фельдмаршала Гинденбурга — тот соглашался с предложениями Маннергейма. На аналогичную просьбу о помощи премьер-министр Швеции ответил, что «нет никакой возможности для Белой гвардии победить соединенные силы красных финнов и России. Белая армия слаба и неподготовлена, в то время как красных поддерживает Россия с ее неисчерпаемыми ресурсами».

16 мая в Хельсинки, освобожденном в основном силами немцев, состоялся парад. Никому неизвестный еще три месяца назад, Маннергейм шел во главе новорожденной армии-победительницы. Он был героем — освободителем Финляндии! А через несколько дней его пригласили в

сенат, где обсуждались планы дальнейшего сближения с Германией. Наиболее откровенно мнение сената выразил сенатор Фрей. «Мы считаем полезным, — сказал он, — чтобы при главнокомандующем состоял германский офицер генштаба, который будет вырабатывать и предлагать новые проекты организации, обучения и оснащения армии, каковые затем будут подписываться главнокомандующим и издаваться в виде приказов от его имени».

Маннергейм поблагодарил сенатора за прямоту и выразил сожаление, что не знал мнения сената прежде. «Мне остается только добавить, — сказал он, — что я слагаю с себя командование нынешним же вечером и уезжаю за границу. Должен просить правительство назначить мне преемника тотчас, в противном случае я передам командование следующему по старшинству офицеру».

В воспоминаниях Маннергейм писал: «У членов правительства не нашлось ни слова для меня, когда я покидал зал заседаний, и ни один не встал, чтобы протянуть мне руку».

Финны голосуют против маршала

Пока Маннергейм ездил по Швеции и Норвегии, где болел, отдыхал и охотился, обстановка в Финляндии накалялась. Германия проигрывала войну, стояла на пороге голода и бурлила революционными страстями. Кайзер подумывал об отречении, но бури внешнего мира не доходили до сознания финских политиков, самозабвенно выводивших песнь призывной любви, адресуя ее принцу Фридриху Карлу Гессенскому — его звали на царство.

Стране грозил голод и необходимо было договориться с Англией о поставках зерна. Финляндия нуждалась в международном признании и для этого требовались дипломатические усилия. Вести переговоры послал Маннергейма, и тот согласился: у него был свой интерес — склонить англичан и французов к совместному походу на Петроград для свержения большевиков и реставрации монархии.

Маннергейм прибыл в Англию на следующий день после подписания мира: Лондон был охвачен безумием, в котором истерический восторг мешался с чувством невыразимого облегчения — европейская война была закончена, кайзер вместе с поездом, груженным сокровищами, сбежал в нейтральную Голландию, дом Гогенцоллернов пал.

Маннергейм с обычной энергией принялся за дело и в основном в нем преуспел.

Парламент тем временем, преодолевая кризис власти, избрал его регентом, и в Финляндию Маннергейм возвратился уже как первое лицо государства. Во главе почетного караула, встречавшего его, стоял Свинхувуд в форме старшего сержанта — потерпевший поражение политик, уходя со сцены, приветствовал своего счастливого преемника.

Впрочем, регентство Маннергейма продлилось недолго — всего полгода. К лету была подготовлена и принята новая конституция, и в июле 1919 года парламент избирал первого президента страны. На этих выборах Маннергейм, не оставивший своих антибольшевистских планов и не скрывавший их, потерпел поражение. Это был третий и последний, если верить словам Маннергейма, удар судьбы, который ему довелось пережить.

Его поддерживали всего две партии, которые сами большим весом не обладали. Аристократ, склонный к авторитаризму и недорого ценящий парламентскую демократию, не мог рассчитывать на симпатии депутатов. Маннергейм-политик просто отказывался считаться с существованием партий. Финские партийные деятели платили ему тем же. После провала на выборах Маннергейм на двенадцать лет удалился от активной политической деятельности.

Впрочем, финны, отдавшие предпочтение парламентской демократии в лице ее стойкого защитника, создателя новой конституции, Карло Юхо Стольберга, не отплатили своему герою черной неблагодарностью.

Был учрежден национальный фонд в честь (и ради) Маннергейма, и в считанные дни жертвования в него превысили семь с половиной миллионов финских марок. Капитал после смерти Маннергейма

1940 год. Финские войска нанесли тяжелый удар по репутации Красной Армии

должен был быть употреблен согласно его завещанию, а процентами он мог распоряжаться по собственному усмотрению, они позволяли жить на широкую ногу.

Двенадцатилетние каникулы Маннергейм провел с пользой. Он основал «Ассоциацию генерала Маннергейма по защите детей», много сделал для финского Красного Креста. Он путешествовал по Европе — Англии, Франции, Германии. Он жил в Швейцарии, которую любил и в которой он проведет последние годы жизни.

В Швейцарии особенно хорошо понимали его безукоризненный французский — наследие канувшего петербургского мира. Он писал брату, что боится забыть английский — в последнее время ни одного романа с англичанкой, одни французенки. Дважды ездил в Индию, Бирму, Непал, где они с непальским магараджей, сидя на слонах, охотились на тигров и где он лишним раз мог убедиться, что никакая экзотика не способна поколебать или нарушить незыблемость английской традиции переодевания к обеду.

«Отдать Сталину острова»

После выборов 1931 года, когда президентом стал Свинхувуд, Маннергейм занял специально изобретенный для него пост председателя Совета обороны. Как всегда, он принялся за дело всерьез и, как всегда, столкнулся с непониманием в парламенте, где даже лидеры консервативных партий отнеслись к его предложениям с изрядным равнодушием.

Летом 1938 года второй советник русского посольства в Хельсинки Борис Ярцев через голову посла начал от имени советского руко-

водства тайные переговоры с премьер-министром и министрами финансов и иностранных дел. Москва хотела твердых гарантий того, что Финляндия не примет сторону Германии в случае конфликта, и в ответ обещала «помощь». Для финнов словосочетание «советская помощь» было эвфемизмом и означало «советское господство», что было не так уж неверно, если вспомнить опыт Прибалтики. Ни того ни другого они не хотели и двадцать лет назад отбивались от этого с оружием в руках.

Ярцев, получив отрицательный ответ, предупредил, что вопрос остается открытым, и через некоторое время повторил те же пожелания в более жесткой форме, присо-

вокупив к ним еще пункт об острове Суурсаари (Гогланде), демилитаризованном в 1920 году. Москва хотела использовать его для строительства военно-воздушной и морской базы.

5 марта 1939 года нарком по иностранным делам Литвинов через финского посла в Москве предложил сдать Суурсаари и другие острова в Финском заливе в аренду на 30 лет, обязуясь не строить на них баз, а использовать их в качестве наблюдательных пунктов.

Финны ответили отказом: острова — «неотчуждаемая часть (финских) территорий, признанных СССР и подтвержденных Тартуским договором». Литвинов предупредил, что не примет отказа, и предложил в обмен на острова территорию севернее Ладожского озера. В качестве «толкача» переговоров в Хельсинки отправился советский дипломат Борис Штейн.

Только на этой стадии о переговорах был уведомен Маннергейм. «Я твердо придерживался мнения, — писал Маннергейм, — что мы должны пойти навстречу русским, если это может привести к улучшению отношений с нашим могущественным соседом. Я обсуждал предложения Штейна с министром иностранных дел Эрко, но не смог убедить его. Также я посетил президента республики и премьер-министра и изложил им свою точку зрения. Я сказал, острова бесполезны для нас и что у нас нет средств для их защиты... Что престиж Финляндии не пострадает, если мы согласимся на (территориальный) обмен. С другой стороны, острова имели важное значение для русских, поскольку контролировали подходы к военной базе у Лужской губы, и, сдавая их в аренду, мы употребили бы с поль-

В 1942 году Гитлер приехал в Хельсинки, чтобы поздравить Маннергейма с 75-летием

зой один из немногих имеющих у нас на руках козырей».

Маннергейму отвечали, что правительство, которое осмелится сделать подобное предложение, совершит самоубийство. На это Маннергейм сказал, что если в самом деле в руководстве страны нет человека, готового рисковать своим именем ради дела государственной важности, то он предоставляет себя в полное распоряжение правительства, будучи уверен, что его позиция поймут. Более того, он добавил, что Финляндии, по его мнению, выгодно предложить отодвинуть приближенную к Ленинграду границу на пять-шесть километров, договорившись о разумной компенсации.

Все было напрасно — голос Маннергейма остался гласом вопиющего в пустыне. Штейн отправился в Москву с пустыми руками. Возможно ли было таким образом избежать зимней войны? Ответа на этот вопрос нет.

Где найти такое большое кладбище?

Дальнейшее более или менее известно: официальные переговоры в Москве, где финны готовы были кое в чем уступить, но Сталин уже требовал большего; потом еще один упущенный финнами шанс (отдать некоторые острова к востоку от Ханко) и, наконец, провокация возле Майнилы.

После этого, как писал английский военный историк, «казалось, что последует русский вариант немецкого блицкрига в Польше». Но ничего подобного не произошло.

Внешняя опасность уничтожила все внутренние раздоры, сплотила и воодушевила финнов. Где мы их всех похороним? — «сострил» тогдашний комментатор.

Зимняя война длилась три с половиной месяца — как и гражданская. Но первая окончилась победой, вторая была проиграна. В обращении Маннергейма к армии и народу названы причины поражения: превосходство русских в живой силе и технике и непропорционально малая помощь европейских стран. Маннергейм говорил о трудной судьбе страны и закончил свое обращение словами: «Мы гордимся, сознавая свою историческую миссию — защиту западной цивилизации, наследниками которой мы являемся на протяжении веков».

До некоторой степени его слова были справедливы — пока речь шла о противостоянии большевистскому тоталитаризму, который, кстати, отнюдь не был сыт победой в ноябре 1940 года и намеревался поглотить жертву целиком. Германия, за год до этого согласившаяся в секретном протоколе к пакту 1939 года с «территориально-политическими изменениями» в пользу Совет-

Последняя война, которую Маннергейм вел против Советской России, окончилась для него поражением

ского Союза, наотрез отказалась выдать ему Финляндию. Об этом стало известно во время неожиданного визита Гитлера в Финляндию в июне 1942 года — «неизвестный солдат первой мировой войны», как он сам себя аттестовал, прибыл на торжество по случаю 75-летия Маннергейма. Нарочитая почтительность Гитлера не свидетельствовала о теплых отношениях между ним и Маннергеймом, какие связывали, например, маршала с Черчиллем. Маннергейм не ратовал за сотрудничество с Германией ни в 1918-м, ни в 1941 годах: оно диктовалось политическим и экономическим положением Финляндии. К этому времени война между Россией и Финляндией шла почти год. Утром 22 июня 1941 года Молотов сообщил изумленному финскому послу, что Финляндия обстреляла базу на полуострове Ханко и совершила налет на Ленинград; в тот же день советские самолеты бомбили финские объекты.

Маршал отказался принять участие в блокаде Ленинграда и перерезать идущую с севера на юг железнодорожную линию, по которой в Советский Союз поступала из Мурманска помощь союзников. Он удерживал Финляндию от союза с Германией и он торопился вывести страну из войны и — уже как президент — заключил в 1944 году перемирие с СССР.

Все это ни в коей мере не означало отказа от личных монархических пристрастий и верности русскому императорскому дому: в период между войнами Маннергейм регулярно навещал в Дании вдовствующую императрицу Марию Федоровну, а в его хельсинкском доме на почетном месте висел портрет последнего царя. На удивленные во-

просы соотечественников Маннергейм отвечал: «Он был моим императором».

Маннергейм стал президентом страны в 1944 году. В его избрании главой государства было мало радостного: ему было 77 лет, он был серьезно болен и перед ним стояла мучительная задача — вывести из войны проигравшую страну так, чтобы она сохранила свою независимость.

За 19 месяцев своего президентства он с этим справился. В его жизни это была предпоследняя задача. Последнюю он поставил перед собой сам и ее тоже выполнил — написал воспоминания. Он закончил их в Швейцарии, куда уехал в 1946 году.

Маннергейм был вождем, которого призывали и поддерживали в моменты особых напряжений, а потом оттесняли «реальные политики». В эпоху яростно крепнущего национализма Маннергейм был космополитом, приверженным европейской культуре, и стал свидетелем гибели Европы и России. Он положил свою жизнь на то, чтобы Финляндия смогла сохранить демократическую систему, но сам был аристократом и убежденным противником демократии, ибо считал, что власть должна принадлежать тем, кто с малых лет приучен дышать ее воздухом и кто поэтому едва ли станет злоупотреблять ею и уж во всяком случае кому она не вскружит голову. Отсюда — еще одно несовпадение Маннергейма и времени: в эпоху всяческих революционных потрясений он был консерваторм и контрреволюционером. Он был одинок и не имел ни партии, ни последователей. «Орлы не летают стаями», — как заметил один из его биографов.

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

П Р А В О В О Е   Г О С У Д А Р С Т В О

АМНИСТИЯ

В самое ближайшее время на свободу выйдут 200 тысяч осужденных. Сможем ли мы по-прежнему спать спокойно?

Дорога из зоны

Александр Михлин,

доктор юридических наук, профессор

Верховный Совет после многомесячной подготовки принял постановление «Об амнистии». Этому предшествовала острая дискуссия в парламентских комитетах — и о содержании амнистии, и о том, нужна ли она вообще?

Противники ссылались на рост преступности в стране и рецидив, который сопровождает такого рода акты. Сторонники указывали, что рецидив среди амнистированных всегда значительно ниже, чем среди освобожденных по отбытии всего срока наказания. К тому же подобные акты изданы почти во всех республиках бывшего СССР. Россияне до сегодняшнего дня были в худшем положении.

Холодное лето 1953 года

Всем памятна амнистия 1953 года. Бездумное единовременное освобождение огромной массы осужденных, которую невозможно было трудоустроить и обеспечить жильем, привело к беспрецедентному скачку преступности. У населения сложилось стойкое отрицательное отношение к амнистиям.

При издании последующих амнистий исходили из разумного минимума.

Например, амнистия 1987 года распространялась более чем на 200 тысяч осужденных, но лишь 1,7 процента были немедленно освобождены (в большинстве своем пожилые и больные люди, женщины, имеющие детей). Подавляющему большинству амнистирован-

ных (более 3/4) был сокращен срок наказания.

Разумеется, и при самом осторожном подходе застраховаться от рецидива невозможно. Как сделать, чтобы он был минимальным? Прежде всего так определить круг лиц, подпадающих под амнистию, чтобы там не оказались наиболее «рецидивоопасные» категории.

Инициатива подготовки нынешней амнистии исходила от Комитета Верховного Совета РФ по правам человека. Первоначальный проект мне представлялся излишне широким. В частности, авторы не нашли вообще ни одной категории осужденных, к которым амнистия не должна применяться. Но заслуживают ли амнистии, например, осужденные — злостные нарушители режима? Эта категория исключалась из всех амнистий по крайней мере последние три десятилетия.

Во время обсуждения раздался голос: злостных нарушителей режима «делает сама администрация», сводя счеты с неудобными. Довод о том, что решения администрации будет отныне строго контролировать прокуратура, отвергли: прокуратура, мол, пойдет на поводу у администрации. Тогда сторонники «ограниченной» амнистии предложили своим оппонентам такой вариант: предоставить осужденному право обжаловать в суде решение администрации о признании его злостным нарушителем.

«О каком суде вы говорите? — воскликнул один из членов комитета. — О том, который отправил меня из зоны в «крытую» (на тюремный режим)? Я не могу доверять лагерному суду».

Вряд ли правильно, когда народный депутат не доверяет огульно

всем правоохранительным органам страны — милиции, исправительным учреждениям, прокуратуре, суду, причем не каким-то отдельным лицам, а всем сразу.

Как бы то ни было, в проекте, который был внесен Комитетом по законодательству и принят 18 июня, категории осужденных, не подпадающих под амнистию, были определены четко. Кроме злостных нарушителей режима под амнистию не попали рецидивисты, в том числе особо опасные; осужденные за ряд тяжких и опасных преступлений, таких, как бандитизм, кража, грабеж, разбой, хищение государственного имущества, убийства, изнасилования, тяжкие телесные повреждения,

вымогательство, взяточничество, посягательство на жизнь работника милиции, угон автотранспорта, злостное хулиганство, преступления, связанные с наркотиками, и другие — всего 51 вид преступлений.

Исключены из действия амнистии и те, кто уже освобождался от наказания в связи с помилованием или амнистией и вновь совершил умышленное преступление. Человеку один раз поверили, а он доверия не оправдал — больше доверять ему нельзя.

На свободу — сразу или постепенно?

Какая-то часть осужденных выйдет на свободу в первые же месяцы применения амнистии. Это наиболее опасный период, и он должен касаться наименее криминогенного контингента. Амнистия предусматривает первоочередное освобождение участников войны, женщин, мужчин старше 60 лет, инвалидов I и II групп.

У остальных категорий осужденных освобождение зависело от характера совершенного преступления, его опасности (показателем которой выступает назначенный срок наказания), числа судимостей и части отбытого срока. С одной стороны, отбытый срок наказания дает возможность изучить осужденного, выяснить, встал ли он на путь исправления; с другой — осужденный должен прочувствовать наказание и отбыть хотя бы его часть.

Наряду с освобождением амнистия всегда предусматривает сокращение срока наказания для части осужденных. В комитетах развернулась дискуссия, какой срок должен сокращаться — назначенный судом или неотбытый к моменту издания акта амнистии?

Проект Комитета по правам человека предусматривал сокращение назначенного срока, что привело бы к более скорому освобождению, но главное — резко увеличило бы число тех, кто одновременно выходит на свободу.

Верховный Совет не согласился с таким подходом и сократил неотбытый срок лишения свободы. Это обеспечило постепенное освобождение по мере отбывания наказания, хотя и приблизило его.

Смертную казнь отменять рановато?

При обсуждении проекта амнистии был поставлен еще один вопрос — заменить всем осужденным к смертной казни это наказание лишением свободы на срок в 20 лет. У нас в стране ежегодно осуждается к смертной казни несколько сотен человек (например, в 1989 году — 100 человек, в 1990-м — 223, в 1991-м — 147). Более двухсот человек ожидают решения своей судьбы и сейчас. Все это лица, осужденные за умышленные убийства при отягчающих обстоятельствах, в большинстве своем — лишившие жизни не одного человека. Если иметь в виду, что, например, в 1991 году из 2424 осужденных за умышленные убийства лишь 144 человека (5,9 процента) были приговорены к смерти, ясно, что это наиболее опасные преступники, отличающиеся особой жестокостью, бесщепетностью, полным пренебрежением к правам и жизни других людей.

Верховный Совет отказался амнистировать осужденных к смертной казни.

Одна из целей амнистии — открыть перед преступником перспективу, помочь ему отказаться от совершения преступления. Поэтому под амнистию попадают те действия, которые совершены до издания постановления Верховного Совета, даже когда виновный еще не осужден. Но если он совершил преступление после 18 июня — амнистия его не коснется.

Как быть с так называемыми «длящимися» преступлениями, которые

совершены до 18 июня, но продолжают, пока виноватый не будет найден? К их числу относится побег из-под стражи. Для этих лиц предусмотрено специальное правило. Если в течение месяца они добровольно явятся в органы милиции или в места, где отбывали наказания, их освобождают от ответственности за побег, а в остальном они подлежат амнистии на общих основаниях.

Несколько слов об одной категории осужденных, амнистирование которых активно обсуждалось в печати. Это так называемые «хозяйственники». За последние годы отношение к этим преступлениям изменилось. Многие деяния, которые влекли уголовную ответственность несколько лет тому назад, ныне не наказываются. За другие назначают меньшие сроки наказания.

Мы изучили приговоры всех осужденных за хищение в особо крупных размерах в одной из колоний. Оказалось, что средний срок у осужденных в 1985–1986 годах составил 9–11 лет; в 1987–1988 годах — около 8; в 1989–1991 годах — 5,5–6. Между тем закон за это время не изменялся. Изменилась политика назначения наказания.

В силу тяжести преступления амнистия ни на кого из этих лиц не распространилась.

В целом же постановление «Об амнистии» облегчит участь более чем 500 тысячам осужденных. Около 200 тысяч будут освобождены из мест лишения свободы, 40 тысячам будет сокращен срок этого наказания. Амнистии будут подлежать 60 тысяч условно осужденных и условно освобожденных с обязательным привлечением к труду. Остальное падает на приговоренных к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

В течение года после издания акта амнистии 1987 года от общего числа освобожденных (около 200 тысяч человек) лишь 2633 человека совершили новые преступления — 1,3 процента.

Будем надеяться, что результаты новой амнистии окажутся не хуже.

Правдолюбец останется на нарах

Сергей Ковалев,

член Верховного Совета РФ,
председатель Комитета по правам человека

Откуда у нас такая тяга к амнистиям? Они ведь в СССР были довольно частым явлением — по всем «светлым датам». Понятно: «Царский день» надо отметить так, чтобы все почувствовали. Но почему именно

амнистией? В той системе, по-моему, ни у кого особенно не болела душа за бедного заключенного...

В правовом государстве с серьезной судебной системой амнистии редки, если вообще бывают. Когда хорошее правосудие, амнистии не нужны — гуманность проявляется иначе. В пенитенциарной системе, например в США, работают психологи, которые и помогают решить вопрос о досрочном освобождении. Это очень эффективная система:

профессионал-психолог не склонет на классическое: «Все, начальник, бля буду, завязал!» «Завязал» или нет — покажут специально разработанные тесты.

В работе судебных органов возможны два подхода, два принципа. Либо главным считается неотвратимость наказания, и тогда пусть кто-то невиновный попадет в зону, зато ни один преступник не уйдет от осуждения. Другой, диаметрально противоположный принцип: пусть лучше девять виноватых избежат наказания, чем будет несправедливо осужден один невиновный.

Так же по-разному можно было подходить к амнистии. В окончательном варианте содержится условие амнистирования заключенного — хорошая характеристика. «Злост-

ры, особенно в самых страшных лагерях, все «свои»...

Я думаю, самое справедливое решение вопроса заключалось в первом проекте, где вопрос о лагерной характеристике был вовсе исключен. Пусть лучше несколько не заслуживающих освобождения будут освобождены, чем несколько заслуживающих — произвольно оставлены в зоне...

Я не стал бы совсем отвергать возможность судебного обжалования неприменения амнистии, отрицательной характеристики. Я бы даже боролся за этот пункт, если бы речь шла об очередном шаге в рамках судебной реформы, а не о разовом акте.

Но применительно к данной конкретной амнистии, что мог дать ла-

зученных из амнистии. Это и взятничество — а ведь известно, что статья о взятках часто приводит к судебному произволу и судебным ошибкам. Следствие лихо исползует одну замечательную особенность нашего законодательства: получатель взятки несет ответственность в любом случае, а вот взяткодатель чрезвычайно просто освобождается от уголовной ответственности. Для этого он всего лишь должен явиться с повинной. Поэтому подследственный легко поддается на шантаж следователя: сознаешься, что давал взятку человеку, которого я называю, — и никакой ответственности, а не сознаешься — тебе светит 5–7 лет, как и ему... Человек слаб и он предпочитает, чтобы сидел кто-то, а не он. И дело закрыто.

Не коснулась амнистия и угонщиков автотранспорта. Угон угону рознь, но я боюсь, что тут сыграла роль обеспокоенность и злорады депутатов, имеющих автомобили.

«Хозяйственники» почти целиком выпали из амнистии.

Тут существуют две позиции. Одна: всех «хозяйственников» подчистую освободить, потому что среди них велик процент на самом деле предприимчивых людей, никакого преступления не совершивших. Создал человек, например, нелегальный цех по производству ширпотреба, но за все сырье с государством расплатился. И рабочим заплатил хорошо...

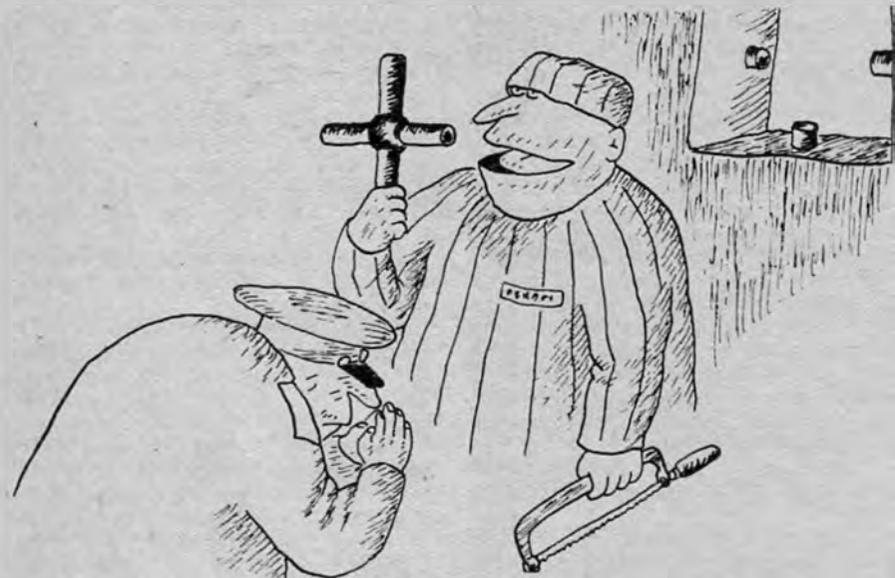
Оппоненты возражают, и их доводы мне кажутся убедительными: среди «хозяйственников» немало и тех, кто просто воровал — только в больших масштабах. Например, вывозил со склада товар машинами, чтобы продать скупщикам краденого.

Статья одна и та же, а дела принципиально разные.

С точки зрения правосудия, справедливое решение — организовать пересмотр всех таких дел. Но пересмотр при нынешней ситуации в судах может растянуться на годы. Вот и выбирайте из этих вариантов. Правда, разговор этот практического значения не имеет: все равно в Верховном Совете достаточно широкая и эффективная амнистия «хозяйственников» никогда не прошла бы. Отношение депутатского корпуса к предпринимательству достаточно хорошо известно.

Короче, подход к амнистии и у нашего комитета, и у Комитета по законодательству был совершенно практический: сделать так, чтобы амнистия имела шанс быть принятой Верховным Советом... Тем более что подавляющее большинство заключенных, которых она коснется, это женщины с детьми, это впервые сидящие малолетки с малыми сроками, это «неосторожники», то есть люди, без умысла, по неосторожности совершившие преступления, это старики и инвалиды, участники войны. То, что выйдут из зоны они, — уже благо.

Рисунки Марата Таурова

ным нарушителям режима» дорога из зоны закрыта.

Итак, осуществление амнистии, несмотря на все наши усилия, опять отдано в руки администрации. И в результате помимо зеков, которые действительно не поддаются исправлению, возможности досрочно выйти на свободу будет лишен огромный процент тех, кого я бы назвал стихийными правдолюбцами. Людей принципиальных, резких, не умеющих ладить с начальством, зато обладающих огромным, и не воровским, авторитетом в зоне.

Это те, кто готов три срока в ШИЗО отсидеть, но не даст в обиду соседа, кто не шуточками отделается на предложение «опера» немножко «постучать», а пошлет его куда подальше.

У этих стихийных правдолюбцев всегда отрицательная характеристика, тем более что они часто действительно мешают администрации в ее традиционных воспитательных мерах. Рядом с ними не удержится ни «стучач», ни «сука».

Наши оппоненты ссылались на то, что данные администрацией характеристики проходят через прокурорский надзор. К сожалению, прокуро-

герный суд? Выездное судебное заседание, которое рассматривает сразу много дел, на каждое по пятнадцать минут, — и результат предрешен в пользу администрации.

Контроль за законностью ареста или содержанием под стражей как меры пресечения мы по новым законам тоже отдаем судам и даже единолично судье. Таким, какие они есть сейчас. Но это уже постоянно действующая мера, и мы можем рассчитывать, что с улучшением судебной системы она будет работать. Может быть, и довольно скоро: хорошие законы и судей делают лучше.

Как бы то ни было, я согласен с тезисом — лагерный суд все-таки давал бы зеку какой-то шанс, может быть, уберечь бы лихого начальника от того, чтобы записать в характеристике нелепую фразу, которую часто пишут: «оказывает отрицательное влияние на отрицательную часть осужденных». И я сам поднял этот вопрос на Верховном Совете. Но существуют реальности: Верховный Совет консервативен и защиту прав заключенных видит весьма односторонне...

Еще одно следствие этого — огромное число преступлений, ис-

Демократия под вопросом

Почему демократия так противоречива?

Симон Соловейчик

Одна из самых трудных перемен на пути к демократии заключается в том, что предстоит перейти к новому для многих типу мышления. Меняются не только ценности, не только знаки «плохо» на «хорошо» и наоборот, не только представления о мире, но сама конструкция этих представлений.

Мы приучены видеть жизнь как ожидание лучшего будущего. Чтобы поддерживать ощущение дороги, каждое малозначительное событие объявлялось вехой на пути. Завод-новостройка был не завод, а еще один шаг к коммунизму. Крупный завод — крупный шаг. Впереди — идеал, жизнь — движение к идеалу. Такой способ мышления отчасти был свойствен даже тем, кто ни в какой коммунизм не верил и вообще не задумывался о высоких материях. Когда стали писать, что коммунизм — утопия, это было воспринято не просто как потеря идеала, но как крушение мира. Плач о потерянной мечте поднялся со всех сторон.

Но вот возникла идея демократии. И многие успокоились: все в порядке, теперь будет новый идеал, будем строить не коммунизм, а демократию. Все то же самое, потерпим немножко, затянем ремни потуже, будущее впереди — лишь остановка на другой станции, не в коммуне, а в демократии. И вот уже вздыхают точно так же, как прежде о коммунизме: «Но я, наверно, не доживу».

Однако демократия — не идеал, она не годится на эту роль, настолько она не идеальна.

Рисунок Виктора Богорада

Глава четвертая

Первым признаком обещанного народу царства свободы и справедливости социалисты объявляют преодоление антагонистических противоречий. Почему, спрашивали, так ужасен капитализм? Потому что при этом строе общественный характер производства противоречит частному присвоению продуктов труда. Мы, обещали нам, ликвидируем это противоречие. Вместе с ним исчезнут противоречия между трудом и капиталом, между городом и деревней, между умственным и физическим трудом — все противоречия победим.

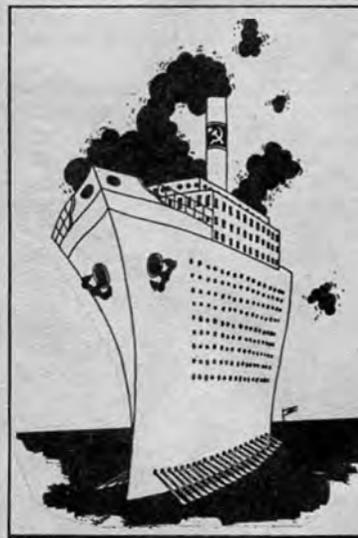
Постепенно мы привыкли считать социальные противоречия бедой, от которой надо избавиться.

Но картина мира гораздо сложнее.

Противоречия не относятся к разряду недостатков, противоречия — не зло, с которым приходится мириться, противоречия — материя социального мира, он сшит из противоречий. Они не раздражают общество, как нам все время внушали, а объединяют его, вдыхают в него жизнь. Проект социализма лишен противоречий, потому что он лишь проект, он на бумаге. Демократия полна противоречий, потому что она живая.

Но научиться мыслить противоречиями, видеть их и принимать очень трудно. Это равнозначно мудрости. Поэтому-то действительность обычно кажется нам несправедливой. Мы не можем привыкнуть даже к плюрализму мнений, как же человеку привыкнуть к плюрализму интересов и действий, многие из которых направлены против него? В горячих головах зарождаются мысли о революции, о коренной переделке несправедливого мира... Пока есть противоречия, покоя в мире не будет.

А они вечны.

Содержание предыдущих глав:

Ключевое слово демократии — самоуправление. Демократия без частной собственности невозможна. Свобода и равенство противоречат друг другу, поэтому от демократии нельзя ждать абсолютной свободы и полного равенства.

Принято считать, что демократия сглаживает противоречия. На самом деле она действует в двух противоположных направлениях: она и примиряет, и обостряет их.

При социализме все призваны служить одной цели за счет отказа от собственных интересов. Интересы унифицируются, принимают стройный вид и направляются в одну сторону. В обществе относительный мир и порядок, недовольство тут же подавляется, преступность искореняется без долгих разговоров и без особой церемонии с законами.

Демократия же развивает самоуправление, разброс интересов увеличивается, они перекрещиваются, сталкиваются, перерастают в глубокие социальные противоречия. Для социализма это было бы губительным, но демократия, вызывая противоречия, вводит их в цивилизованное, как теперь принято говорить, русло.

Демократия — власть трудного примирения. Классы не исчезают, у них разные и разнонаправленные интересы. Забастовки и протесты — будничное дело в странах устойчивой демократии. Человек может, если считает нужным, свободно бороться за свободу, за свои права, не боясь репрессий. Однако одно то, что идеалом общества является не революционное уничтожение классов, а их сосуществование, делает демократию необходимой и желанной для самых разных людей. В Америке почти все говорят, что настоящей демократии у них нет, однако все дорожат ею.

Является ли демократия идеальной властью?

Привычка к утопиям и недостижимым, обманным идеалам вызывает к жизни ложное представление о демократах и демократических учреждениях. От демократов ждут, чтобы они являли собой законченный идеал человека, вроде коммунистического — по всем пунктам морального кодекса.

Между тем демократия от социализма отличается вовсе не сменой власти — вместо плохих пришли хорошие, а иным принципом выдвижения людей к власти, иной природой власти. Вместо плохих могут прийти и худшие (в каком-то отношении), это почти нормально, но все равно все по-другому, все равно дело движется к цивилизованности.

Лучшая книга, в которой полнее всего разобраны эти сложности, вышла очень давно, в 1835 году, в Париже. Это «О демократии в Америке» Алексиса

де Токвиля. На русский язык она была переведена в 1860 году, потом, с 14-го французского издания, — в 1897 году; эта книга, пожелтевшая, исчерканная и разорванная, хранится в библиотеке «Нового времени» — потрясающее чтение! (Уже после того как статья была написана, вышло новое, современное издание книги Токвиля, но я его не нашел.)

«Недостатки и слабости демократического правления легко бывают видны, — пишет Токвиль, — они доказываются очевидными фактами, тогда как его благотворное влияние проявляется незаметным и, так сказать, скрытым образом. Недостатки его поражают с первого же разу, а его хорошие качества узнаются только с течением времени».

Когда в стране царит принцип самоуправления на всех уровнях, к власти, особенно на местах, приходят заведомо неидеальные люди, потому что выборы — не лучший способ подбора кадров, выбирают по речам и обещаниям. На предвыборных собраниях способности к организаторской деятельности не видны. В нашей печати постоянно насмешничают по этому поводу, многим кажется, что выборы и митинги выдвинули болтунов. Но демократия не может выбирать иначе.

«Я считаю для себя доказанным, — пишет Токвиль, — что те, кто видят во всеобщем голосовании как бы гарантию достоинства выборов, совершенно обманываются. Всеобщая подача голосов имеет другие хорошие стороны, но не в этом состоит ее преимущество». Преимущество выборов в возможности влиять на власть: «...Народ назначает и тех, кто издает законы, и тех, кто приводит их в исполнение; сам же он составляет коллегию присяжных, наказывающих нарушение закона». Получается вот что: «...Если в демократических государствах правители бывают менее честны и менее способны, зато управляемые бы-

вают просвещеннее и внимательнее».

Все должно быть не так, как мы представляем себе. Мы привыкли требовать от власти, чтобы она была составлена из лучших людей, потому что нами надо управлять. В действительности же люди сами должны управлять собой, и тогда даже и не лучшая власть все равно ведет к благоденствию: «Легко заметить, — пишет Токвиль, — что американская демократия часто ошибается в выборе людей, которым она вручает власть; но не так легко сказать, почему государство благоденствует в их руках».

Точно так же нам трудно понять, почему при демократии бюрократический аппарат еще и разрастается, почему демократическая власть дороже автократичной. Токвиль объясняет этот парадокс: «Экономно ли демократическое управление?» — спрашивает он и находит, что в демократической республике общественные расходы всегда больше, чем, например, при абсолютной монархии. Несомненно, говорит он, деспотизм разоряет людей, но не столько тем, что отнимает у них плоды труда, сколько тем, что «иссушает источники богатства». Свобода же «...производит в тысячу раз больше добра, чем уничтожает, и в тех нациях, которым она известна, средства народа возрастают всегда скорее налогов».

Казалось бы, как просто: назначили чиновника и установили за ним контроль. Подбор кадров и проверка исполнения. Но тогда ничего

Рисунок Марата Таурова

не остается от самоуправления и демократии. Оказывается, и «кадры», во всяком случае главные, надо не подбирать, а выбирать, и проверка исполнения более опасна, чем полезна: чиновник начинает работать на проверяющих. Поэтому вместо контроля за исполнением демократия устанавливает суд при нарушении закона.

Казалось бы, как просто: поскользку газеты своевольничают, дают недобросовестную информацию, то и установить за ними контроль. Но нельзя. Выход, оказывается, только в том, чтобы газет было много, чтобы каждый, кто хочет и имеет средства, мог издавать газету. Тогда опасность ложных сообщений резко уменьшается — на них перестают обращать внимание. А другого способа ослабить вред печати нет, всякая цензура умерщвляет ее свободу, столь необходимую обществу.

На чем держится достоинство человека при демократии?

Кто знает, может быть, чувство собственного достоинства — конечная цель всякого гуманного общественного устройства. Разве не в собственном достоинстве суть личности?

Достоинство — относительно новая человеческая ценность. Во времена английской революции говорили о праве на жизнь, свободу и собственность, во времена американской — о праве каждого на жизнь, свободу и стремление к счастью, в середине прошлого века был выдвинут принцип наибольшего счастья для наибольшего числа людей. Но принята в середине нашего столетия Всеобщая декларация прав человека начинается с утверждения о том, что все люди равны в своих правах и достоинстве.

Вот тут-то, когда речь заходит о достоинстве человека, демократия оказывается на первой линии, и преимущества ее становятся, пожалуй, бесспорными. Ни в какие времена до распространения демократической цивилизации люди не были так равны по внутреннему достоинству. Боюсь, что в нашей стране, где слов «внутреннее достоинство» не встретишь даже в учебнике педагогики, понять ценность этого великого мирового достижения нелегко. Может быть, здесь одна из причин, по которой в нашем обществе к демократии относятся не столь уважительно, как в других странах.

Люди не могут быть равными экономически, люди не могут быть равными в своих возможностях, люди не могут быть равными в воспитании и образовании.

Но люди действительно могут быть равны в своем достоинстве для себя и друг перед другом.

Демократия очень многое сделала для того, чтобы избавить человека от мелких унижений, которые он испытывал в прежние времена, она сильно уравнила людей в поведении и в быту. То, что порой представляют лишь как унификацию, на самом деле большое достижение для многих людей, ранее относивших себя к низшим классам.

Прежде человек знал лишь свою округу. Поездки на другой конец города были недоступны. Но изобретение общественного транспорта расширило сферу его обитания.

Прежде одежду шили на каждом в отдельности, она была дорогой. Изобретение готового платья, открытие, что можно разделить людей по стандартным размерам, позволило шить огромное количество готовой одежды и обуви.

Прежде рядовой человек не смел войти в магазин — к нему тут же бросался приказчик. Но вот открылись большие магазины, где каждый выбирает покупку сам, где все равны. Кино, телевидение, видеотехника сделали искусство доступным всем, а не только богатым.

Акционерные общества дали возможность участвовать в прибыли миллионам людей.

Разумеется, за все приходится платить. Самодеятельность людей не всегда бывает направлена на добро. Рост свободы и человеческой активности не может не привести к росту преступности. Югославский публицист Михайло Михайлов приводит выдержку из самиздатовских дневников Эдуарда Кузнецова, который высказывает, как он сам пишет, несколько парадоксальное утверждение, что «наличие организованной преступности служит — во всяком случае пока — безошибочным индикатором демократичности общества... Организованная преступность — это подходящий налог с благ демократии, неизбежные издержки ее, как порнография и многое другое».

Что делать? Налоги приходится платить, но ведь есть за что. Права, которые дает демократия, порождают одно обобщенное право — право на смелость. Когда нет угрозы насилия, даже робкий от рождения человек становится смелым в речах и поступках; эта смелость и порождает активность, делает нас самостоятельными. Это источник демократического самоуправления.

Улучшает ли демократия нравственность?

Вечная тема публицистических и философских споров — демократия и нравственность, научно-технический прогресс и нравственность, общество потребления и нравственность. Постоянно и, можно сказать, не без некоторого злорадства указывают, что научный прогресс, бла-

госостояние, демократия вовсе не ведут к росту нравственности.

Что на это сказать? Руками разведешь, да и только. Разумеется, нравственность и духовность человека не находятся в прямой зависимости от материальной жизни. Среди бедных можно найти людей самого высокого духа, среди богатых — злодеев. Но как можно надеяться на рост нравственности в стране, где в такой степени, как у нас, пропадали произведенные продукты труда?

Сегодня пишут, что частная собственность — единственное основание человеческого достоинства, что не может быть достоинства без собственности и потому надо разделить так называемую народную собственность на всех, по справедливости. Это, конечно, не так. В мире не больше семи-десяти процентов экономически активных людей, получающих доходы от обладания собственностью, остальные работают по найму. Но они материально обеспечены, и это позволяет им чувствовать себя достойными людьми. А достоинство и нравственность связаны несомненно.

...Ну и в заключение «краткого курса»: есть ли у нас демократия?

Есть, потому что, несмотря на обеднение и обнищание, достоинство многих людей восстанавливается, страна начинает признавать демократические ценности.

Нет, потому что властям всех уровней приходится вести хозяйство, что несовместимо с демократией.

Есть, потому что есть гласность и свобода печати, хотя давно было сказано, что несчастно то поколение, которое первым введет свободу печати, — нужны годы, чтобы привычка к такой свободе стала общей.

Нет, потому что нет еще опыта разделения властей и они борются между собой точно так же, как это было, например, в Америке после выборов первого президента.

Есть, потому что совсем новые люди появились в кабинетах и коридорах власти, другие лица на экранах телевизоров.

Нет, потому что эти люди еще ни разу не переизбирались и потому не научились жить по законам, да и сами законов еще мало, и они несовершенны.

Но, во всяком случае, страна наша ближе, чем когда-нибудь после 1917 года, к современной цивилизации, требующей двух непеременимых условий: частной собственности и демократии. Такой можно сделать краткий вывод из «краткого курса» демократии, который, напомню, автор составлял для себя, потому что нигде в современных книгах не нашел ответа на вопрос «что такое демократия?».

Будни мытарей

Письма с нового фронта — налоговой службы

Вячеслав Басков

В пятницу вечером я получил письмо от налогового инспектора:

«Вам необходимо явиться в Государственную налоговую инспекцию для подачи декларации о суммах авторских вознаграждений, полученных в 1991 году. При себе иметь паспорт. Часы приема: с 15.30 до 17.30 ежедневно, кроме пятницы, субботы, воскресенья. Инспектор Косинская Вера Ивановна».

В понедельник в назначенное время я явился в инспекцию. Много раз описанный классиками в стихах и прозе сонный коридор, кабинеты. В кабинетах за столами мытари — девушки, женщины. Наши жены, сестры, матери, боевые подруги. Ни одного мужчины. Значит, работа низкооплачиваемая. Одна девушка взглянула на меня по-женски и сказала, что Вера Ивановна больна и будет только на следующей неделе.

Спустя месяц и восемь дней в пятницу вечером я получил письмо от налогового инспектора:

«Повторно! Вам необходимо срочно явиться в Государственную налоговую инспекцию для подачи декларации о суммах авторских вознаграждений за 1991 год. При себе иметь паспорт. Часы приема: с 16 до 17.45 ежедневно, кроме пятницы, субботы, воскресенья. Инспектор Косинская Вера Ивановна».

В понедельник в назначенное время я позвонил Вере Ивановне, рабочий день которой стал покороче, и похвастался, какой я дисциплинированный налогоплательщик — приходил по первому письму, но она болела.

— Я была здорова, — сказала тихо Вера Ивановна. — У меня болел ребенок.

Она назначила мне свидание на завтра, в неурочное время. Нечего и говорить, что я прибыл, как было велено.

На передовой

Было все очень просто, было все очень мило — Вера Ивановна попросила меня присесть. Я присел. Откуда-то из стола она достала «дело» на одного из малых сих и стала списывать на унылый бланк цифры и условные обозначения из моего паспорта. Потом она достала маленький калькулятор и красивым пальчиком, насколько не морща лица, стала что-то подсчитывать.

— Вы должны пятнадцать рублей, — сказала Вера Ивановна.

— Кому? — спросил я.

— Государству.

Наученный Верой Ивановной, я немедленно отправился в сберкассу и отдал России пятнадцать рублей. По дороге в сберкассу я купил порцию мороженого за двенадцать.

Встреча с мытарем Верой Ивановной доставила почти страдания: я не мог понять, зачем государству держать налоговые учреждения и взимать при этом с налогоплательщиков стоимость порции мороженого. Впрочем, к тому времени, когда пишется эта статья, мороженое стоит уже 18 рублей, 23 рубля, я видел мороженое за 50 рублей...

Взятие Зимнего

В министерстве финансов России мне сказали, что налоговые инспекции — учреждения совершенно новые. Но относятся они не к министерству финансов, которое ведает деньгами, а к специально созданной Государственной налоговой службе России. Само министерство финансов России теперь находится в помещении министерства финансов СССР, а Государст-

венная налоговая служба — в помещении бывшего министерства финансов России. Как было два министерства, так и осталось. Возглавляет Государственную налоговую службу человек, имеющий ранг министра.

В тот день, когда я звонил в Государственную налоговую службу, там было жарко. Какой-то начальник с девичьей фамилией Ленина — Ульянов собрал у себя коллег и обезглавил вновь созданное учреждение: все начальники были у Ульянова. Коллегия заседала утром, заседала в обед, заседала после обеда.

Начальник Ульянов работал без отдыха, без обеда, на износ — даже должность его выяснить не удалось: в учреждении, возведенном в ранг министерства, все из-за него горело! На телефонные разговоры никто не соглашался!

Тогда я поехал в бывшее министерство финансов России, чтобы увидеть своими глазами вот этот творческий подъем, революционный накал, энтузиазм первых пятилеток. В дверях стояли ходоки, которые хотели внутрь. Их не пускали. Не пустили и меня с редакционным удостоверением — порядок такой, что вам должны сперва заказать пропуск, сказал мне охранник. В боковой комнатке без окон сидели и стояли люди в очереди к единственному телефону внутри. Когда очередь дошла до меня, секретарь Ульянова сообщила, что коллегия еще не кончилась. Я сказал, что

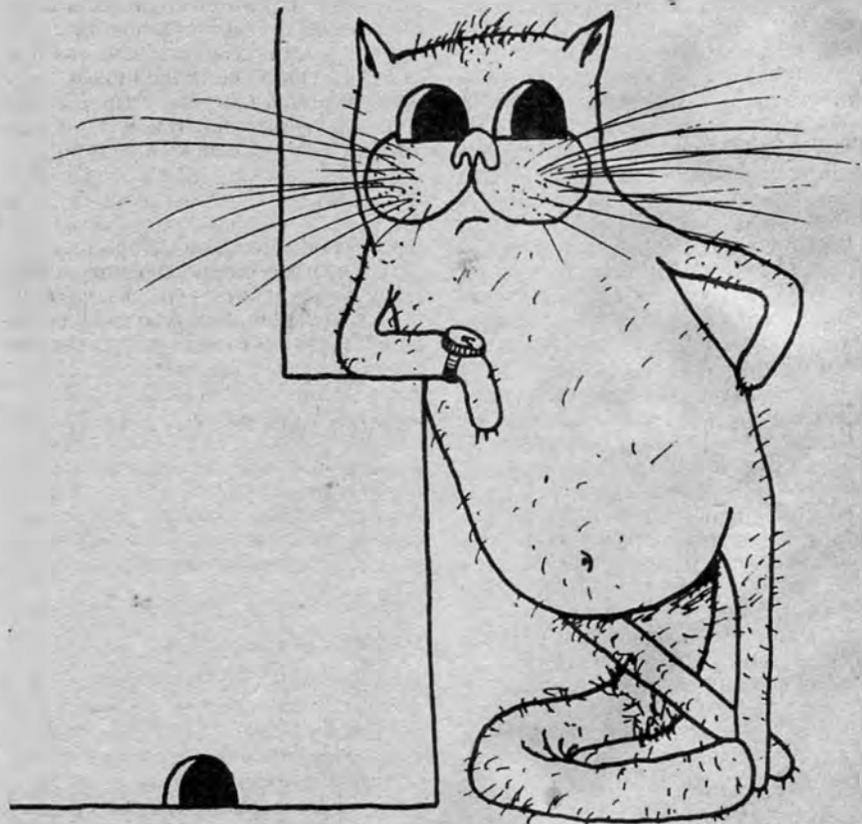

Рисунок Вячеслава Шиловой

нахожусь здесь, под рукой, я близко, рядом, мы могли бы наконец увидеть друг друга! Но я был отвергнут. Вернувшись в редакцию, я снова ей звонил — коллегия продолжалась. Я звонил и звонил, однако непонятный Ульянов не хотел остановиться. Он мчался к рынку, обгоняя всю страну.

И вдруг секретарь сказала, что коллегия сделала перерыв: комиссары, вероятно, все же проголодались. Но к Ульянову я допущен не был — меня перебрали к Воробьевой.

Невидимая, прозаседавшаяся, голдовая, но революционно настроенная г-жа Воробьева говорила так:

— Сколько в России налоговых инспекций? Это служебная тайна. Сколько инспекторов? Это служебная тайна. Не я тайны делаю.

Каюсь, я, не имеющий опыта следственной работы, «расколосил» революционерку. Удалось убедить ее, что это все не тайны. Оказалось, что к 1993 году в России должно быть создано три тысячи инспекций и нанято на службу сто тысяч человек. Но во что же обходится казна, ради пополнения которой и создана Государственная налоговая служба, сама налоговая служба? Г-жа Воробьева сказала:

— Это служебная тайна.

Напрасны были доводы, что налогоплательщики должны знать о своих налогах все. И тогда я опять позвонил Ульянову. Секретарь ответила:

— Он говорит, что свободен, но не берет трубку!!! Звоните Воробьевой.

— Но я звоню после разговора с Воробьевой!

Трик-трак. Это Татьяна, чтобы домогатель не слышал ее интимного разговора с начальником, отключает телефон и в трубке наступает глухота. Трик-трак.

— Он говорит, что все равно к Воробьевой!

— Передайте ему, что такое неуважительное отношение...

— Вот это ему сами и скажите!!! — и бах-бах трубку на аппарат... Я не вписался в ритм Зимнего.

Ликбез

Если к моменту выхода статьи Ульянов не сгорит на работе и не спалит всех вокруг себя, он все-таки должен будет сообщить читателям, сколько денег отпущено из бюджета на него, на его Татьяну, на конспиратора Воробьеву — на всю налоговую службу. Три тысячи инспекций — это много или мало? Сто тысяч российских мытарей — мало или много? Откуда вообще взялись такие цифры? И главное — деньги.

Ответ должен быть содержаться в Законе «О Государственной налоговой службе РСФСР». Однако после углубленного проникновения в этот документ стало ясно другое: милицкий тон писем от инспектора Веры Ивановны. Оказывается, налоговые инспекции работают в тесном контакте с органами внутренних дел. От милиционеров требуется «оказывать практическую помощь работникам государственных налоговых ин-

спекций» при извлечении у граждан налогов. Написано в законе и о том, о чем в законах обычно не пишут: о том, что служащим этой системы надо предоставлять жилье и обеспечивать их дошкольными учреждениями, а также учебными. Еще там сказано, что если разбушевавшийся миллионер убьет инспектора, то семья героя получит пособие в размере «десятилетнего денежного содержания». Если прибьет — компенсируют ущерб пятилетним окладом. Если просто кто ударит — выплатят пятимесячный оклад. Эти выплаты — из бюджета России.

Все это очень справедливо, но рассыпанные щедроты — жилье, учебные заведения, компенсации, — во что же они обходятся бюджету? Сколько стоят будни и эксцессы налоговой службы?

Вперед, заре навстречу!

О налогах никто ничего не знает. Опубликованную в газетах налоговую систему мало кто понял. Она оказалась чрезвычайно запутанной и зарубежным экспертам. Растерянность в наши души вносят частые сообщения теледикторов о том, что, дескать, Верховный Совет и сегодня рассматривал налоговую систему. Значит, система уточняется? А какие же тогда налоги вычитают? Как работают бухгалтеры? Может, с нас вычитают лишнее?

Словом, налоги — тайна. Правильнее сказать — хорошо продуманная тайна. От нас скрывают главное: сейчас невозможно изобрести какую-то новую систему вычетов из доходов граждан, поскольку не известно, из кого сегодня состоит общество — кто способен платить налоги и какие. Однако наличие в стране настоящей налоговой службы придает стране флер цивилизованности.

С налогами у нас произошло то, что в свое время с магазинами: в надежде на неизбежное изобилие по всей стране понастроили магазины-гиганты, мегамагазины, супер-суперторговые точки. Однако продовольственного изобилия почему-то не наступило. И когда оно наступит, сказать теперь тоже невозможно. Зато магазины стоят, стеклянные, мрамором убранные. Но мало кто знает, что эти самые универсамы имеют под землей и за стенами залов помещения, которые в десять раз превышают видимую часть. В десять раз! С самого начала строительства универсамов умные люди говорили, что тратиться не следует, однако коммунистические убеждения еще не удавалось сломить никому. Теперь, когда идет приватизация магазинов, один человек не в состоянии даже содержать универсам, не то что заполнить километры полок своими силами. В создании налоговой службы — та же коммунистическая одержимость.

Рабочим и служащим не платят зарплату, цены растут, растет зарплата — все крайне шатко. Но налоговая служба уже создана. На будущее. На вырост, как у нас водится.

Революционное сидение

На гербе налоговой службы США написано: «Налоги — это плата за цивилизацию». Красиво сказано! Если только цивилизация эта не в стране, где строят магазины, не имея еды; копают бассейны — воды не имея; и где президент подписывает указ о свободной торговле, предписывая ни в коем случае не проверять документов на товар — и вот страна разворачивает предприятия, магазины и выходит торговать на улицу, запрудила тротуары, торгуя краденым у того же государства открыто, свободно, законно! А в то же время создается налоговая служба. Служащие сидят по кабинетам. Еще одна сидящая система, наподобие жилищно-коммунальной, которая расселась по домоуправлениям, время от времени переименовывалась в жэк, рэу, прэу, не подметая тротуаров, не чиня кранов, не убирая дворов и даже талонов на сахар в godину трудную не раздавая, а ожидающая, когда народ приползет в ее кабинеты за талонами...

И вот так же сидят теперь налоговые девушки, женщины, матери — наши сестры и боевые подруги. И вызывают к себе повесткой: срочно явиться! Вы должны России пятнадцать рублей! Иметь при себе паспорт! А сами выходят вечером из конторы и попадают в толпу торгующих. В стране уже созданы целые синдикаты по скупке товаров прямо на заводе, в магазине, в Шереметьево-2, и высыпают шумные толпы наемников с ананасами, бананами, книгами на немый тротуар — и ни копейки с их миллиардных прибылей бюджет России не имеет!.. Все — только с нас.

***

Думаю, что без особой налоговой службы можно было бы спокойно жить еще лет пять и собирать налоги старым способом. Тем более что в минфине России до сих пор существует налоговое управление. За это время у людей, может быть, появится капитал. Сегодня громоздкое налоговое министерство — нелегкая ноша для бюджета. В самом деле, зачем новая структура, если все по-старому? В стране еще нет ни одного частного предприятия, частные магазины исчисляются штуками, редкие кооператоры сумели выкупить гособорудование, мы все — госрабочие и госслужащие. Однако налогообложение — поспекало впереди нас. Создано специальное ведомство — кормушка для обездоленных аппаратных чинов, которые имитируют революцию в стакане воды и не могут придумать стройной налоговой системы. Нынешний бюджет пополняется за счет нищих журналистов, артистов, пенсионеров, которые сдают углы, кооператоров, порвавших с государственной службой, и прочей бедной братии.

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Публикуемые сегодня фрагменты статьи русского ученого Евгения Аничкова «Две струи русской политической мысли», которая была опубликована в «Записках Русского научного института» в Белграде (выпуск 1, 1930 г.), обращает внимание на то влияние, какое на государственную политику России традиционно оказывал бюрократический слой. В том, что в самодержавном или авторитарном государстве администра-

тивные структуры имеют большое значение — в этом нет ничего ни удивительно, ни фатального.

Ставка на чисто административное управление со стороны самодержавия — вполне естественна (таким образом оно компенсирует «незавершенность» государственного механизма и недостаточность собственно политического элемента). Удивительно то, что такую же ставку на бюрократическую форму управления делало русское освободительное движение. Соблазнительная идея заставить общество развиваться по «правиль-

ным правилам», придуманным «мудрыми» и «добрыми» руководителями — в этом и состоит нескромное обаяние бюрократизма.

Автор, разумеется, неправ, когда связывает идею «бюрократического социализма» с именем Герцена; точно так же совершает он ошибку, приписывая идеям Чернышевского более демократическое содержание, чем то, которое они подразумевали. Но более либерал, чем социалист, Герцен если и говорил о роли бюрократии, то имел в виду нечто более похожее на «рациональную» бюрократию Макса Вебера, вписан-

ную в «нормальную» демократическую политику. А вот «общинный социализм» Чернышевского едва ли не неизбежно должен был быть «достроен» административной системой — как это произошло впоследствии в «колхозном строе».

Нескромное обаяние бюрократии

Евгений Аничков (1866–1937)

Ну вот. Дожили. Подстановка в программах социалистических партий органически развивающегося народоуправства неким строящимся на пустыре разрушенных до тла прежних государственных форм. Учредительным собранием, бойкот первой Государственной думы, присяга после отречения Николая II не Государственной думе, а случайно возникшему и безответственному перед страной Временному правительству, стремление управлять Россией со стороны столь же безответственных центральных комитетов партий, возгласы «Вся власть Советам!», когда эти Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов опять-таки безответственны и уже содержат в себе все признаки бюрократизма — все это последствия одной и той же «оспопрививки». А отсюда и последовал разгон созданного наконец Учредительного собрания, о котором мало кто пожалел. А дальше — по-новому — уже строгий бюрократизм большевиков, опирающийся на неразборчивую в средствах кучку коммунистов.

Я сознательно свел вместе взгляды и принципы, исходившие из разных враждовавших между собою социально-политических партий и группировок.

В самом деле надо ли напоминать, что утопическое требование Учредительного собрания, упорно противопоставляемое введению конституционной формы правления, повторяется во всех русских революционных изданиях, какие выходили за восточную половину XIX века либо за границей, либо подпольно?

Теми же революционными партиями, расколовшимися на социалистов-революционеров и социал-демократов, с придачей народных социалистов, оттого и был провозглашен бойкот на выборах в 1-ю Государственную думу, и лишь единомышленники Плеханова из числа социал-демократов остались вне этого увле-

чения. Однако из такого же противопоставления пресловутого Учредительного собрания уже существовавшей Государственной думе — правда, распущенной, а отсюда присяга Временному правительству, то есть бюрократическому учреждению, — исходили и вожаки Партии народной свободы (другое название либеральной партии кадетов — Конституционно-демократической партии, сокращенно «ка-де», или «кадеты». — Ред.). На них лежит ответственность за замедление созыва наконец ставшего осуществимым Учредительного собрания. В этом отношении теперешние правители нашей несчастной родины, большевики, оказались лишь радикальнее, когда, воспользовавшись своим влиянием в Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, осуществили заново перестроенное бюрократическое правление страной. А бюрократически управляемой России была тогда навязана эта задача, отвечающая пламенной вере Герцена: Россия даст миру социализм. Что западный социализм не принял этого русского социализма, что пришлось ему подставить беспринципный и полностью лживый коммунизм, что появился Третий Интернационал, функционирующий лишь при помощи подкупов, чрезвычайки и ГПУ, — это не меняет дела.

И теперь я постараюсь сформулировать тот взгляд на явления политики и социальных отношений, эту струю породивший.

Взгляд этот несомненно исходил из основной предпосылки, предписывающей законы и бытия и должностования без различия между тем и другим.

Отсюда стремление подчинить события решению некоторой организации или партии, являющейся носителем этих теорий, то есть стремящейся управлять родиной диктаторским или бюрократическим воздействием. То есть бюрократическим воздействием, открыто или, напротив, скрытно отрицающим народоуправство, ибо даже если в теорию и входит как идеал народоуправство, все-таки в нем самом упор-

ное проведение доктринерской программы, навязываемой стране, ведет к тому, что центральные комитеты партий будут считать себя суверенными по отношению к воле представительных учреждений и отсюда отнюдь не признают их для себя непреложными.

При этом, поскольку партия сталкивается с концептом (т.е. понятием) нации, ей представляется неизбежным одно из двух: или стать выше национального концепта, взывая к концепту общечеловеческому, или упорно утверждать, что ее доктрина соответствует некоему традиционному сознанию, назначению или бессознательному стремлению.

Исходя из этой последовательности предпосылок, тщательно разрабатываемой партийными учеными, легко признать, что именно партия, а не воля народа, утверждаемая через народоправство, всемерно права и, стало быть, она-то и выражает доподлинную волю народа. Тогда партия провозглашает себя национальной.

В странах, не управляемых народоправством, понятию партии или организации надо, разумеется, подставить то, что по-русски принято называть направлением. Но направление немедленно становится партией, как только явится возможность практического воздействия на события.

Перейдем теперь сразу же к формулировке другого, противоположного взгляда и вытекающей из него иной струе в русской общественности.

Ее начало, внимательно вчитавшись в Чернышевского и отбросив под влиянием раскрывшегося мне круга его идей, то, что следует называть *легендой* о Чернышевском, — я склонен возвести именно к Чернышевскому, оставшемуся, увы, непонятому и до наших дней.

Это взгляд на политические события, лишенный экзальтации, а следовательно — слишком быстрых выводов из теоретических предпосылок.

Отсюда этот взгляд основан прежде всего на *предвидении*, простирающемся из оценки экономических отношений. Эти последние рассматриваются отнюдь не как-то независимо от происходящего или происходившего в других странах.

Тогда наша русская политика ни в коем случае не представится либо уродливо своеобразной или, напротив, исполняющей некую нам одним выпавшую на долю святую миссию. Национальный характер и национальные особенности складываются в осуществляющейся эволюции, а вовсе не проистекают из каких-либо осознанных нами идей, которые могли бы руководить политическим деятелем.

Значит, политический деятель должен отклонить от себя своеволие либо тирана, либо диктатора, либо какой-нибудь политической и тем более революционной партии.

Всякое бюрократическое управление страной — будь-то консервативное или либеральное, будь-то революционное или реставраторское — одинаково губительно сказывается на судьбах страны. Прочно и ведет к благу лишь то правосознание, которое основано на непосредственной пользе для большинства и — что первостепенно важно — этим большинством

признано и свободно проводится в жизнь по собственному почину, ибо «какова мысль, такова и воля».

Политическому мудрецу в платоновском смысле выпадает на долю лишь задача объяснить своим согражданам, в чем их выгода, помогая их мнению не отклоняться в сторону под влиянием как старых и застарелых, так и вновь возникающих предрассудков. Ясно, стало быть, что политический мудрец будет руководствоваться наукой, то есть явится выразителем не индивидуальной интуиции, а некоего коллектива познавательных усилий особенно знающих людей, что и называется наукой.

При этом само собой разумеется, что все допускаемые ошибки научного предвидения будут трагически отражаться на судьбах родины и оттого легко могут принимать характер преступлений, и тем хуже, если они произошли вследствие легкомыслия и преувеличения своих способностей.

Однако в данном случае на помощь приходит опять-таки народоправство с естественно связанными с ним свободой слова и веры. Ибо рядом с наукой существуют еще не точно формулированные и не систематизированные знания и мысли, зачастую вносящие поправки в теории и системы.

Революция и переворот лишь тогда не оказываются бедствием, когда они заканчивают процесс мысли, породившей волевой акт.

Сами по себе ни революция, ни какой бы то ни было переворот не составляют и не могут составить блага. Они лишь самое последнее и самое нежелательное средство и могут быть оправданы только тогда, когда остальные средства, то есть прежде всего общественное мнение и формы народоправства, не могут быть использованы.

Подобные мысли и принципы не нашли себе и до сегодняшнего дня достаточно яркого выражения в русской общественности.

С одной стороны, экономизм Чернышевского уперся в марксизм. А стремления к народоправству остались вялы и неискренни. Их заменяли революционные мечты, им тщательно за последние годы старого режима помогала бюрократия через охранное отделение проводить их в жизнь, видя в них союзника в борьбе с угрожавшим ей народоправством.

С другой стороны, поборники народоправства по соображениям жалкой и близорукой партийной вражды отворачивались от экономизма.

Оттого идея народоправства не стала ни классовою, ни сословною, а именно тесное взаимодействие с сословными и классовыми интересами и сделало западное народоправство жизненным и укрепило его, несмотря на кризисы, через которые оно проходило и проходит.

Публикацию подготовил
кандидат философских наук
Иван Задоржнюк

Кадыра Алимова на улицах Ташкента уже начинают узнавать в лицо, а собственная жена шутливо называет его «телезвездой». Но бремя популярности еще не тяготит 40-летнего профессора: он только недавно стал ведущим программы «Мир и мы» на узбекском телевидении.

Профессиональная карьера Алимова до сих пор складывалась удачно. Сын известного узбекского актера, он окончил Московский институт международных отношений, где учился вместе с нынешним министром иностранных дел России Андреем Козыревым, защитил две диссертации в Институте США и Канады, читал лекции в Гарвардском, Колумбийском, Джорджтаунском университетах США. Среди его собеседников были Роберт Макнамара, Карл Саган, Збигнев Бжезинский, Генри Киссинджер...

Вернувшись домой, Кадыр занял по конкурсу место заведующего кафедрой политологии Ташкентского института политологии и управления (бывшей высшей партийной школы при ЦК КП Узбекистана). Нельзя сказать, что среди политической элиты в Ташкенте его все считают «своим»: поскольку он был в свое время президентом узбекского отделения советской Ассоциации политологов, возглавлявшейся

ближайшим советником Горбачева Георгием Шахназаровым, Алимов был назван «рукой Москвы». Чтобы заслужить свое право стать узбекским интеллектуалом, Кадыр в 35-летнем возрасте изучает родной язык.

Профессиональный политолог, Алимов вместе с Мохаммадом Солихом, председателем демократической партии «Эрк», подготавливал законопроект «О внешней политике Узбекистана», был одним из авторов альтернативного проекта конституции республики. Он считает необходимым срочно принять Закон о политических партиях, и неготовность к этому узбекского парламента Кадыр объясняет его профессиональной незрелостью.

Изучая политику США в Иране в 1945—1980 годы (тема его докторской диссертации), Алимов пришел к

выводу: силовая прививка идей западного либерализма на почву восточного фундаментализма стала причиной взрыва исламской революции. Президент узбекской Ассоциации политологов готов оспорить утверждение знаменитого Фрэнсиса Фукуямы о мировой победе либерализма. По словам Кадыра, «Фрэнсис» подавил «Фукуяму», и Восток оказался недооцененным...

В своих поисках симбиоза либерализма с фундаментализмом профессору Алимову истиннее кажется утверждение другого знаменитого «политолога», русского солдата Сухова: «Восток — дело тонкое».

А.Дубнов

30-летний **Игорь Меркулов** — первый русский артист, игравший на сцене южноафриканского драматического театра. Было это в

городе Блумфонтейн в провинции Оранжевая.

Игорь — выпускник ГИТИСа. После института работал в Театре имени Гоголя, пробовал себя в качестве режиссера.

Решив однажды, как он сам говорит, «поиграть в судьбу», Игорь отправил анкету в ЮАР. И удача улыбнулась — он получил приглашение от компании PACOFS принять участие в спектакле. В комедии по пьесе английского драматурга Рея Кони «Догони меня, товарищ!» прообразом героя Меркулова был Рудольф Нуриев — первый советский танцовщик, сбывавший на Запад.

Хотя в ЮАР театральные актеры живут, по рассказам Игоря, «от зарплаты до зарплаты», ему как специально приглашенной «звезде» платили прилично.

Игра русского актера получила хорошую

прессу, а Игорь, окрыленный успехом, уже выступил режиссером постановщиком пьесы Чехова «Предложение» со студентами университета Блумфонтейна. Антон Павлович южноафриканцам тоже понравился, хотя русская театральная школа во многом отличается от привычной им. «Система Станиславского — правда жизни, импровизация — все это было для них в диковинку», — вспоминает Игорь. Поэтому Меркулову пришлось попробовать себя еще и в роли преподавателя.

Сейчас после полугодового отсутствия на родине Игорь постепенно привыкает к российским реалиям и строит планы на будущее. Ближайшие из них: помощь в организации съемок 26-серийного художественного телефильма — совместного производства ЮАР и России — об участии наших соотечественников в англо-бурской войне 1899—1902 годов.

«Более знаменитого спортсмена, чем **Майкл Джордан**, в США никогда не существовало, — утверждает президент «Клуба звезд американского спорта» Дэвид Бернем. — После Олимпийских игр в Барселоне он станет и самым знаменитым спортсменом в мире».

Плюс — самым богатым. Дело не только в

«Бывшего короля — в президенты!»

Такой лозунг был провозглашен Национал-либеральной партией Румынии, одной из влиятельных оппозиционных сил на нынешнем политическом небосклоне страны. Королю **Михаю Гоенцоллерну**, смещенному с трона в 1947 году по велению советских властей, не так давно исполнилось 70 лет, и вот уже 45 лет он живет в ссылке в швейцарском местечке Версуа.

Решение обратиться к Михею с просьбой дать согласие баллотироваться на президентских выборах в сентябре этого года было единодушно поддержано национал-либералами. В ближайшее время полномочные представители этой партии направятся в Швейцарию, чтобы уговорить экс-короля согласиться на официальное выдвижение его кандидатуры.

В апреле Михай впервые после долгого отсутствия побывал с двухдневным визитом на своей родине, где был с энтузиазмом встречен сотнями тысяч бывших подданных. И все же выдвижение кандидатуры бывшего короля вряд ли пройдет гладко: сомнительно, чтобы большинство из 23 миллионов румын высказались за него, поскольку со времени его отречения выросло несколько поколений, которые даже не знали о его существовании.

С другой стороны, Национал-либеральная партия, или, как ее некоторые именуют, «партия короля Михая», возродившаяся после трагических событий декабря 1989 года, насчитывает многолетнюю историю. Эта партия принимала участие во многих правительствах периода конституционной монархии еще до второй мировой войны. Она имеет свои традиции и опыт политической борьбы.

Реакция самого заинтересованного лица — бывшего короля Михая — пока неизвестна.

10-миллионном контракте, который связывает баскетболиста Джордана с командой «Чикаго буллс» до 1995 года. Гораздо веселее выглядят сделки, которые он заключил с различными спонсорскими и рекламными организациями. Более 20 миллионов долларов за участие в рекламных радио- и телепередачах в 97 странах.

Ради «Макдоналдс» Джордан будет призывать с телеэкрана попробовать чипсы и «биг мак», для «Пепси» он споет в хоре с подростками, чтобы увеличить доходы фирмы «Гэтрейд», он с высоты своих метра девяносто будет спокойно укладывать мячи в корзину. Его имя можно найти на коробках с хлебцами «Уитиз» и на трусах «Хейнс».

Все, к чему прикасается Майкл Джордан, превращается в золото. С тех пор как в 1986 году он разрешил фирме «Найки» использовать свое имя, кроссовки «Эйр Джордан» стали самыми популярными в мире. Когда в прошлом году Майкл предложил вести обучение искусству баскетбола по телевидению, кассеты с его уроками пошли нарасхват.

«И все же только на площадке я чувствую себя хорошо», — признается 28-летний Майкл, который на протяжении последних пяти лет не уступал никому первую строчку в

списке бомбардиров американского профессионального баскетбола. «У него только один настоящий противник — это сила притяжения», — утверждает газета «Нью-Йорк таймс».

После семилетнего отсутствия к своим европейским поклонникам

возвратилась знаменитая американская певица **Дайана Росс** — «королева соула», как ее называют на родине. Возвращение прошло по-королевски: на лондонском стадионе Уэмбли не было свободных мест, и многотысячная толпа громко приветствовала свою любимицу еще на подходах к стадиону.

Несмотря на свои 47 лет, «ее величество» выглядела по-прежнему молодой и, как всегда, элегантно. Кстати, она мало кому позволяет называть себя по имени. Для всех она остается «мисс Росс», и это несмотря на то, что она дважды была замужем и воспитывает пятерых детей. Для своих по-

мощников она босс, требовательный не только к ним, но и к себе, своему репертуару, своему имиджу.

Хотя уже много лет минуло с тех пор как известный «открыватель талантов» Берри Горди разыскал на окраине Детройта маленькую стройную негритянку с голосом ангела, мисс Росс сохраняет верность темам своего детства: любовь, верность, надежда. Может быть, поэтому по числу проданных в мире дисков с ее песнями певица стоит на третьем месте после «Битлз» и Майкла Джексона.

Ценители ее таланта были особенно тронуты тем, что, несмотря на ее брак с богатым норвежским судостроителем, рождение двух детей, младшему из которых сейчас всего три года, и несмотря на столь долгое отсутствие на эстраде, мисс Росс осталась верна своим прежним симпатиям в музыке, в частности блюзу: она по-прежнему любит петь то, что пела когда-то Билли Холлидей и поэт Стиви Уандер.

Концерт на Уэмбли прошел с огромным успехом, особенно его заключительная часть, завершившаяся знаменитой песней «Эндлес лав» — «Бесконечная любовь». Все восемьдесят тысяч присутствовавших слушали ее на бис стоя.

Полмиллиона за шубу «от Вахи»

Вот уже скоро год как 33-летний **Ваха Витаев** занимается тем, что удовлетворяет причуды богатых женщин. Послы иностранных государств приводят в его московскую квартиру своих жен, отечественные нувориши — по большей части любовниц.

Ваха — генеральный директор товарищества с ограниченной ответственностью «ММТ», которое шьет супермодные меховые изделия. Здесь «работают» с норкой, черной буркой, песцом, нутрией и каракулем. Цены по мировым стандартам самые что ни на есть бросовые: самая дорогая шуба «ушла» месяц назад «всего лишь» за полмиллиона рублей. Если перевести на доллары, то и вовсе ерунда получится. Поэтому и стараются сверхобеспеченные граждане одеть свою женскую половину не где-нибудь на Западе, а «у Вахи».

Витаев родом из Грозного. (Сейчас, как он сам признается, «пятый пункт» ему несколько мешает, особенно когда дело касается контактов с официальными лицами. Те, как правило, принимают его за одного из главарей чеченской мафии и не очень идут навстречу.) Его родители знали толк в скорняжном деле, так что любовь к мехам — наследственная. Но Ваха сначала пошел по научной части — окончил Чечено-Ингушский госуниверситет по специальности «физическая химия», преподавал, входил в научную группу молодых ученых, разрабатывавших методы демеркуризации (очистки от ртути) самолетов, за что был даже удостоен премии Ленинского комсомола. Но к 1988 году он понял, что у науки на его родине нет будущего.

Революционные события в республике показали, что Чечня — не лучшее место для бизнеса. Ваха вместе с единомышленниками переехал в Москву.

К выходу на российский рынок в «ММТ» готовились с особой тщательностью: долго и мучительно договаривались с леспромпхозами о поставках сырья, «пробивали» аренду пошивочных цехов, несколько месяцев бились над технологией выделки шкурки, и, главное, Вахе удалось переманить к себе классного модельера, чьи образцы на прошлогодней международной выставке в Москве достойно конкурировали с продукцией всемирно известной германской фирмы «Слупински». Лишь только после этого Ваха решил поставить дело «на конвейер».

Сегодня «ММТ» производит около сорока шуб и полушубков в месяц, причем каждого фасона — не более десяти экземпляров. «Мы стремимся к тому, чтобы каждая обладательница нашего изделия по праву гордилась его уникальностью», — объясняет Ваха.

Несмотря на очевидную прибыльность этого бизнеса, Ваха отнюдь не стремится каждый раз «срывать банк». Девиз его фирмы «Качество превыше всего» обязывает и к высоким затратам. В итоге прибыль от деятельности «ММТ» не так велика — около 10 процентов.

Неизвестные вожди

Оказывается, не всякий портрет большевистских лидеров мог увидеть свет, особенно если он был сделан с натуры

Анатолий Иващенко

Целую неделю в Белграде почти непрерывно падал снег. В такую погоду город не посмотришь, и меня пригласили познакомиться с литератором и переводчиком Милорадом Панич-Сурепом. Бывает иногда, что едва познакомишься с человеком, а у тебя такое чувство, будто давно его знаешь, и он давно тебе симпатичен. Так случилось и на этот раз. Тем более что Панич оказался не только хорошим собеседником, радушным хозяином, но еще и собирателем народной старины.

Я с интересом разглядывал работы древних ковачей, старые ружья, книги, рукописи... Хозяин извлекал их из деревянной сельской колыбельки, которая служила ему архивным хранилищем. То и дело я изумлялся и слушал истории одна интересней другой.

Но, наверное, нетрудно представить, что было со мной, когда человек, сделавший один из лучших переводов «Слова о полку Игореве», человек, чьим трудом были собраны предсмертные письма борцов за независимость разных веков, — когда такой вот человек положил передо мной уже пожелтевший от времени альбом, на обложке которого было написано «Диктатура пролетариата в России. Наброски с натуры Ю.К. Арцибушева. Политические деятели на заседаниях Советов раб., солд. и крест. депутатов, Учредительного собрания, крестьянских съездов и проч. в декабре 1917 и январе 1918 гг.»

Открываю и на первой же странице — большой портрет Ленина. Энергичный жест, живой, задиристый, весь в споре... Но лицо? Таким Ленина у нас не изображали.

А дальше — Свердлов, главком-верх Крыленко, Луначарский, Ногин. Здесь были портреты председателя Центробалта Дыбенко и матроса Железнякова, анархиста, коменданта Таврического дворца, приказавшего Учредительному собранию разойтись крылатой фразой: «Караул устал». Рисунки впол-

не реалистические, в каждом удачно подмечены характеры.

Вот Сташков, крестьянин Смоленской губернии, принимавший участие в первых мирных переговорах с Германией. Лопатой во всю грудь белая густая борода, богатырское сложение, волевое умное лицо, цепкий взгляд, чуть прищуренный глаз... Истинно русский богатырь. Но, увы, этой фамилии я никогда не встречал.

Лейтенант Ильин — Раскольников, один из «рыцарей Октября», которому Ильич давал трудные поручения... Тот самый Раскольников, который впоследствии был литератором, дипломатом, человек, который в открытом письме Сталину из Парижа осудил репрессии, вождизм, раздувание культа собственной личности.

С каждой страницы альбома веяло ветром времени, во всем чувствовались верный глаз художника и его позиция. Чего стоит хотя бы его трактовка Троцкого. А анархист Данов? Петушиное лицо, космы до плеч... Кажется, что со страниц альбома он шагнул прямо в толстовское «Хождение по мукам». И совсем иной, с большой теплотой рисованный Дыбенко. Высокий лоб

мыслителя, задумчивые, чуть печальные глаза... Хорош портрет настороженно одухотворенного Менжинского. Но где Сталин, Дзержинский, Молотов, Калинин?.. Нет ни одного. Значит, они еще в тени, выйдут из-за кулис позже. Пока же здесь действуют другие.

Я видел широко известную «Ленинину» Андреева, знал каждый набросок Ленина, сделанный Алтманом, — их рисунки, конечно, глаже, но не представлял, что оказывается, был еще один художник, создавший столь широкую галерею портретов времени Октября.

И все-таки что же это такое?

— Видите эту надпись? — спросил Милорад. — Она гласит, что альбом был издан тиражом в пятьсот пронумерованных экземпляров. Его выпустило в восемнадцатом году московское издательство товарищества Кнебель. Неужели все экземпляры, кроме этого, который попал ко мне сложными и крутыми путями, погибли под обвалами времени? С одной стороны, это невозможно, где-то должны сохраниться... А если сохранились, то теперь-то их уже отыскали бы, переиздали и выставили в музеях. Концы с концами здесь не сходятся. Я дважды был у

вас в стране, занимался судьбой альбома, пытался отыскать следы художника. Но, увы, у меня так и не хватило времени чего-нибудь достигнуть. Теперь займись поиском ты. Может, тебе повезет больше.

...По возвращении — дело еще в 1965 году — я пустился на «раскопки». Надежды то и дело сменялись огорчением. Имени художника Ю.К.Арцибушева ни в одной энциклопедии, ни в одном справочнике, которые я перерыл, не оказалось. В Ленинской библиотеке, где есть все, альбома Арцибушева не нашлось. А если и был, то, скорее всего, в спецхране и об этом молчали. Обратился в Институт марксизма-ленинизма, навел справки во Всесоюзной книжной палате. Ответ был такой: «Альбом уничтожен. Если и есть экземпляр, то в единственном месте — в ленинградской библиотеке имени Салтыкова-Щедрина». На следующий день наш ленинградский корреспондент передал записку — «нет, обнаружился только документ, гласивший о том, что альбом подлежит изъятию».

Ну а художник? Вдруг это тот, который рисует в американском «Тайме»? Нет. Там Арцибашев. А этот Арцибушев.

Но все-таки постепенно я доискался и здесь до самого конца. Там, где молчат справочники, там говорят люди, чья память хранит все, хранит до наших дней. Художник Ю.К.Арцибушев оказался не кем иным, как... редактором знаменитого сатирического журнала «Зритель» времен первой русской революции.

Он организовал его будучи еще молодым человеком (родился 10 марта 1877 г.), 27 лет от роду.хлопоты открытия заняли почти год, потом началась жестокая битва с цензурой. Почти после каждого номера на редактора строчились доносы за доносом.

Товарищ министра внутренних дел, ведающий полицией, генерал Трепов, тот, который отдал печально знаменитый приказ: «Патронов не жалеть!», — этот генерал писал: «...обнаруживается с полной несомненностью, что это издание задается целями антиправительственной пропаганды и развития революционного настроения в народной массе».

Министр внутренних дел Булыгин подал в сенат рапорт о запрещении «Зрителя». Ю.К.Арцибушеву пришлось предстать перед судом. Ему грозили 10 годами заточения в Петропавловскую крепость. От каземата его спасли общественность и адвокатура юриста Кони.

Родная сестра художника Ольга Константиновна показала мне портрет отца Арцибушева-старшего, писанный Врубелем, портрет матери, сделанный Репиным. Из сообщений дочери художника Галины Юрьевны удалось установить и некоторые другие факты из жизни Ю.К.Арцибушева.

— Самый горестный из них состоит в том, — сказали мне, — что художник впоследствии стал жертвой любви к своей жене Марии Александровне, в то время довольно известной балерины. Она убедила его заняться организацией театральной труппы и всюду с нею ездить.

В 1919 году Арцибушевы получили заграничные паспорта и отправились на несколько лет в турне по Европе и Африке. Но, когда кончился срок, Мария Александровна решила остаться в Париже. И только в 1947 году, уже после войны, семья вернулась в Советский Союз и поселилась в Тбилиси. Юрий Константинович работал в тбилисской опере художником-декоратором, а его жена балетмейстером.

К этому времени альбом уже был давно изъят, поскольку в нем содержались наброски портретов не только тех, кто значился героями революции, но и тех, кто был репрессирован.

Чтобы подчеркнуть беспристрастность своих взглядов той поры, художник поставил к своему труду эниграф — строки из «Бориса Годунова»:

Так точно дьяк, в приказах поседельный,

Спокойно зрит на правых и виновных,

Добру и злу внимая равнодушно,

Не ведая ни жалости, ни гнева.

Такой объективизм тоже стал «деянием наказуемым». В 1951 году Арцибушевы были высланы в Казахстан. Там неподалеку от Пахта-Арала художник и закончил свои дни.

Грузинский корреспондент «Комсомольской правды», где я тогда работал, Илья Хуцишвили нашел документы описи имущества, из которых выяснилось, что у художника перед выссылкой были изъяты два чемодана с письмами и рисунками. Возможно, в тех чемоданах лежали альбом и оригиналы. Может, они таят в себе еще несколько интересных серий.

Мои заметки про альбом тогда не напечатали. И только сейчас я публикую их в надежде, что арестованные чемоданы наконец-то вышустят на волю.

БЕЛГРАД—МОСКВА

Мико

Биржа труда для инвалидов

Поиск мест трудоустройства для инвалидов-москвичей.

338-34-35

Предлагаем различных специалистов из числа инвалидов.

Автора! Автора! Автора!

Татьяна
Иванова

**Писатели
пописывают.
Читатели...
тоже
пописывают. О
том, что иным
писателям
лучше бы не
пописывать**

Татьяна Владимировна Пинчукова из поселка Ягодное Магаданской области пишет о том, как функционеры КПСС внедряются сегодня в коммерческую деятельность. «У них везде связи, везде «лапа», везде «наши». И неужели вы думаете, что они наладят экономику? Да никогда! Ведь они не умеют, никогда не умели хорошо работать, никогда не умели довести до конца ими же задуманное, запланированное дело, хотя их обязаны были слушаться и директора предприятий, и руководители институтов, и председатели колхозов. Ни одного доведенного до конца, ни единого сделанного дела, ни одного выполненного плана, ни одной «всенародной кампании», которая принесла бы запланированный эффект. А в предпринимательстве, в нормальных хозяйственных структурах нужно прежде всего честно и умело работать».

По мнению Татьяны Владимировны, суда над КПСС не избежать. Без этого общество выздороветь не может. Без этого функционеры КПСС не опомнятся, не поймут, что народ знает им настоящую цену, не оставят народ в покое.

Я не буду с этим спорить. Я думаю так же. Мне и с самого начала были противны сверхдемократические причитания о необходимости не допустить «охоту на ведьм» — так это называлось уже на следующий день после путча. На ведьм охотиться никто не собирался. А вот смертельную опасность для общества, тающуюся в людях, объединяющихся на принципах нашей славной КПСС, необходимо было разоблачать последовательно и неуклонно. Сверхдемократы испугались запачкаться. Поэтому коммунисты опять объединяются, опять выходят из окопов, беззастенчиво носят по городам плакаты в защиту хунты Янаева-Язова-Крючкова, бесстыдно, вслух клянутся в верности идеалам ГКЧП. И преследуют, где исподтишка, а где явно, открыто тех, кто противостоял в августе путчистам.

Ни Татьяна Владимировна, ни я, ни наши с нею единомышленники вовсе не хотим, чтобы кого-то сажали, преследовали, лишали права работать. Нет и нет. Но партия, ограбившая свой народ, изнасиловавшая,

измучавшая страну, истребившая с помощью своего репрессивного аппарата миллионы людей, должна быть судима, деятельность ее должна быть осуждена и прекращена раз и навсегда. И тот, кто противостоит этому, не хочет выздоровления России, может быть, даже и самого не понимая.

Сергей Малыгин, инженер двадцати восьми лет из Самары, корит меня за то, что время от времени я пишу о газете «День», занимаюсь какими-то темными личностями, объявившими себя писателями и патриотами.

«Не надо! — пишет Малыгин. — Вы создаете им популярность, делаете им славу, имя. Перестаньте их даже упоминать. Ведь они как вампиры — питаются кровью демократических журналистов. Если бы демократические журналисты не пересказывали их речи и писания, если бы они их тем самым не популяризировали, их никто бы и вообще не знал.

Мой корреспондент вспоминает, как никому не известный Карем Раш в «Военно-историческом журнале» написал статью «Армия и культура». И — как поднялись демократические журналисты разоблачать черную фашистскую суть этого творения — так сразу и стал «Военно-исторический журнал» библиографической редкостью, а Карем Раш знаменитостью. Теперь, какой бы бред он ни написал, все читают, смотрят: что-нибудь опять чудовищное или полегче? Но, во всяком случае, читают.

Читатель укоряет нас: зачем мы печатаем письма тех, кто не может поступиться принципами? Хотим утвердить на своих страницах немислимый плюрализм? Но кого и в чем мы хотим убедить? У этих, с принципами; есть ведь свои печатные издания, оттого, что они прорвались еще и не в свои, они ни в чем не разуверятся. «Они по-прежнему вопят, и будут вопить, что демократическая пресса всё лжет, вся продана жидо-масонам, что народу демократы не нужны. И все безмозглые — а в стране дураков в них никогда недостатка не было — слушают их, а не нас...»

Люблю иметь дело с письмами! Читателю можно куда больше, чем журналисту. Слова он, читатель, может так

тщательно и не подбирать. И частенько говорит то, что я и хотела бы сказать, да терплю, не выговариваю. Он, по-моему, абсолютно прав, читатель Малыгин. И, как и он, я всегда недоумеваю, читая опусы реакционеров на страницах демократических изданий. Действительно, все поделилось, и все давно определились. У них — свои издания. Не хватит ли предоставлять им для пропаганды их взглядов еще и наши страницы?

Зачем тратить дорогую, дефицитную бумагу на заголочки (так их после «Слова к народу» приговорил в «Вестях» Виктор Астафьев), призывающих к «порядку»? — пишет наш автор. Один называет «Новое время» контрреволюционным, другой обещает все номера за все годы сжечь в печке, третий заявляет, что никогда не расстанется с партбилетом... Может, это их проблемы?

Полностью согласна. Единственное, что могу сказать нам в оправдание: многие из наших читателей «патриотические» издания в руки не берут, не читают. У них может создаться иллюзия, что в стране царит единомыслие, мир и благоволение в человеках. А все-таки надо, чтобы он знал: реакция нагла и самоуверенна, она ненавидит нас, грозит нам, избрывает страшные кары.

Но дальше наш замечательный читатель пишет вообще нечто прелестное. «А знаете, я покупаю их книги... У меня есть две книги Раша, есть и Н.Н.Яковлев... Понимаете, ведь эта литература уходит. Она скоро будет библиографической редкостью. Как без этих книг объяснить тем, кто придет после нас, весь идиотизм нашего времени».

Отлично понимаю... Сама храню на антресолях «Во имя отца и сына» Ивана Шевцова, «Чего же ты хочешь?» Кочетова, еще ряд бессмертных шедевров. Правда, бывает настроение, когда ничто рассмешишь не может. А достану эти чудища, начну сыну вслух читать — оба хохочем. Туда же недавно приложила «Все впереди» Василия Белова.

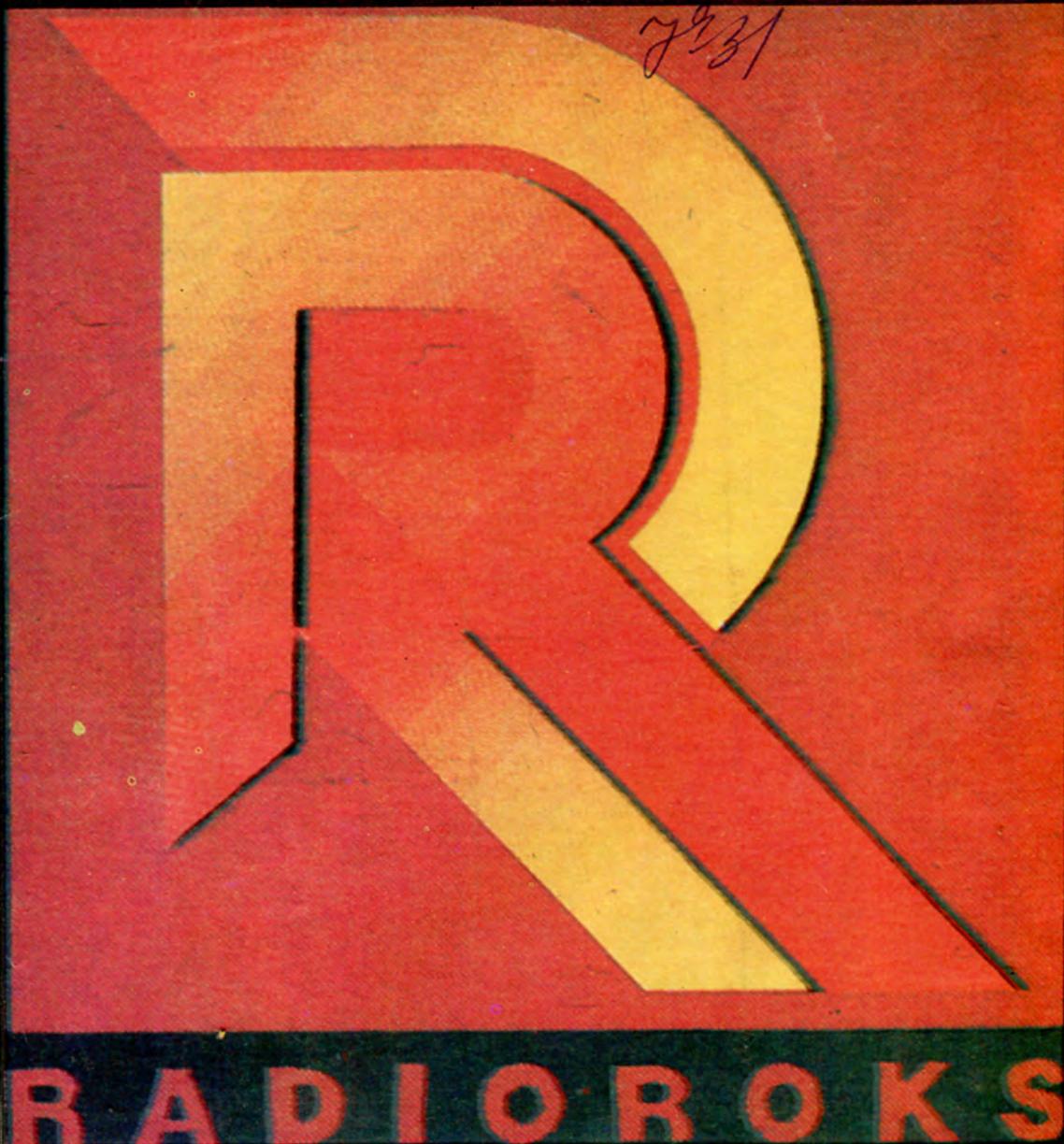
Без этой антресольной библиотечки внуки действительно не поймут, почему мы все время догоняли, но догнать не могли.

**Берем крепости, города, офисы, конторы.
Проходим сквозь стены и любые завалы.**

*Для наших
клиентов нет преграды,
если их реклама в журнале
«Моя Москва».*

☎ 299-66-75 отдел рекламы

**«РАДИО РОКС» —
ЛУЧШАЯ МУЗЫКА**

И ВАША РЕКЛАМА НА КОСМИЧЕСКОМ УРОВНЕ.

**СПУТНИКОВОЕ РАДИО —
БЛИЖАЙШИЙ ПУТЬ К МИЛЛИОНАМ СЛУШАТЕЛЕЙ!**

СЛУШАЙТЕ «РАДИО РОКС» на ВОЛНАХ:

FM 102,0 — в САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

FM 102,1 — в МИНСКЕ

FM 102,7 — в РИГЕ и ЮРМАЛЕ

FM 103,0 — в МОСКВЕ

FM 104,0 — в КИЕВЕ

СЛУШАТЕЛИ, «РАДИО РОКС» — ВАШ КАПИТАЛ!